ОГОНЁК
№ 14 МАРТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 14 (1555)

31 МАРТА 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Давайте дружить

Слова А. ЖАРОВА.

Музыка К. ЛИСТОВА.

Хороший денек!
Поет паренек,
Под вечер свой цех покидая.
Гостей дорогих, друзей молодых
Встречает Москва молодая.
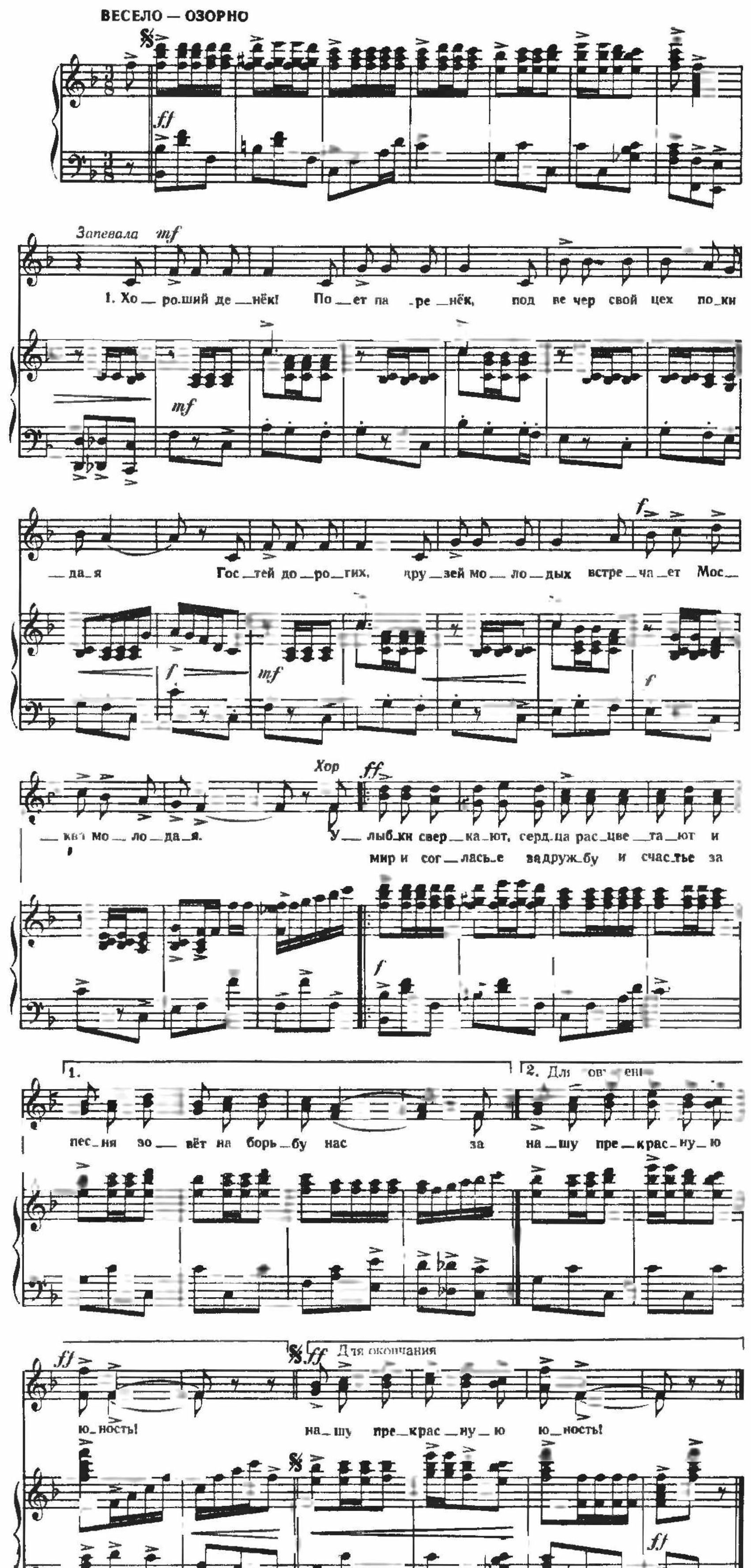
Припев:
Улыбки сверкают, сердца расцветают,
И песня зовет на борьбу нас
За мир и согласье,
За дружбу и счастье,
За нашу прекрасную юность!

На шумном лугу
В широком кругу
Друг другу мы руки протянем.
У Ленинских гор в честь братьев, сестер
Веселую здравицу грянем...

Припев.

Мы вновь говорим
Гостям дорогим:
Во имя всего, что любимо,
Давайте дружить, давайте дружить,
Давайте дружить нерушимо!

Припев:
Улыбки сверкают, сердца расцветают,
И песня зовет на борьбу нас
За мир и согласье,
За дружбу и счастье,
За нашу прекрасную юность!

На первой странице обложки: Плакат работы **Е. Мигунова.**

На последней странице обложки: Вся Четырнадцатая московская полиграфическая фабрика работает на фестивальный карнавал.

Фото Дм. Бальтерманца и Е. Умнова.

Митинг дружбы между народами Советского Союза и Венгерской Народной Республики в Большом Кремлевском дворце.
Фото Дм. Бальтерманца.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Нашу страну посетила Правительственно-партийная делегация Венгерской Народной Республики во главе с Председателем Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства и Председателем ЦК Венгерской Социалистической Рабочей партии товарищем Яношем Кадаром. В состав делегации входили Председатель Президиума Венгерской Народной Республики Иштван Доби и другие видные государственные деятели Венгрии.

Посланцы братского венгерского народа встретились с руководителями Коммунистической партии Советского Союза и Советского Правительства. Во время переговоров между Правительственно-партийными делегациями Советского Союза и Венгерской Народной Республики было установлено единодушие и взаимопонимание по всем затронутым вопросам. Переговоры протекали в сердечной и братской обстановке. От лица Венгерского Правительства, ВСРП и венгерского народа товарищ Янош Кадар выразил глубокую благодарность Советскому Правительству, Коммунистической партии и советскому народу за искреннюю братскую помощь Венгерской Народной Республике.

27 марта в Кремле состоялся митинг дружбы между советским и венгерским народами, на котором присутствовали гости из Венгрии. Это была волнующая демонстрация единства двух народов, их сплоченности в борьбе за мир и социализм.

Посещение СССР Венгерской Правительственно-партийной делегацией укрепило прочные узы дружбы между Советским Союзом и социалистической Венгрией, плечом к плечу стоящими в лагере социалистических стран.

1917 год. Большевистская демонстрация в Петрограде, на Литейном проспекте.

Запечатленное фотоаппаратом в году 1917...

Эти солдаты отказались слушать приказы Керенского. Они пошли с винтовками на защиту революции.

Фото П. Оцупа.

Реликвии революции

Осенью минувшего года группа сотрудников Государственного музея Татарской АССР совершила на машине рейс по маршруту Казань — Елабуга — Набережные Челны — Мензелинск. Они устанавливали связи с участниками Октября, собирали новые экспонаты к 40-й годовщине Великой Октябрьской революции.

Десятки писем были посланы из Казани в Саратов, Ленинград, Пензу, Вязьму, Уфу, Харьков и другие города страны по следам участников революционных событий. Вскоре у нас появилось много добровольных помощников. В музей стали прибывать экспонаты: редкие фотографии, документы, реликвии революционной борьбы.

Бывший политкаторжанин, участник первой русской революции, Петр Андреевич Мартынов принес первое знамя Юртукульского волостного Совета. С одной стороны красного полотнища изображен рабочий у горна, с другой — крестьянин с сохой. Надпись вверху гласит: «Да здравствует социальная революция мира!», внизу: «Да здравствует тесное единение рабочих и трудовых крестьян!»

Пенсионер товарищ Курицын доставил в музей несколько редких фотографий, сделанных после Февральской революции на улицах Казани, и два документа — личные боевые распоряжения председателя революционного штаба прапорщика Н. Е. Ершова.

В музей поступили первые партийные и комсомольские билеты, мандаты делегатов на партийные съезды, письма к крестьянам Татарии Н. К. Крупской, разные документы за подписью М. И. Калинина, многочисленные партизанские документы периода гражданской войны. Из одного частного собрания получено около двухсот плакатов первых лет революции. Из заброшенных складов перекочевали в музей красногвардейские берданки, снаряды и даже английская гаубица, отбитая рабочими Заречья у белочехов.

В. ДЬЯКОНОВ,
директор Государственного музея Татарской АССР.

Одна из доставленных в музей фотографий. На митинге.

Белорусская нефть

Высоки и могучи дубы Полесья. Их вершины вознесены над пущами, как стражи. Казалось, нет и не будет в пейзаже Полесья ничего другого, что бы могло соперничать с дубами в росте.

Но вот Николай Селюк поднимается над лесной гущей. Он стоит свободно, во весь рост, на прочной площадке из металла и дерева. Под ним вершины вековых дубов.

Несколько лет назад в южных районах Белоруссии были заложены первые разведочные буровые. Стальные вышки возникали среди полесских лесов и болотных топей то в одном районе, то в другом. Плечом к плечу с опытными бурильщиками из Баку работали жители окрестных сел, ставшие дизелистами, буровыми мастерами. Так и Николай Селюк стал буровым рабочим.

Время шло. И вот неожиданно ударил фонтан. Черная струя с ревом рвалась к лазурному небу, на многометровой высоте обессиливала и с шумом падала на землю.

Продолжаются исследования структур залежей и промышленной ценности месторождения.

А. ДИТЛОВ

СОКРОВИЩНИЦА МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

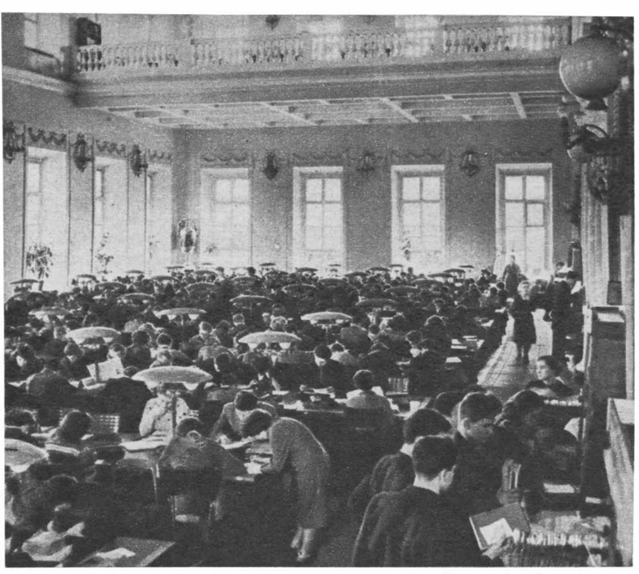

Фото А. Гостева.

Большую подготовку ведет коллектив Государственной библиотеки имени Ленина к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Выпускают библиографические указатели, сборник методических материалов для массовых библиотек страны, серию брошюр «Беседы о книгах», указатель произведений выдающихся деятелей КПСС и другие.

К великой дате в залах библиотеки откроется выставка книг, графики и плаката.

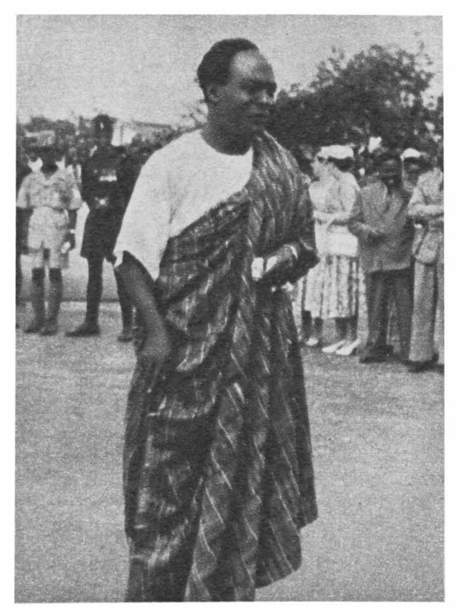
Скоро должно быть закончено строительство последнего нового корпуса. Это позволит открыть десять читальных залов, увеличить пропускную способность библиотеки на тысячу мест. Будут оборудованы специализированные читальные залы: экономики, техники, каталогов иностранных фирм, текущей периодики и другие.

На книжных полках библиотеки, общая длина которых превышает 200 километров, хранится более 19 миллионов книг, брошюр, рукописей. Среди них произведения русских и иностранных авторов всех частей света, ценнейшая коллекция древних рукописных и первопечатных книг, а также рукописи почти всех русских классиков.

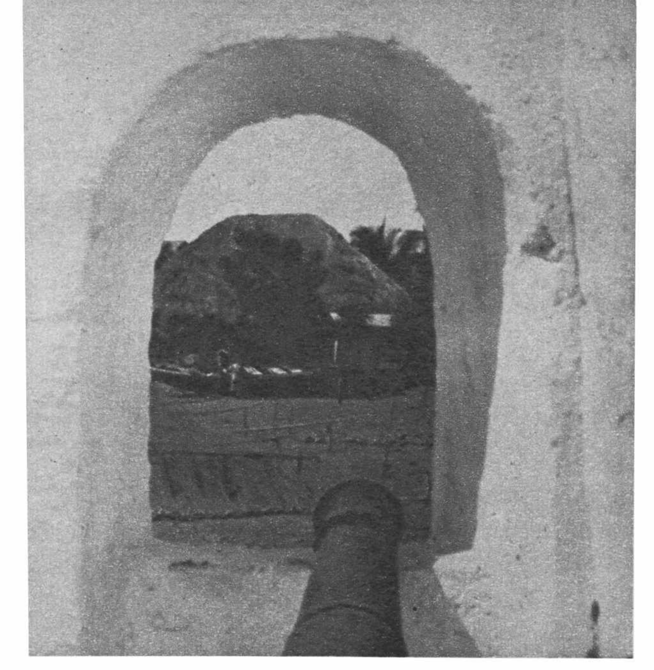
В библиотеке создан особый фонд произведений классиков марксизма-ленинизма на многих языках народов мира, насчитывающий более сорока тысяч томов. Здесь тридцать тысяч экземпляров книг В. И. Ленина, в том числе первые издания его сочинений на языках народов СССР и на иностранных языках.

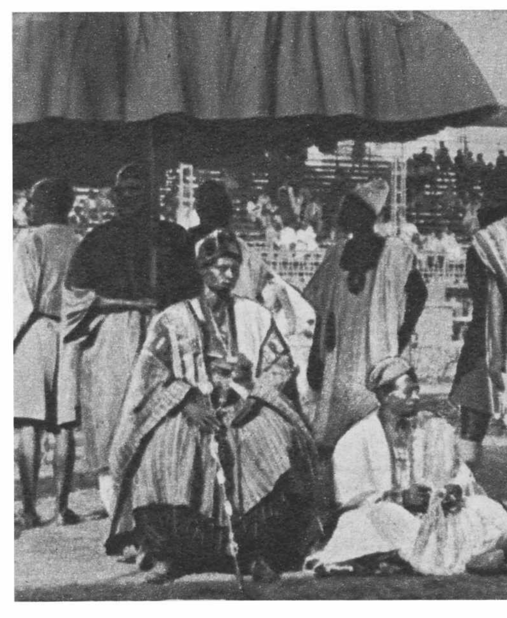
— В истекшем 1956 году,— рассказал директор библиотеки П. М. Богачев,— наши читальные залы посетило около 1 800 тысяч человек. Им было выдано более 9 миллионов книг и журналов. За год поступило свыше 700 тысяч новых книг и журналов и около 1,5 миллиона газет. В среднем библиотека ежедневно получает 2 тысячи книг и журналов и 400 газет.

Из года в год расширяется международный книгообмен. Мы связаны с 60 странами, в которых 1 345 организаций обмениваются с нами литературой.

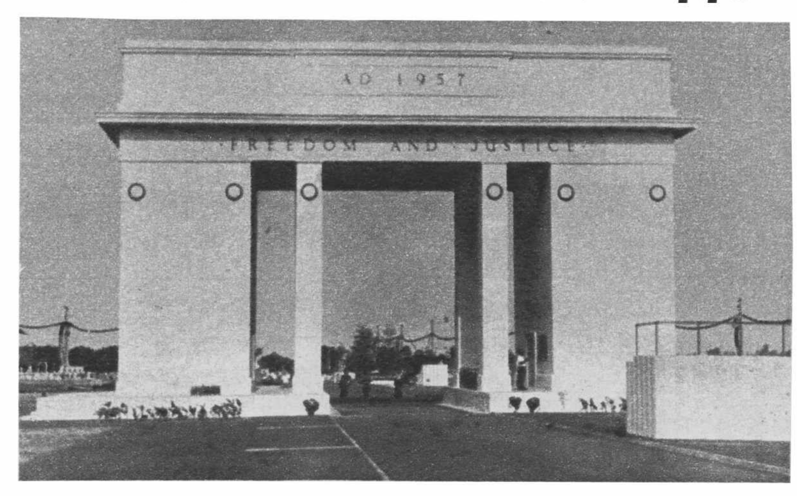
Премьер-министр Ганы Кваме Нкрума.

Вождь одного из племен Ганы, прибывший на празднование в столицу.

ОТ ФОРТА ЭЛМИНЫ ДО

АРКИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Н. ПАСТУХОВ

Фото автора.

С шумом разбиваются волны Гвинейского залива о тяжелые стены форта Элмины. Брызги переливаются всеми цветами радуги в лучах экваториального африканского солнца. От берега отходят длинные, выдолбленные из стволов деревьев рыбачьи ладьи. Из зияющих бойниц форта смотрят на эту мирную картину жизни африканских тропиков старинные пушки...

Отсюда началось завоевание Западной Африки в 1471 году португальскими колонизаторами. Отсюда уходили в Европу первые корабли, нагруженные золотом, алмазами, жемчугом. Отсюда началась работорговля неграми. «Золотым Берегом» называли колонизаторы эту богатую страну, населенную негритянскими племенами.

Покоряя одно племя за другим и воюя между собой, португальские, французские, голландские, английские колонизаторы покрыли побережье Гвинейского залива крепостными фортами. К началу XIX века Англия вытеснила своих конкурентов и завоевала Золотой Берег.

...Март 1957 года. Разорваны цепи колониализма, и, как звенья этих цепей, стоят на побережье Гвинейского залива построенные колонизаторами форты Элмины, Христиансбурга, Вильямса, Кэйп Коста и другие. Не существует более Золотого Берега. В Западной Африке есть независимое государство — Гана.

В ночь с 5 на 6 марта в столице Ганы — городе Аккре — царило необычайное оживление. Незадолго до провозглашения независимости на главной улице столицы была торжественно открыта Арка Независимости. С возгласами «Свобода! Свобода! Свобода!» под ней прошли десятки тысяч людей: представители старшего поколения во главе с премьер-министром Кваме Нкрума, молодежь, женщины с детьми, народные оркестры, воинские подразделения.

Вечером открылось чрезвычайное заседание парламента, на котором выступил премьер-министр.

— Мы собрались здесь, чтобы отдать должное счастливому событию — получению нового статуса нации. Когда забрезжит рассвет, мы оставим позади цепи империализма и колониализма, которыми мы были прикованы к Англии. В полночь Гана вернет себе утраченную независимость.

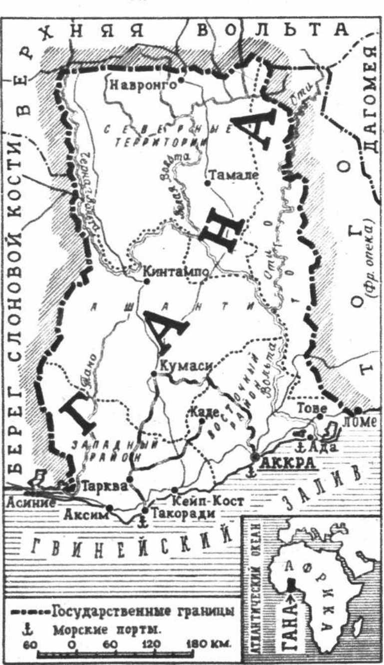
Речь Кваме Нкрума была встречена бурными аплодисментами собравшихся в парламенте и многочисленными иностранными делегациями. На торжестве присутствовали советская делегация, возглавляемая министром совхозов СССР И. А. Бенедиктовым, делегации народного Китая, Чехословакии, Польши, Румынии.

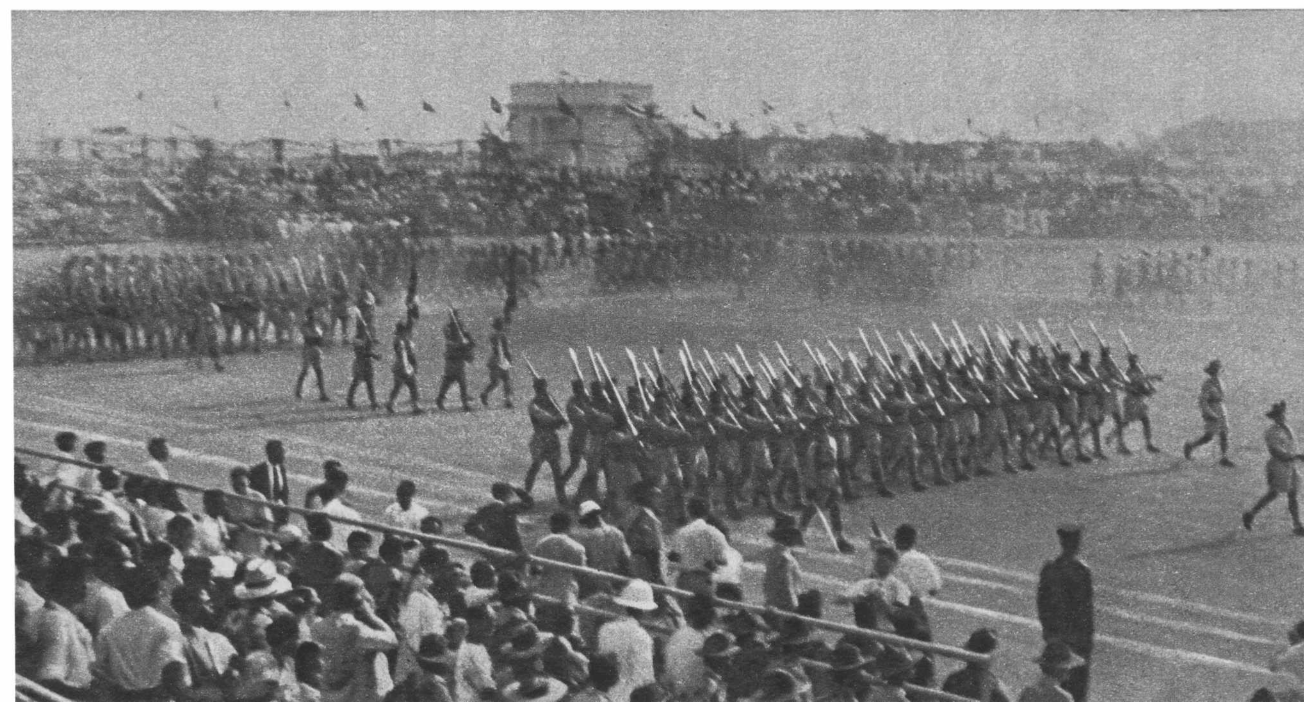
К 12 часам ночи вокруг парламента собрались огромные толпы народа. Ровно в полночь под взрывы «Ура!» с мачты парламента упал британский флаг и на его месте взвился новый, красно-желто-зеленый, с черной пятиконечной звездой в центре, национальный флаг Ганы. Красный цвет — это слава, воздаваемая борцам за независимость, желтый символизирует национальное богатство — золото, а зеленый — лесные ресурсы страны. Пятиконечная звезда — символ Африки, освобождающейся от колониального рабства.

Утром 6 марта по главной улице Аккры вновь шли красочные процессии, гремели барабаны, жители Ганы в национальных костюмах исполняли древние африканские танцы. И над всем этим гордо высилась бело-мраморная Арка Независимости.

Глава советской делегации И. А. Бенедиктов на регате, устроенной на побережье Гвинейского залива в честь провозглашения независимости Ганы.

Парад национальных войск по случаю провозглашения независимости.

ПЕРВЫЙ В СИБИРИ

Мих. АМШИНСКИЙ
Фото А. ГОСТЕВА.

Доменный цех комбината.

Четверть века назад, 3 апреля 1932 года, доменная печь № 1 Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина выдала первые тонны чугуна. На востоке страны, в Сибири, была создана мощная металлургическая база, вырос город стали и угля.

Кузнецкую сталь ныне можно видеть повсюду. Железнодорожные поезда и поезда метро, трамваи в городах СССР ходят по рельсам, прокатанным кузнецкими металлургами. Мосты, цельнометаллические вагоны, паровозы, автомобили, корабли, самолеты, тракторы, каркасы высотных зданий, плотины гидростанций и даже строящийся атомный ледокол не обходятся без кузнецкой стали.

Перед началом строительства комбината Маяковский пророчески писал:

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Скоро над Сибирью вспыхнут яркие солнца мощных электрических станций, которые дадут ток новым предприятиям, шахтам, рудникам, железным дорогам, совхозам. И во всем этом грандиозном строительстве будет использована кузнецкая сталь.

Они дали первый чугун

Их трое — ветеранов комбината: главный инженер Борис Николаевич Жеребин, обер-мастер доменного цеха Семен Николаевич Болгов и мастер доменной печи № 3 Лука Тарасович Герасимов.

В богатейшем музее Дома техники комбината почетное место отведено черной плите из первого сибирского чугуна.

— Это был большой праздник,— вспоминает мастер Герасимов. — Лютый мороз. Всю ночь жгли костры. Кажется, в тысячный раз проверяли, все ли в порядке. Весь город собрался у домны. В 2 часа 05 минут горновой выбил летку. Чугун пошел...

Лука Тарасович в годы войны только сверх плана выдал 60 тысяч тонн чугуна.

Обер-мастер Болгов в начале марта вышел на пенсию. Однако дома ему не сидится.

— На днях пойду к Жеребину проситься на работу,— говорит он.—Совестно мне лодыря гонять. У домен стоять не смогу: здоровье не позволяет. Что-нибудь полегче попрошу.

Вспоминая предпусковой период, Семен Николаевич рассказывает:

— В то время на комбинате были иностранные специалисты. Они доказывали, что в условиях сибирской зимы домны работать не смогут. А мы им твердили: «У кого и не смогут, а у нас заработают». И вышло по-нашему. Зимой печи работают еще лучше, чем летом. Судите сами: у нас самая высокая в СССР выработка чугуна на одного рабочего — 568 тонн! А начали мы с 65 тонн.

Инженерный стаж Б. Н. Жеребина начался на комбинате. По окончании института он приехал сюда. Его назначили сменным инженером на первую домну, которую он принял от строителей. Затем он был заместителем начальника доменного цеха, начальником цеха, а в 1953 году стал главным инженером комбината.

В рекордные сроки реконструировали доменные печи. Под руководством Бориса Николаевича была разработана новая технология доменного процесса, которая принята многими металлургическими заводами страны.

— О проектных мощностях наших печей мы забыли,— говорит он.— Они давным-давно перекрыты.

Коллектив доменщиков теперь трудится над полной автоматизацией доменного цеха.

Главный инженер Б. Н. Жеребин и мастер Л. Т. Герасимов.

М. В. Буркацкий.

Инженер М. И. Баженов-Корчемный с практикантом из Уханьского металлургического комбината Линь Ши-бао.

Сталевар-миллионер

Михаил Васильевич Буркацкий приехал в Сталинск с Украины, с завода имени Петровского, в 1932 году по договору на три года.

— Как же с договором?

— Пришлось нарушить, — шутит Буркацкий. — Уж больно хорош комбинат!

Буркацкий сварил более миллиона тонн стали. А что это такое? Это рельсы, которые можно уложить от Бреста до Владивостока.

В прошлом году печь, на которой работает бригада Михаила Васильевича, дала рекордную по стране выплавку стали — 280 тысяч тонн!

На комбинате самые малые простои мартеновских печей и самая высокая в мире производительность труда на блюминге. Выработка стали с 13,7 тонны на одного рабочего доведена до 233 тонн!

В первые годы здесь варили сталь четырех марок, теперь освоено свыше ста тридцати.

Вместо березовых веников

Каждый год комбинат тратит 700 тысяч рублей на приобретение березовых веников. В лесах вокруг Сталинска на многие километры оголены все березы. Веники везут сюда из Красноярского края.

Какое же отношение эта березовая продукция имеет к металлургии?

Оказывается, очень большое. Березовые прутья необходимы листопрокатным цехам для удаления с листов окалины.

...Рабочие стоят около стана и зорко следят за быстро двигающимися по валкам, раскаленными докрасна стальными листами. Как только лист подходит к валу, рабочий разбрасывает по его поверхности березовые прутья. Вал с огромной силой давит на лист, прутья мгновенно сгорают, находящаяся в них влага превращается в газ — и происходит взрыв, силой которого и удаляется окалина. Способ этот несовершенен, на поверхности листа нередко образуются наросты.

Инженер листопрокатного цеха Матвей Иванович Баженов-Корчемный предложил заменить архаический способ удаления окалины: на поверхности вала сделали небольшие луночки, расположенные в шахматном порядке. Когда лист приближается к такому валу, его опрыскивают эмульсией (вода с каменноугольной пылью). Вал прижимает лист, эмульсия попадает в лунки и превращается в газ. Получается взрыв, и окалина удаляется равномерно со всего металла.

Листопрокатчики из Магнитогорска, из Сталино, из Ворошиловграда, побывав здесь, решили применить метод Баженова-Корчемного у себя.

В прокатном цехе каждый шестой рабочий — рационализатор. Всего же за четверть века труженики комбината внесли около 30 тысяч рационализаторских предложений, внедрение которых дает свыше 200 миллионов рублей экономии за год.

Потому и не пустует никогда техническая библиотека комбината, у которой свыше 20 тысяч читателей. Свыше 10 тысяч человек учится на курсах, в школах, в вечерних и заочных техникумах, в вузах.

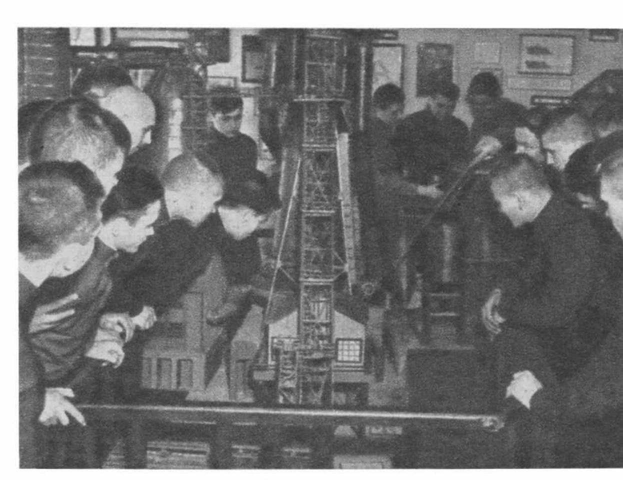
Комбинат-школа

Нам показали фотографию, на которой изображена группа первых выпускников вечернего отделения Сибирского металлургического института. Было это в 1937 году. Все они учились, работая на комбинате, а получив диплом инженера, остались здесь же. В их числе и бывший слесарь Григорий Иванович Ермолаев, ныне директор комбината. Сейчас в этом же институте учится его сын.

— У нас 80 процентов инженеров — наши, местные,— говорит Григорий Иванович.

В период строительства и в первые годы работы комбината сюда ехала молодежь со всех концов страны. Многих мастеров дала южная металлургия. Теперь же комбинат стал школой кадров для большинства металлургических предприятий страны.

Кузнецкий металлург! Всюду, где варят сталь, примут его с охотой, посоветуются с ним, переймут его опыт.

Будущие сталевары в Доме техники комбината.

Город Сталинск. Площадь Маяковского.

Будапештская открытка

Программу «Будапештских открыток» ведет Иштван Казан.

Фото Е. Умнова.

На перроне будапештского вокзала, от которого отходил поезд на Москву, собралась веселая компания. В весеннем воздухе звучали смех, шутки. Из окон вагона выглядывали счастливые лица артистов.

Вот музыканты из оркестра Чеппи. О них заботится человек маленького роста, обладающий такой энергией, которой хватило бы на десять высокорослых. Это сам Чеппи — дирижер оркестра. Когда-то он учился в театральной школе вместе с Кальманом Латабаром, но затем стал музыкантом и с венгерским джаз-оркестром объездил весь мир. Чеппи бывал и в Москве в начале 30-х годов.

Чеппи не только дирижер, но и композитор. У него есть хорошие танцевальные песенки, и некоторые из них вы слышите на наших концертах. (А если захотите их выучить, приходите тогда почаще!)

Из вагона выглядывали и знакомые вам лица: солисты Венгерского государственного оперного театра Шари Генчи и Андраш Варга и артист венгерской эстрады Рихард Богар. В прошлом году Богар выступал у вас как танцор, сейчас он увлекается и пародиями.

В нашей программе есть еще два пародиста. У обоих в этом году юбилей: Рик Джокер празднует 35-летие, Мариэтта Ач — 25-летие сценической деятельности.

А кто эта черненькая девушка с красивыми глазами? Да это Жужа Вадаш, любимая певица будапештских влюбленных!

Акробаты — два Боднара — в прошлом году участвовали в гастролях венгерского цирка в Ленинграде и Киеве.

«Будапештские открытки» ставил режиссер Бела Каради. Это его третья премьера в Москве. В его постановке шли прошлогодние программы — эстрадная и цирковая.

Но вот мы в вашей столице и, как всегда, тронуты гостеприимством советских людей. Рику Джокеру для его номера нужно было узнать, какими жестами регулируют уличное движение советские милиционеры. Московские товарищи пригласили милиционера, и тот показал Джокеру все, что ему было необходимо.

Мы стараемся отблагодарить вас, дорогие советские зрители, и даем все, что у нас есть в «кармане» эстрадной программы. Мы стараемся, чтобы вы весело проводили вечера на наших концертах.

Еще несколько слов мне хочется сказать о ваших старых знакомых из Будапештского театра оперетты: Ханне Хонти, Кальмане Латабаре, Камилле Фелеки, Роберте Ратони. Все они живут хорошо, а театр оперетты показал новую постановку — «Граф Люксембург». Ханна Хонти так же молода, а Латабар, Фелеки и Ратони так же заставляют будапештцев смеяться, как и раньше.

Что сказать о себе? Я работаю режиссером в театре Народной армии в Будапеште. Я был очень рад поездке к вам: всегда приятно встретиться со старыми друзьями.

Я кончаю свою «открытку». Вы знаете, на открытке много не напишешь! А если хотите узнать обо всем подробнее, пожалуйте к нам на спектакль! После Москвы мы будем в Ташкенте, потом в Куйбышеве, а после поедем в другие города.

Ваш искренний друг
Иштван Казан.

Поет гармонь...

Александр **ВОЗНЯК**

Пришла в поля
зима, степная, вьюжная,
Снежинки словно звездочки в окне.
Поет гармонь
про наши семьи дружные,
Как поженились мы на целине.

Бывает в жизни,
счастье рядом светится,
А ты иной дорогою идешь,
И, может быть, оно с тобой не встретится,
Другую ты любимой назовешь.

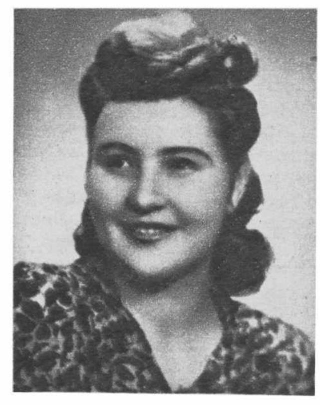
Рябина в песне издавна печалится,
Как ей к дубку
за речку перейти,
Но сердце с сердцем, видимо, встречается,
Когда обоим в жизни по пути.

Степь широка,
она не стежка узкая,
И ей беречь и дружбу и любовь.
Грустит и радуется песня русская,
И нет на свете задушевней слов.

Пускай звенит
в полях зима студеная,
Гармонь поет о счастье и весне...
Останемся до старости влюбленными,
Коль поженились мы на целине!

Чкалов.

Смелый поступок

Н. И. Лебедева.

Это случилось недавно в Риге, в доме № 1 по улице Грегора. Зинаида Николаевна Кочетова ушла на рынок, оставив без присмотра двухлетнего сына Сашу около топящейся печи.

Саша немедленно приступил к исполнению обязанностей «истопника». Дрова в печи горели ярким пламенем. Саше это нравилось, и он решил перенести их на кровать, на которой его оставила мать. Теперь горели не только дрова, но и одеяло, матрац и подушки.

Случайно мимо дома проходила комсомолка Надежда Лебедева, жена офицера Советской Армии. Она почувствовала запах гари, увидела, что из-под запертой двери пробиваются струйки дыма. Комсомолка не растерялась и бросилась в дом. Где-то был слышен плач ребенка. Лебедева вбежала в горящие комнаты; дым проникал в легкие, разъедал глаза. На ощупь найдя мальчика, мужественная женщина взяла его на руки и вышла с ним в коридор. Оставив Сашу в соседнем доме, она пыталась разыскать телефон, чтобы сообщить в пожарную охрану, но телефона близко не оказалось, пришлось бежать около полукилометра. Вызвав пожарную команду, она собрала по пути людей и с ними вернулась в горящую квартиру. С помощью простейших средств пожар был ликвидирован до прибытия пожарных.

Благодаря смелости и находчивости комсомолки Надежды Лебедевой ребенок, жилой дом и имущество жильцов были спасены.

Надежда Ивановна Лебедева Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

П. ДУДАРЕВ

Гости «Огонька».

По приглашению Советского комитета защиты мира в Москве побывал известный датский художник-карикатурист Херлуф Бидструп.

Бидструп встречался с советскими художниками, посетил ряд выставок, издательств, редакций газет и журналов.

На снимке: Херлуф Бидструп в редакции журнала «Огонек».

Для дружеской Бирмы

Перспектива главного павильона Бирмы на промышленной выставке.

В Рангун по приглашению правительства Бирмы выезжала советская экономическая делегация. В итоге переговоров подписано соглашение, которое предусматривает строительство и оборудование Советским Союзом в виде дара бирманскому народу комплекса сооружений.

Руководитель советской делегации, заместитель начальника Главного управления по делам экономических связей П. А. Малетин рассказал нам:

— В первую очередь начнется строительство Технологического института, госпиталя и гостиницы. Институт в Рангуне будет иметь учебный корпус с актовым залом, лабораторный корпус, студенческие общежития на восемьсот мест, жилые дома для преподавателей и ассистентов, одноквартирные коттеджи для профессоров.

В центре бирманской столицы вырастет здание театра на тысячу восемьсот мест. По существу, это будет первое театральное здание Бирмы. При нем создается холодильная станция, которая приобретает особое значение в условиях жаркого климата.

На южной окраине Рангуна, в естественном парке, раскинувшемся на живописном берегу озера, возникнет промышленная выставка.

О ней рассказал архитектор В. С. Андреев, руководитель мастерской № 1 «Моспроекта»:

— Нами разрабатываются генеральный и технический проекты выставки. Мы проектируем главный вход с административным зданием и символической скульптурой «Мир», главный павильон Бирманского Союза, зеленый театр на четыре тысячи мест, здание конференц-зала, демонстрационный зал промышленности, который легко можно превратить в теннисный корт с местами на пять тысяч зрителей.

На этой же территории расположится гостиница на двести шесть номеров.

Наш коллектив с увлечением работает и над проектом стадиона олимпийского типа с трибунами на пятьдесят тысяч мест.

Над генеральным планом и техническими проектами сельскохозяйственной выставки в Бирме работает мастерская № 14 «Моспроекта».

Строительство будет осуществляться совместно советскими и бирманскими организациями. Оно начнется в нынешнем году и закончится в 1963 году.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

НА ВЕРФЯХ ВОЗДУШНЫХ КОРАБЛЕЙ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото автора.

«Летающие вагоны»

«Самый большой геликоптер в мире!», «Электричка в облаках», «Русские ставят мировой рекорд» — замелькали в иностранных газетах и журналах заголовки, когда на воздушном параде в Тушине впервые появились «летающие вагоны» — могучие двухмоторные вертолеты «ЯК-24».

Реальностью стала вековая мечта о большом летательном аппарате, способном вертикально взлетать с любой площадки, неподвижно держаться в воздухе и точно так же, без всякого пробега, вертикально опускаться на поляну или на льдину в море. Высокие качества бескрылой машины с вертикальными винтами продемонстрировал летчик Егор Филиппович Милютичев — он поднял на вертолете 4 тонны груза на высоту без малого 3 тысячи метров, и его результат стал официальным, общепризнанным мировым рекордом.

Какова дальнейшая судьба вертолетов «ЯК-24»?

Генеральный конструктор Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев рассказывает:

— Наше конструкторское бюро за тридцать лет своего существования занималось созданием скоростных самолетов разного назначения и учебно-тренировочных самолетов. Поэтому многих удивило сообщение, что гигантский вертолет «летающий вагон» — машина, способная зависать в воздухе, создана нашим коллективом. Как-то не вязалось в сознании, что одно и то же конструкторское бюро может создавать диаметрально противоположные машины: одни, летающие со скоростью, превышающей скорость звука, и другие, способные неподвижно висеть в воздухе. Но это факт: «летающий вагон» спроектирован, построен и испытан в нашем конструкторском бюро.

Здесь начинается сборка огромных вертолетов «ЯК-24».

История создания этого вертолета несколько необычна. В 1952 году, летом, Правительство дало задание группе авиационных конструкторов, в том числе А. Н. Туполеву, С. В. Ильюшину, мне и «вертолетчикам» М. Л. Милю и Н. И. Камову построить большой вертолет, причем в очень короткие сроки. Нет нужды подробно рассказывать, как проходило обсуждение, но совещание окончилось тем, что нашему конструкторскому бюро было поручено строить гигантскую машину. На проектирование, опыты, строительство и испытания дали один год. Время нельзя было терять, и вместе со своими помощниками Н. Скржинским, И. Эрлихом, П. Самсоновым, Л. Шехтером и другими мы энергично принялись за разработку вертолета. Каждый из нас, конечно, знал историю вертолета. Впервые идея постройки машины, поднимающейся в воздух при помощи вращающегося в горизонтальной плоскости воздушного винта, возникла у Леонардо да Винчи еще 450 лет тому назад. В 1754 году наш великий соотечественник Ми-

Летчик-испытатель Е. Милютичев и борт-механик А. Самсонов перед вылетом.

хаил Васильевич Ломоносов на заседании Российской Академии наук доложил о своем проекте «аэродинамической машины» для исследования верхних слоев атмосферы и представил модель вертолета, у которого винты приводились во вращение часовым пружинным механизмом.

В России перед войной 1914 года в воздухоплавательном кружке МВТУ был построен первый геликоптер по проекту студента, ныне покойного академика Б. Н. Юрьева. Война прервала эту работу, и лишь после революции у нас возобновились работы с винтокрылыми аппаратами.

В тридцатых годах под руководством инженеров Н. Камова, Н. Скржинского, А. Изаксона и других широко проводились работы по созданию ряда типов автожиров. В 1932 году конструктором профессором А. Черемухиным был даже установлен мировой рекорд высоты полета на вертолете ЦАГИ — 605 метров. Позже было создано несколько образцов двухвинтовых вертолетов «Омега». Наиболее серьезные работы в области вертолетостроения проведены конструкторским коллективом во главе с М. Милем. Его вертолеты нашли широкое массовое применение в народном хозяйстве нашей страны.

А что происходило за границей? В тридцатых — сороковых годах упорно работали над созданием вертолетов в Соединенных Штатах известный конструктор Игорь Сикорский и конструктор Франк Пясецкий, в Англии вертолетами занималась фирма Бристоль. Наибольших успехов первым добился Сикорский: он создал несколько небольших одновинтовых вертолетов, некоторые из них были приняты на вооружение американской армии и участвовали во второй мировой войне и в войне в Корее. Успешно работал Пясецкий, создавший вертолеты средней грузоподъемности с двумя винтами. Его вертолет «Летающая лошадь» нашел широкое применение в десантных войсках США.

Англичанам с вертолетами повезло меньше: фирма Бристоль долго и мучительно «доводила» свои конструкции вертолетов, и в конце концов англичане вынуждены были купить в Америке лицензию на постройку вертолетов Сикорского.

Все известные к началу пятидесятых годов американские и английские вертолеты обладали сравнительно малой грузоподъемностью: примерно около тонны. Лишь фирма Пясецкого широко разрекламировала проектировавшийся двух—трехтонный вертолет «УН-16», над которым работала длительное время. Но при летных испытаниях этой машины конструкторов фирмы Пясецкого постигла неудача: на двадцать первом полете от тряски машина развалилась в воздухе, весь экипаж из 5 человек погиб.

Самая серьезная и трудноизлечимая болезнь вертолета — вибрация. Много лет боролся Пясецкий с вибрацией вертолета «УН-16», но безуспешно; немало времени потратили специалисты на устранение вибраций вертолета «Бристоль-173». Но трудности не останавливали ученых и конструкторов. В настоящее время на Западе вертолеты в результате упорной работы стали надежным средством воздушного транспорта.

Такова история... В то время, имея за своими плечами опыт постройки лишь нескольких небольших экспериментальных вертолетов, мы понимали, что перед нами поставлена очень трудная задача. Разработка проекта нового гигантского вертолета заняла у нас сравнительно мало времени. Закончив проектирование, мы начали строить сразу четыре вертолета: один — для испытания статической прочности в лаборатории, подобно тому, как это делается и с самолетами, второй — для проверки динамической прочности на аэродроме, для проверки надежного ресурса при работе двигателей и роторов во «взвешенном» состоянии на привязи, третий и четвертый экземпляры— для заводских и государственных летных испытаний.

С первых же часов работы двигателей и роторов ресурсную машину стало трясти. Устранишь тряску в одном месте, она появляется в другом, и так без конца...

Много разных технических трудностей пришлось нам преодолеть в процессе постройки и испытания вертолета, но главной трудностью была вибрация — тряска машины.

Однако эти осложнения, которые встретились при работе воздушных винтов на привязи, были ничто по сравнению с тем, что нас ожидало впереди. Груда обломков, исковерканные лопасти, обгорелый металл — вот что осталось от ресурсной машины, разрушившейся на 187-м часу испытаний от усталостных напряжений одного из узлов. К счастью, не пострадал никто из испытателей, а причина аварии была установлена.

— Не будем унывать, — сказал я помощникам, — теперь мы знаем причину тряски, знаем, почему произошла авария. Примем меры, и в последующем это больше не повторится!

Все силы были брошены на устранение роковой тряски. Пять месяцев продолжались напряженные исследования и расчеты, проводились десятки экспериментальных полетов, но все безрезультатно. В отличие от таких ученых, как И. Ананьев, Л. Вильдгрубе, Б. Жеребцов, А. Макаревский, не покладая рук трудившихся с нами над «лечением» вертолета, нашлись и такие, которые доказывали, что «иначе быть не может», что тряска присуща нашему вертолету, и замечали: «Как ни лечите, все равно ничего не получится: американцы на «УН-16» не могут от тряски избавиться, англичане на «Бристоль-173» ничего не могут сделать, а вы что, самые умные? Не теряйте зря времени».

Мы его и не теряли. Напряженно вел наш коллектив исследования, и в конце концов, после преодоления целой серии трудностей, наш вертолет «ЯК-24» был доведен до сдачи на государственные испытания и успешно их прошел.

Горести и волнения теперь позади. Конструкторы И. Эрлих, П. Брылин, летчики-испытатели С. Бровцев, Е. Милютичев, П. Шишов и многие другие создатели новой машины сделали все, чтобы вертолет жил, летал, служил народному хозяйству. Творческие нововведения конструкторов И. Эрлиха, П. Брылина, деловые советы летчиков-испытателей С. Бровцева, Е. Милютичева и многих других товарищей позволили быстро устранить неполадки и пустить в серийное производство «ЯК-24».

Электросварщица Нина Рыжикова.

День на стапелях

Завод, на котором строят корабли, только не морские, а воздушные, заставляет забыть, что ты на авиационном предприятии: и эти светлые, большие цехи, и леса трубчатых стремянок, окружающих корпуса вертолетов, и могучие кили, и пламенные всплески электросварки, и пулеметная дробь пневматических молотков — все создает впечатление, будто находишься на стапелях мощных кораблестроительных верфей.

Множество металлических труб разного сечения сваривается в огромную мостовую ферму — это и есть каркас вертолета. Его обшивают, заполняют приборами, баками, сверху водружают над ним мощные моторы, и вот он, переходя из цеха в цех, обретает черты внушительного воздушного корабля.

Ведущий конструктор Павел Павлович Брылин знакомит нас с электросварщицей Ниной Рыжиковой. Нина дорожит каждой минутой, спешит, — закончив сварку одного вертолетного каркаса, переходит к другому, — и только в перерыве, отложив щиток, говорит:

— Когда был готов первый опытный вертолет, мы всем цехом ходили на аэродром посмотреть, как полетит наша машина. Теперь, когда вертолеты находятся в серийном производстве, мы, — Нина произносит «мы» с явной гордостью, — старые вертолетчики, стараемся перевыполнять нормы, вносить усовершенствования. Очень хочется нам построить еще больший по размерам вертолет, и мы верим, что наши конструкторы вместе с Александром Сергеевичем Яковлевым дадут такую машину.

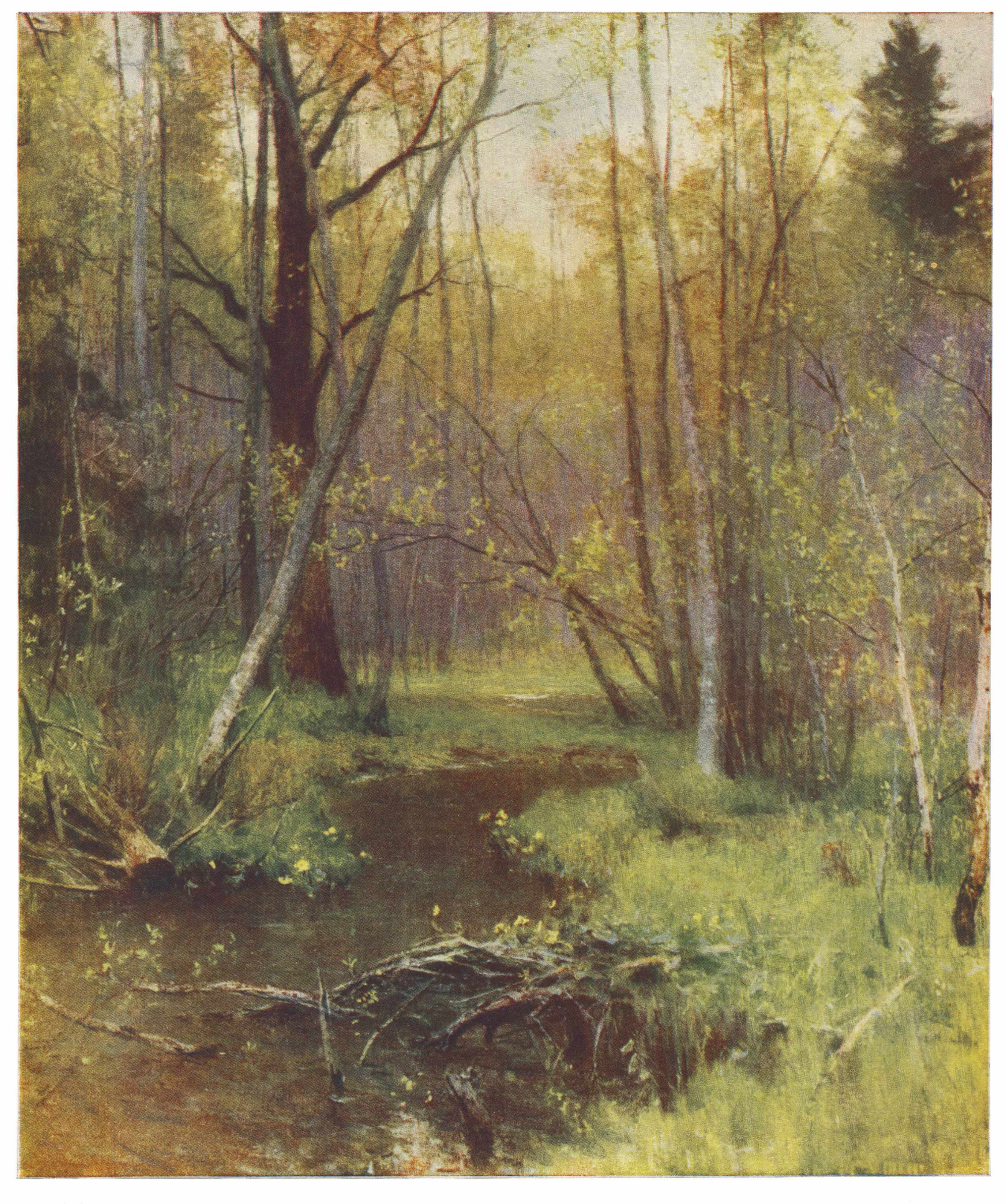
В сварочном цехе Нина Рыжикова начинает строительство вертолета, а ее подруга Серафима Плотникова заканчивает его в сборочном цехе. Здесь вертолет облепляют сверху донизу сборщики, слесари, электрики, сварщики.

Но вот машина доставляется в малярный цех. Нужно несколько дней, чтобы тщательно окрасить громадину. Закончена и эта операция. Вертолет появляется на аэродроме. Его осматривают, впервые запускают двигатели. Над вертолетом раскручиваются длиннолопастные винты, рождается моторная буря. "Летающий вагон" вздрагивает, легко отрывается от земли и прямо с места поднимается в небо. Вот он останавливается над аэродромом, и махина без крыльев, растопырив массивные шасси, висит на одном месте в воздухе. Не тонна, не две, а целый вагон держится в небе! Потом «ЯК-24» описывает круг над заводскими цехами, забирается выше в небо, к облакам, опускается, снова зависает над аэродромом и пружинисто опускается на свои дутые большие колеса.

...Пройдем отсюда в белые залы конструкторского бюро — здесь зарождаются новые могучие машины с вертикальными винтами. Не станем гадать, сколько будет на каждом вертолете моторов: два, четыре или восемь,— сколько поднимут они пассажиров: сто, двести или четыреста — и как далеко полетят... Очевидно одно: «вертолетная техника» — техника шестой пятилетки — набирает силы, расцветает, и мы еще увидим куда более мощные и просторные «летающие вагоны». И будут они прокладывать на болотах и в пустыне трубопроводы, доставлять в тайгу и тундру разведчиков недр, перевозить в горы шпалы и рельсы для строительства железной дороги, а в пустыню повезут воду.

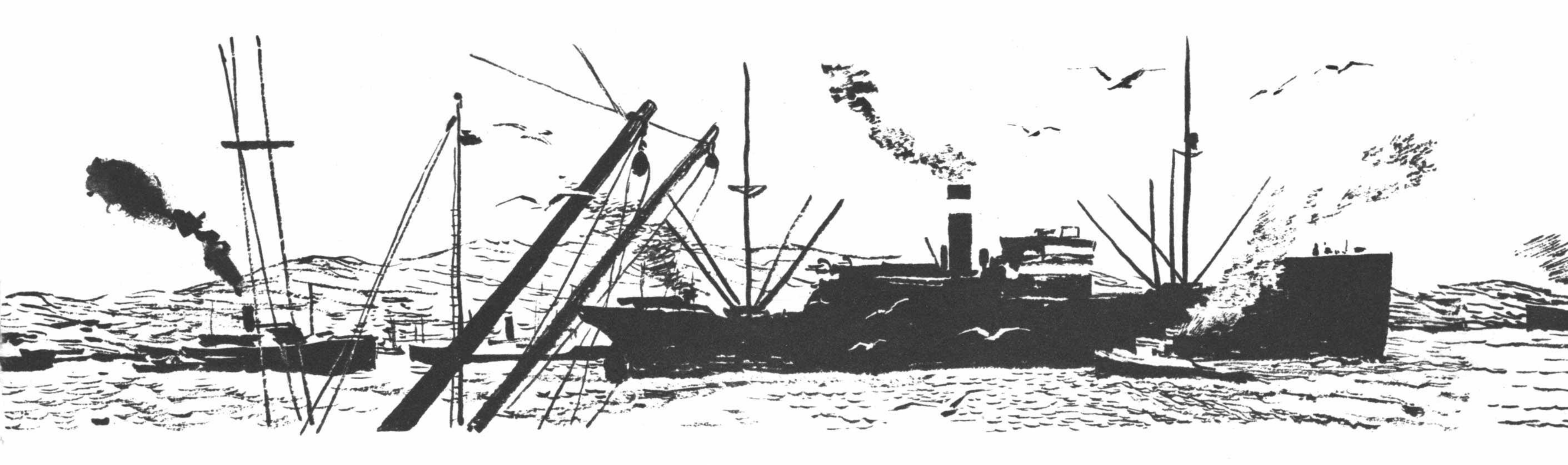
П. П. Соколов-Скаля. ПОД ВЕЧЕР.

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

А. М. Грицай. МОЛОДАЯ ЗЕЛЕНЬ.

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

ТИХООКЕАНСКИЙ ФОРПОСТ

Из романа «Пробуждение океана»

Тихон СЕМУШКИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

После того, как с рейда бухты Золотой Рог ушли последние вражеские эсминцы, крейсеры и линейные корабли, после того, как эти плавучие крепости с наведенными на город чудовищными жерлами пушек исчезли и в тихой гавани не осталось ни одного транспорта с интервентами, ни одного солдата в чужой форме, город Владивосток постепенно начал менять свой облик и становиться цитаделью Советского государства на Тихом океане.

Как и всякий портовый город на этих берегах, Владивосток первое время сохранял свой тихоокеанский колорит. Маклеры, авантюристы, жулики всех мастей, контрабандисты, всевозможные спекулянты, коммивояжеры, шпионы, курсировавшие между Харбином и Владивостоком, проститутки — весь этот людской сброд, прожигая жизнь в пьяных оргиях, назойливо лез в глаза свежему человеку.

Кафе, кабачки, аукционы, игорные клубы заполняли сытые, откормленные дельцы и бездельники, цеплявшиеся за легкую, паразитическую жизнь. А к вечеру любители острых ощущений приползали на Пекинскую, теперь уже в нелегальную опиекурильню Вайнштейна.

Едва зажигались огни в ресторанах и кабачках, как прохожих оглушала дикая музыка тустепов и танго. И, словно потревоженные ночные галки, с шумом и криком слетались сюда разодетые в контрабандные шелка всегдашние посетительницы, нередко говорившие на иностранных языках. От них несло смесью французских духов и винного перегара, не успевавшего улетучиваться. Они напоминали обозленных ос, у которых разорили гнезда — публичные дома.

Около гостиниц и ресторанов стояли длинные вереницы извозчиков, а черные линкольны со шторами заменили теперь закрытые дома свиданий.

Золотоискатели, вырвавшись из глухих таежных мест, сорили здесь деньгами и золотым песком. Чудачества их не удивляли жителей города, они были обычным явлением. Никто не поражался, видя, как вереница извозчиков порожняком гналась за «хозяином», скакавшим впереди на рысаке.

Артели рыбаков, весной отбывающих на Камчатку и осенью возвращающихся с большими деньгами, напоминали стаи перелетных птиц.

Громадные универсальные магазины Чурина и К°, компании Кунст и Альберт украшали главную улицу города — Светланскую. Здесь все еще существовал и японский «Чосенбанк», производивший валютные операции.

Разноплеменные толпы — моряки разных стран и национальностей — фланировали по Светланке вдоль одной из лучших гаваней мира, Золотой Рог, где стояли иностранные торговые корабли.

Многоязычный говор — китайский, японский, корейский, английский, голландский — сливался в один общий гул, заглушая русскую речь.

Среди этого разноплеменного народа преобладали китайцы. В ресторанах, парикмахерских, банях, прачечных, в различных мастерских, ларьках и мелких лавчонках — всюду были китайцы. Китайские кули, а по местному «рогульки», монополизировали переноску грузов. Рогулька, напоминавшая «козу» для переноски кирпичей, на спинах кули гуляла по всему городу. Услугами кули пользовались домашние хозяйки для доставки продуктов с рынка, владельцы магазинов — для переброски товаров. Нередко можно было видеть, как рогулька, согнувшись в три погибели, тащил на спине, словно муравей яйцо, буфет или гардероб куда-нибудь в гору на Суйфунскую. Иногда какой-нибудь пьяный хулиган, потерявший человеческий облик, выйдя из кабака, садился задом наперед на рогульку и, болтая ногами, пришпоривая своего возницу, ехал, распевая похабные песни. И Владивостокский совет запретил этот вид колониального труда. Тогда сотни кули с рогульками за плечами, с возбужденными глазами явились в горсовет и потребовали отмены этого решения. Они, словно обреченные на голод, потрясали рогульками, высоко поднимая их над головой, и кричали: «Мы умрем без работы, рогулька нас не позорит, а кормит!» И все же решение не было отменено. Но тут же началось трудовое устройство кули.

Город необычный и сложный. Город, связанный транспортными путями со всем внешним миром. Отсюда уходили корабли в Японию, Китай, в колониальные страны. Корабли шли отсюда на Камчатку, Охотское побережье, Чукотку. Они бороздили воды океанов, уходя в Черное, Балтийское и Северное моря через Суэц и Гибралтар.

А свой путь из Тихого океана в европейскую часть страны, из Владивостока в Архангельск, Мурманск, лежал под мощным покровом арктических льдов и был мертв и непроходим. Эта величайшая трасса по Ледовитому океану, в своих водах — Северный морской путь — почти в два с половиной раза короче чужого, через Суэцкий канал, находилась как бы в состоянии спячки и терпеливо ждала пробуждения.

И вот этот долгожданный момент наступил. Хозяева этого пути — Советская власть — пришли на берега Тихого океана, к конечному пункту Великой северной магистрали — порту Владивосток. Советская жизнь в нем только-только зарождалась. Но она уже неотвратимо, как утренняя заря, пробивалась с фабрик, с судоремонтных заводов и морского порта.

* * *

Николай Алексеевич Брыкалов прибыл во Владивосток около года назад. В России уже целое пятилетие строилось Советское государство, со своим новым бытом, с новыми отношениями людей. Здесь же, на берегах Тихого океана, преобладал частнопредпринимательский дух. И Брыкалову, свежему человеку, жизнь этого города показалась совсем чужой.

Моряк по специальности, он еще в Петрограде оставил свою любимую профессию и временно перешел на работу в другое ведомство. И то, что он был моряком, предопределило назначение его начальником особого отдела Государственного политического управления пограничного и портового города Владивостока.

Теперь Брыкалов уже достаточно освоился с городом и, несмотря на свою молодость, отлично разбирался в этом котле запутанных человеческих отношений. Он так вошел в работу, что у него не оставалось времени на устройство своей личной жизни. Брыкалов был холост. Жил он в доме ответственных работников, здесь же и питался.

Привыкший к точно размеренному распорядку жизни еще на корабле, он и на берегу соблюдал его, начиная от утренней гимнастики и кончая сном в установленное время. Только чрезвычайной важности дела могли выбить его из режима, которого он неизменно придерживался.

Утром его разбудил доносившийся с улицы приветливо-напевный голос китайца: «Мадама, редиис, мадама, редиис». И тут же, как бы вторя ему, доносился с противоположной стороны улицы пронзительный голос другого китайца: «Мадама, лепеш горяч, пирги с мяс».

Брыкалов усмехнулся: «Ну, раз пошли лепешки горячие и пироги с мясом, надо вставать». Зазвенел и будильник. В открытое окно лился теплый, как парное молоко, чуть-чуть напоенный морской влагой воздух.

Брыкалов встал и вышел на балкон для утренней гимнастики. Отсюда открывался вид на всю бухту Золотой Рог, где стояли и дымили корабли, не прекращая работы ни днем, ни ночью. Их привычный шум и гул никого не беспокоил: он входил в жизнь каждого жителя города как нечто неотъемлемое.

См. «Огонек» № 13.

Корабли всегда привлекали внимание Брыкалова, и он ежедневно, выходя на балкон, рассматривал их.

Из-за мыса Чуркина выглянуло ослепительно-яркое солнце. В такие дни владивостокский воздух кажется видимым и струящимся. Он ласкает не только тело, но и душу, он напоен этой утренней морской влагой, подогретой еще вчерашним солнцем.

Полный штиль. И только прощальные гудки пароходов, уходящих на морские просторы, да шум портальных кранов и дребезжание паровых лебедок врывались в эту упоительную тишину ласкового утра.

Сделав утреннюю гимнастику, он вспомнил вчерашнюю беседу со старшим механиком парохода «Монгугай» Лухтом, который обстоятельно рассказал, как большевистская подпольная организация пришла к мысли угнать суда и как она осуществила это с помощью капитана Добровольного флота Невзорова.

«Ловко они провели эту операцию»,—подумал он и решил поискать судно «Монгугай».

Он взял бинокль и стал водить им по водной глади бухты. Отсюда все корабли были видны как на ладони. Он задержался на одном из судов и подумал: «Кажется, этот».

По борту парохода «Монгугай» висели «беседки», и матросы, свесив ноги, красили судно в черный цвет. Брыкалов довольно улыбнулся, вспомнив, как вчера, еще в присутствии Лухта, он позвонил в порт и попросил уделить внимание бывшему эмигранту «Монгугаю». Теперь он видел, что его просьбу уже выполняют.

Позавтракав, Брыкалов вышел на улицу и отпустил шофера. На службу он отправился пешком. Не спеша прошел на пристань к причалам, присматриваясь к жизни порта. Его внимание привлекла китайская артель грузчиков своей четкой и поразительно слаженной работой. Их точно рассчитанные движения были как бы автоматическими. Паровой лебедкой управлял пожилой китаец, мерно двигая рычагами и следя за дирижирующим китайцем-старшинкой, стоящим у открытого трюма. Старшинка неотрывно смотрел в трюм, настороженно следил за опускающимся стропом и, подняв руку с растопыренными большим пальцем и мизинцем, играл ими в воздухе, словно он действительно дирижировал. Вдруг он резко опустил большой палец и отрывисто крикнул: «Майна!» Строп легко ударился о дно трюма, крюк слетел с сетки, палец старшинки перевернулся вверх. Подав команду «Вира!», старшинка вновь заиграл рукой, провожая зорким взглядом пустую металлическую сетку за борт, где стропили следующие ящики. Старшинка был подвижен, как живчик. От его расторопности зависел темп погрузки судна.

Брыкалов стоял и любовался этой красивой работой, где совершенно отсутствовала человеческая речь, за исключением слов «вира» и «майна». Он посмотрел на часы и заспешил. На девять тридцать он вызвал к себе капитана «Монгугая» Невзорова.

* * *

Брыкалов вышел на главную улицу, по которой лавиной валил народ, и свернул на Алеутскую, мимо ресторана «Золотой Рог». У него никогда не было пристрастия к ресторанной жизни. Он ни разу, даже из любопытства, не зашел ни в один владивостокский кабачок, но всю подноготную их знал лучше, чем кто-либо.

Спит «Золотой Рог» после ночной жизни, а с вечера опять начнет свою музыку. Сколько здесь за пьяными столиками зарождается подлости, лжи и обмана! Сколько преступлений намечалось здесь! А сколько тризн после удачных темных дел справили здесь различные преступники!

На службу Брыкалов явился вовремя: минута в минуту, как всегда. Он был аккуратен и всех сотрудников приучил к точности.

Брыкалов вошел в кабинет и, остановившись у письменного стола, просмотрел срочные донесения.

В приемной, мрачно настроенный, сидел капитан Невзоров. Он никак не мог понять, что общего у него с этим учреждением, к которому заранее не питал симпатии. Чем вызвана необходимость встречи его с Брыкаловым, одна фамилия которого наводила страх на жителей города? И разве администрации порта недостаточно известны все обстоятельства возвращения экипажа? Невзорову даже показалось, что у секретаря крысиное лицо и он бросает на него враждебные взгляды. А он-то, небось, знает, зачем пригласили сюда капитана Невзорова!

В приемной все время появлялись и исчезали, как молчаливые тени, военные с какой-то нервной походкой. Они были сосредоточенны и в разговоре с секретарем, понимали друг друга с полуслова. Не нравились они капитану так же, как и вся обстановка учреждения. После моря здесь и самый воздух показался ему затхлым.

Вдруг секретарь поднялся, быстро прошел в кабинет и, вернувшись, довольно учтиво, показывая рукой на дверь, сказал:

— Капитан Невзоров, прошу. Как видите, начальник не заставил вас долго ждать.

— Благодарю вас, — сдержанно ответил Невзоров и, погладив усы, одернул китель.

Степенно, стараясь не уронить собственного достоинства, но с оттенком легкой тревоги на лице, вошел в кабинет.

Из-за стола поднялся сравнительно молодой человек с черной, как вороново крыло, вьющейся шевелюрой. Он был в галифе и военной гимнастерке, перехваченной крест-накрест желтоватой портупеей, с ромбом на петлице. На поясе у него висел наган. Высокого роста, с черными, жесткими, гипнотизирующими глазами, Брыкалов шел навстречу Невзорову, сдержанно улыбаясь. Улыбка, как показалось капитану, совсем была ему не к лицу в этом просторном и мрачноватом кабинете.

— Здравствуйте, Павел Васильевич,— сказал он, энергично пожимая руку, как старому, доброму знакомому.— Весьма рад познакомиться с известным капитаном.

Выразительное, по-мужски красивое лицо Брыкалова, мягкий, приятный тембр голоса располагали в его пользу.

— Прошу вас, капитан, садиться и извинить меня: я отвлекусь ровно на три минуты.

— Пожалуйста, пожалуйста,— проговорил капитан, настроение которого стало немного улучшаться.

Невзоров занялся изучением кабинета. Он сразу узнал на портрете Ленина, но, всматриваясь в другой портрет, не мог догадаться, кто это.

Заметив его недоумение, Брыкалов, не отрываясь от бумаг, подсказал:

— Это Феликс Эдмундович Дзержинский — мое начальство.

Ровно через три минуты Брыкалов обратился к капитану:

— Павел Васильевич, особых вопросов у меня к вам нет. Мне почти все обстоятельства возвращения судна «Монгугай» известны достаточно хорошо. Но беседу с вами хотелось бы записать.— И, опять улыбнувшись, на сей раз словно извиняясь, добавил:— Закон порядка требует.

— Совершенно правильно,— сказал капитан, обратив внимание на необычную белизну его зубов.

Брыкалов взял какой-то бланк и вслух записал:

— «Невзоров Павел Васильевич— капитан парохода «Монгугай». Так?

— Совершенно точно,—кивнув головой, ответил капитан.

— Вы откуда родом, Павел Васильевич?

— Я родился в Санкт-Петербурге в семье священника, а воспитывался в семье следователя по уголовным делам.

Брыкалов поднял на него глаза и спросил:

— В силу каких же обстоятельств вас отдали на воспитание?

— Мой отец снял сан священника, окончил юридический факультет и стал следователем открыто.

— Что значит открыто?

— Следственными делами он занимался и будучи священником, но не официально, а исповедуя грешников под епитрахилью. Вероятно, это его и склонило к перемене профессии. А впрочем, хорошо не знаю. Дома у нас об этом никогда не говорили. Мать была религиозной до фанатизма, отца святейший Синод отлучил от церкви. Получился такой, знаете, идеологический разрыв.

— А сейчас он где?

— Умер... еще в 1916 году.

И вдруг капитан, вспыхнув, недовольно сказал:

— А впрочем, позвольте вас спросить, какое это имеет отношение к возвращению судна? — И капитан увидел улыбку Брыкалова.

— Хотите по душам разговаривать, Павел Васильевич?

— Я полагаю, что пришел к вам отнюдь не для установления дружеских и сердечных отношений, а для какого-то, по-видимому, официального разговора. Правильно ли я понимаю свой визит к вам?

— Вы понимаете абсолютно правильно.— И, помолчав, Брыкалов сказал:— Павел Васильевич, здесь бывают у меня разные люди: матерые враги, шпионы, диверсанты. Ни к той, ни к другой, ни к третьей группе, разумеется, я вас не причисляю. Я знаю и вижу в вас лояльного человека по отношению к Советской власти...— Сдерживая волнение, Брыкалов встал и, медленно похаживая по кабинету, не глядя на капитана, продолжал:— Вот вы, капитан, когда принимаете к себе на судно матроса или штурмана, интересуетесь его биографией?

— Но ведь я не собираюсь служить у вас!

— Я это и не имею в виду. Но мне известно, что предполагается дать вам важное поручение, по вашей специальности. Как вы думаете, капитан, могут спросить у меня вашу характеристику? Могут, и даже обязательно. Поэтому вы сами понимаете, что мне нужно знать кое-что о вас. Вот мне хотелось бы знать о причинах, мотивах и побуждениях, которыми вы руководствовались, угоняя суда из Владивостокского порта. Правда, мне все это тоже известно, но хотелось бы услышать от вас лично. Ведь вы возглавляли тогда эту операцию?

— Да, я. Это было сделано по моему предложению. Руководствовался я единственным соображением: спасти суда для России, как во время пожара спасают имущество, вытаскивая его из собственного дома. В то время здесь была такая обстановка, что достаточно истерии одного военачальника под видом лжепатриотизма, как говорил мне Лухт, у которого тогда ремонтировался «Монгугай», и все суда могли быть уничтожены. Тогда же мы с ним, то есть с Лухтом, решили уходить из порта. Так как в Добровольном флоте у меня был некоторый вес, Лухт порекомендовал мне поговорить и с капитанами других судов. Капитаны все, конечно, понимали, что суда — это наша жизнь, которую мы, моряки, в значительной части проводим на море, и что суда надо спасать. Все они согласились со мной. И однажды по моей команде ночью, без огней мы покинули порт, порвав связь с Россией, которая здесь, по нашему мнению, находилась в руках ненадежных управителей. Вот вся история.

— А сейчас где корабли?

— Часть в Сайгоне, часть в Шанхае и еще в Кантоне. С ними я поддерживал связь.

Брыкалов сел за стол и торопливо что-то записал. Он привел в порядок свою буйную шевелюру и, подняв глаза на капитана, вздохнул и как-то вдруг сказал:

— Павел Васильевич, вот сейчас «Монгугай» приведут в порядок. Как вы смотрите на то, чтобы совершить вам рейс на нем в Сайгон с заходом в Шанхай и Кантон? Разумеется, с советскими заданиями.

— Если я вас правильно понимаю, вы хотите послать меня на свидание с капитанами угнанных судов?

— Не скрою от вас, вы поняли меня совершенно правильно.

— А груз какой?

— Об этом кто-нибудь подумает.

— Один такой рейс я мог бы сделать...— И, помолчав немного, капитан сказал:— А вообще я хотел бы готовиться к навигации в Арктику.

— Этого у вас никто не отнимет. И я лично буду вам всемерно содействовать.

Брыкалов опять помолчал, растопыренными пальцами руки расчесал волосы и вдруг озадачил капитана:

— Павел Васильевич, а до момента и в момент угона судов из порта у вас связи с подпольной организацией большевиков не было?

— Никогда. Ни с какой организацией у ме-

ня связи не было,— с оттенком недоумения проговорил Невзоров.— У меня связь была только с Добровольным флотом. Я капитан, а не политик.

— А с Лухтом?

— Лухт — уважаемый всеми, или, по крайней мере, многими, капитанами механик судоремонтных мастерских.

— Он и большевик уважаемый.

— Разве? Этого я не знал.— И, виновато улыбнувшись, пожав плечами, капитан сказал:— Выходит, связь была.

— Вот вы сказали, что вы не политик. А угон судов — это политика или не политика?

— Угон есть угон. И, если вы хотите, это моя личная политика.

— Все это, Павел Васильевич, между прочим. Вы судовую роль принесли?

— Да. Вот, пожалуйста.— И капитан встал, подавая список экипажа.

— Садитесь, садитесь, Павел Васильевич! Мы же с вами ведем, что называется, полуофициальную беседу.

— В таком случае скажите хоть ваше имя-отчество.

— Николай Алексеевич.

— А то ведь и фамилия у вас страшноватая,— с оттенком шутки сказал Невзоров.

— Пугаются моей фамилии?— засмеявшись, спросил Брыкалов.— Фамилия азиатская,— добавил он, просматривая судовую роль.— Приходится иногда брыкаться, служба такая.

Спустя некоторое время Брыкалов отодвинул в сторону судовую роль и, обращаясь к Невзорову, сказал:

— Членов вашего экипажа вызывать я не буду... чтобы не пугать,— подмигнул он,— своей фамилией моряков — людей достойных и которых я привык уважать. А вас же я пригласил сюда еще и для того, чтобы вместе с вами просмотреть и судовую роль и дать характеристику вашему экипажу. Вы всех знаете?

— Разумеется. Я считаю экипаж хорошим.

— Весь экипаж?

Невзоров задумался.

— Разве только один матрос... И тот по глупости, в силу особой приверженности к старшему помощнику Азаровскому, списанному с судна. Это был человек...

— Азаровский меня не интересует,— прервал его Брыкалов.

— Как вам будет угодно.

— Так вот, Павел Васильевич, по этой судовой роли мы всех вас и поставим на особый учет — и тогда, пожалуйста, на все четыре стороны, куда хотите.

Невзоров нахмурился, немного помолчал, покашлял без всякой надобности и сказал:

— Сторона у меня одна — плавание на Север. Так же и у всего моего экипажа, если дадут нам такую возможность.

— Очень хорошо,— сказал Брыкалов, поглядывая на часы.

— Нет, не очень хорошо,— вздохнув, сказал Невзоров и нервно встал.— Я вам пригнал корабль? Пригнал. Могу вернуть и другие корабли. А вы меня на особый учет? Это что, Николай Алексеевич, особый вид благодарности, что ли, получается у вас? Вы подумайте только над своими словами, молодой человек! Они обидны и оскорбительны! Они унижают человеческое достоинство. В эмиграции мы принимали всякое унижение как неизбежное, как должное. Мы шли на это, а здесь — что это такое? Это, знаете ли, хуже, чем всякая невежливость. Этому нет объяснения! Я напишу Ленину! — С волнением, показывая пальцем на портрет, повысив голос, сказал капитан и сел. Склонив голову, он тихо добавил:— Я потребую к себе справедливого отношения.

Брыкалов встал молча, прошелся по кабинету и совершенно спокойно ответил:

— Как это ни странно может показаться вам, Павел Васильевич, но я вполне разделяю ваше возмущение.

Невзоров поднял на него глаза и тоже, вставая со стула, в упор глядя на него, почти полушепотом мягко спросил:

— А зачем же вы так поступаете?

— Позвольте, позвольте! Но мы же с вами моряки и знаем, что значит обязанность, которую мы призваны выполнять...

— Моряк я, а не вы,— заметил капитан.

— И я тоже. К вашему сведению, я штурман дальнего плавания.— И, подойдя к сейфу, Брыкалов достал свой диплом и, подавая его Невзорову, сказал:— Прошу вас убедиться, Павел Васильевич.

Увидев знакомый ему морской диплом, Невзоров живо протянул руку и взял его. С крайне удивленным лицом он опустился на стул и с величайшим вниманием стал рассматривать эту давно знакомую книжечку. Румянец на щеке капитана расплылся, и, не отрывая глаз от диплома, капитан виновато проговорил:

— Да, кажется, капитан Невзоров сел на банку.

Брыкалов, стоя следивший за ним, улыбнулся и поправил:

— Не «кажется», капитан, а совершенно определенно.

Невзоров тяжело поднялся и, помахивая дипломом, не то с застенчивостью, не то с радостью тихо сказал:

— Ведь и я тоже учился там... Те же преподаватели. Да, штурман Брыкалов, мы определенно напоролись на банку...— Покачивая головой, он проговорил:— А ведь чувствовался в вас моряк.— И, прижав руку к сердцу, капитан попросил прощения.

— Вот всегда, когда все благополучно, капитаны говорят в единственном числе: «Я иду, я пришел, я пришвартовался». Но стоит попасть в аварию, как они же сообщают: «Мы сели на банку»,— шутливо сказал Брыкалов.

— Да, да, да...— засмеялся Невзоров. Но вдруг лицо его приняло опять строгое выражение. Опять повысив тон, он спросил, прорезая пальцем воздух, как копьем: — Но почему же вы плаваете в бассейне этого учреждения и за этим столом?

— По личному распоряжению Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он считал, что в таком портовом городе на моем месте должен быть только моряк. Не кажется ли вам, Павел Васильевич, что это правильное решение? Неужели вы думаете, что человек, ничего не понимающий в морском деле, понял бы вас лучше, чем я?

— Да...— сказал Невзоров.— Может быть, это и правильно. Может быть, я и погорячил-

ся... Вы знаете, Николай Алексеевич, эмиграция — очень трудная штука. Она очень обостряет чувства. До болезненности...

— А вообще, Павел Васильевич, должен вам сказать, что я не теряю надежды поплавать, и, пусть вас это не удивляет, тоже на Севере. Есть у меня такой червячок здесь,— показывая на сердце, сказал Брыкалов.— Я вам когда-нибудь расскажу, откуда он у меня взялся. Но пока что нужно подождать более благоприятного времени. Может быть, еще вместе поплаваем, товарищ капитан? А? Возьмете меня?

— Гм... с таким дипломом как не взять!

Брыкалов положил свой диплом в сейф и, посматривая на часы, дал понять, что аудиенция окончена.

— Вы разрешите как-нибудь заехать к вам на судно?

Капитан встал и, разведя руками и пожав плечами, сказал:

— Вы же здесь хозяева. Пожалуйста.

— До сих пор я знал, что хозяином судна является капитан.

— В море, а не в порту.

— И это правильно,— весело согласился Брыкалов.

— Буду рад видеть вас у себя на судне. Кстати говоря, у меня тоже есть к вам дельце, а ваш кабинет меня все-таки не располагает к откровенному разговору.

— Вероятно, в приемной уже ждет ваша пассажирка. Я вызвал ее на двенадцать ноль-ноль.— И Брыкалов опять посмотрел на часы.

— Да... Николай Алексеевич, забыл о самом главном, об этой пассажирке. Очень прошу вас обойтись с ней поприветливей. Ей-богу, она отличная, весьма порядочная, умная девушка. Никогда и никаким врагом России она сроду не была и не будет никогда. Клянусь вам честью моряка. Ее по молодости увлек жених за границу, вот этот самый Азаровский. Ее единственное преступление — это то, что она внучка адмирала Синявина, ранг которого, я понимаю...— И, положив обе руки на грудь, с грустью добавил: — у вас теперь не в чести.

Брыкалов встал, глаза его блеснули, и он поспешно спросил:

— Адмирала Синявина?

— Да, именно адмирала Синявина. Но, Николай Алексеевич, это же адмирал, много сделавший для России. Это был человек! Деятель!

— Предстзвьте себе, Павел Васильевич, что я тоже знаю его. И знаю с наилучшей стороны. И вы не думайте, что большевики не могут ценить людей, полезная деятельность которых в прошлом общепризнанна. Наоборот, Советская Россия всегда будет гордиться такими именами, как адмирал Синявин.— Брыкалов говорил с заметным волнением, внешне стараясь подавить его. Предстоящая встреча с внучкой адмирала Синявина, как показалось Невзорову, взволновала его. Брыкалов хотел было объяснить капитану причину взволнованности, но, тут же отказавшись от этой мысли, сказал обычным тоном: — Если она считает своим единственным преступлением происхождение, то ей не о чем беспокоиться.

Невзоров, слушая его, порадовался. Этот человек оказался сердечным, душевным и умницей. Невзоров, прощаясь с ним, проговорил:

— Я ухожу от вас, Николай Алексеевич, со спокойным сердцем. Я очень рад и только теперь понял, что на вашем месте действительно должен быть моряк. Я бесконечно рад за нее, что она будет иметь дело с вами. Ведь она моя подопечная и живет у меня на судне. Квартиры-то у меня пока нет. А ей я обязан жизнью.

— Мне это известно... А вы, Павел Васильевич, где хотите получить квартиру? Может быть, свою, на Матросской?

— Вы даже знаете, где я жил?

— Интересовался.

— Разумеется, я хотел бы вернуться в свою.

— Хорошо. Я посодействую вам. Вы пришлите мне список мебели, какая там у вас была.

— Это пустяки, Николай Алексеевич, мне жаль только беккеровский рояль, но разве после такой пертурбации найдешь его?

Брыкалов засмеялся и сказал:

— Попытаемся... Будьте здоровы, капитан.

* * *

Когда Лидия Синявина, в сером костюме, стройная, с чуть-чуть растерянным лицом, вошла в кабинет, Брыкалов встал. Он поборол желание броситься ей навстречу и стоял неподвижно, испытывая странное чувство, охватившее его. Он словно ощутил, что вместе с этой миловидной девушкой вошла в кабинет и тень старого адмирала, к которому ему с детства было привито безмерное преклонение и которого он сам уже с давних пор окружил ореолом морской романтики. При виде девушки он так растерялся, что не мог начать разговора. Но это состояние было мимолетным, и, овладев собой, он как бы равнодушно сказал:

— Прошу вас садиться.

Лидия Синявина шла сюда с мыслью, что, может быть, она и не вернется. Она настолько примирилась с этой мыслью, что теперь ей было все равно. И она обрела какое-то удивительное спокойствие. Она уже смотрела на Брыкалова не с чувством страха, к чему она готовилась, а, пожалуй, с некоторой долей легкомыслия, которое отчасти настраивало ее на развязный тон.

Брыкалов же был весь во власти воспоминаний, охвативших его в связи с именем адмирала Синявина. Он без надобности перебирал

какие-то бумаги, обдумывая, с чего начать разговор. Вдруг он заметил легкую улыбку на ее лице.

— Вы чему улыбаетесь?— спросил он, подняв на нее свои деланно-серьезные глаза, в которых все же пробивалось добродушие.

— Так просто. Вспомнились эмигрантские разговоры о вашем учреждении и городские — о вас.

— Подтверждаются?

— Я еще не решила для себя. Но кажется мне, что жестоко преследовать вы меня не будете. Правда?

— Пока не намереваюсь.

— А потом?

— Потом видно будет.— И, мысленно выругав себя за этот дурацкий разговор, который произошел даже не по его инициативе, он взял ручку, опустил ее в чернильницу и спросил:— Вас зовут Лидия Сергеевна?

— Да.

— Синявина?

— Да.

— Ваш отец — капитан первого ранга — погиб на затонувшем корабле?

— Да, каперанг,— удивилась она.

— В возрасте тридцати восьми лет?

— Да... Но откуда вы все это знаете? Ведь об этом не знает даже капитан Невзоров.

— Его звали Сергеем Федоровичем?

— Откуда вам все это известно?

— Положение обязывает, Лидия Сергеевна. Правда, ваше отчество, как видите, у меня есть, а дед ваш Синявин Федор Федорович в России был известным деятелем в Морском ведомстве. Так что этот ребус решается довольно просто.

Некоторая настороженность Лидии Синявиной, вызванная предыдущими вопросами Брыкалова, уступила место опять возвратившемуся спокойствию.

— Что вы намереваетесь делать в Советской России?

— Капитан Невзоров обещал устроить меня на работу... если вы меня не посадите в тюрьму как эмигрантку.

— Вы какой язык знаете?

— Французский и английский,— я же воспитывалась в морской среде.

— Вы не хотите работать у меня переводчицей?

После всех переживаний, в особенности когда она шла сюда, это предложение ее очень удивило. Она окончательно поняла, что сажать ее в тюрьму не собираются. И сам Брыкалов уже показался ей совсем иным человеком, но на его предложение она ответила:

— Нет. Не хочу.

— Почему?

— Я не люблю такие учреждения, как ваше.

— Не нравится, стало быть? — улыбнувшись, спросил Брыкалов.

— Нет. Не нравится, — несколько наивно, но держась совершенно независимо, ответила она.

Брыкалов смотрел на Синявину, стараясь проникнуть в ее душу. Она вызывала у него симпатию даже своей наивностью. У него пробудилось скрытое желание понравиться ей. И Брыкалов заговорил с подъемом, несколько волнуясь, и даже чуть-чуть театрально:

— Мы, работники Гепеу — учреждения, созданного Лениным, — если хотите, Лидия Сергеевна, величайшие гуманисты. Мы ведь стоим на страже идей Ленина и государства, созданного им. Светильник свободы, зажженный Лениным, мы будем всемерно поддерживать ценой своей жизни. Тут мы ни перед чем не постоим. Пусть обвиняют нас даже в жестокости!.. — Брыкалов помолчал и вдруг сказал: — Вашего деда я очень хорошо знаю. Его отношение к матросам, к службе... — И, улыбнувшись, добавил: — Даже ругательство его: «У, жандарм!»

— Боже мой, откуда вам известно это?— тихо произнесла она и встала. Она побледнела и смотрела на Брыкалова с каким-то суеверным страхом, с удивлением, не находя объяснения всему этому.

Брыкалову стало жалко ее.

— Лидия Сергеевна, прошу вас сесть, я сейчас раскрою вам один секрет, касающийся только нас с вами. Хотите?

— Какие секреты могут быть у нас с вами? Может быть, вы дальний родственник, которого я никогда не видела?

— Почти.

— Ну, говорите же скорей! Что значит «почти»?

— Мой дед служил боцманом у вашего деда. Когда я был мальчиком, еще в Архангельске — я родом оттуда,— мой дед так много и так увлекательно рассказывал о своем адмирале Федоре Федоровиче, в котором, по его словам, весь экипаж души не чаял... Своими рассказами он вызвал у меня необыкновенную симпатию к адмиралу Синявину. Эти рассказы деда так повлияли на мое детское воображение, что я сам пробился в «Мореходку» и стал моряком. Ведь я по профессии штурман дальнего плавания, и все мои предки — поморы-моряки. Вот откуда, Лидия Сергеевна, я кое-что и знаю о вашей семье.

Лидия Синявина слушала его с огромным вниманием. Брыкалов вдруг вызвал в ней доверие и симпатию. Она сказала:

— Мой дед сам говорил мне, что его однажды пригласил морской министр и сделал ему внушение по поводу панибратских отношений с матросами.

— Об этих отношениях говорил много и мой дед. Его рассказы, очень любопытные, блестящие характеризуют адмирала Синявина. Когда-нибудь, если вы захотите, я вам перескажу их.

ГОРЯЧАЯ РОМАНТИКА РЕВОЛЮЦИИ

И. ВИШНЕВСКАЯ

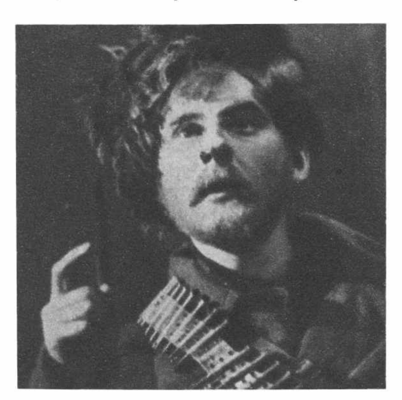
«Красная Армия и Красный Флот! Необозримый материал для драматургов, для писателей. В наших старых полевых книжках и вахтенных журналах заключено то, что может с успехом состязаться с выдумкой». Так говорил боец-пулеметчик Всеволод Вишневский, которому выпали счастье и честь запечатлеть исторический путь Первой Конной в художественных образах, в яркой народной хронике — пьесе «Первая Конная».

Есть в этой пьесе и энергия военных боев, и энтузиазм мирного строительства, и судьба человеческая, судьба народная... Главное, есть в этой пьесе ощущение революции и битвы за нее.

«Да, мы были одеты в лохмотья... мы были рядовыми бойцами, но когда теперь вспоминаешь об этих боях, то чувство огромной радости, как праздник, возникает в сердцах». Эти слова Всеволода Вишневского, образно воплощенные им в пьесе, быть может, и составляют революционную душу произведения, его воспитательный смысл. Такой радостной любви к Родине и сейчас учит пьеса Всеволода Вишневского, поставленная Московским театром имени Ленинского комсомола (режиссер Б. Норд).

...Один за другим следуют короткие, напряженные эпизоды спектакля: лейб-драгун Иван Сысоев (А. Щербаков) всю ночь будет стоять под шашкой у постели начальника за то, что в чем-то провинился на смотру; в горячке неслыханных боев встретились отец и сын: отец (Е. Гуров) с белыми, сын (Л. Марков) у Буденного. И, не задумываясь, поднял сын шашку: путь революции не преградит никто. Спасаясь от Красной конницы, забрели в крестьянскую избу белые офицеры — и вот уже они хотят разыграть по жребию горящую в тифу внучку хозяйки...

Эпизодов много, но в пьесе каждый из них — деталь общей и цельной картины смертельной схватки умирающего старого мира и молодой жизни, наливающейся силами. Там, где театр следует этому, он одерживает победу режиссерскую, актерскую, победу всего ансамбля.

Наблюдатель — В. Сергеев.

Ключом к пониманию пьесы Вс. Вишневского стал в театре эпизод допроса военно-полевым судом простого крестьянина, отказавшегося участвовать в братоубийственной войне. Мы больше никогда не увидим этого крестьянина в солдатской шинели. Жизнь его закончена в этом эпизоде. Но какую полноту, какое глубокое содержание и смысл этой жизни передает актер А. Вовси! В скупой его речи, глуховатой, корявой, в изумленных глазах, в растерянно разведенных руках, в том, как при слове «трус» он едва заметно, больше для себя, притрагивается к георгиевскому кресту на груди, в том, как по-крестьянски просто и тяжеловесно беседует он, солдат, с теми, кто провел войну в штабах и гостиных, — во всем этом мы видим целую судьбу. Мы постигаем человека и мучительную окопную его тоску, и страстное желание поскорее вернуться к земле, и первые проблески дошедшей до него революционной правды...

Такое же напряжение достигнуто и в сцене, происходящей в крестьянской избе, куда пришли белые офицеры. Режиссер и актеры играли здесь не иллюстрацию жестокости белых, а раскрывали внутренний мир этих опустошенных людей.

Большим содержанием наполнен и эпизод в вагоне, когда лихой буденновец (М. Пуговкин) рассказывает случайным своим попутчикам о делах Первой Конной. В этой сцене — та атмосфера праздника революции, которой дышит каждое слово бойца — участника великой борьбы за новое. И потому так взволнованно воспринимает зал сцену его гибели в плену: актер передал зрителям замечательный оптимизм своего героя, чтобы они сохраняли этот оптимизм в любых испытаниях.

Там же, где режиссер и актеры теряют ощущение романтического пафоса, — там перед зрителем бесстрастные картинки.

Как волнует, захватывает при чтении пьесы эпизод, когда провинившегося Ивана Сысоева выводят из окопа и с шашкой наголо ставят под немецкие пули! Выстрелы вдруг прекращаются, и с немецкой стороны несется далекий голос: «Товарищи, мы сейчас стрелять не будем». И пока стоит Сысоев, идут незабываемые минуты интернациональной солидарности простых людей всего мира, вынужденных воевать за чужие интересы.

Какое глубокое обобщение, какой страстный политический накал должен быть раскрыт в этой короткой, немногословной сцене! Но в спектакле этот эпизод решен приземленно-реалистично, равнодушно, поэтому он оставляет равнодушными и зрителей.

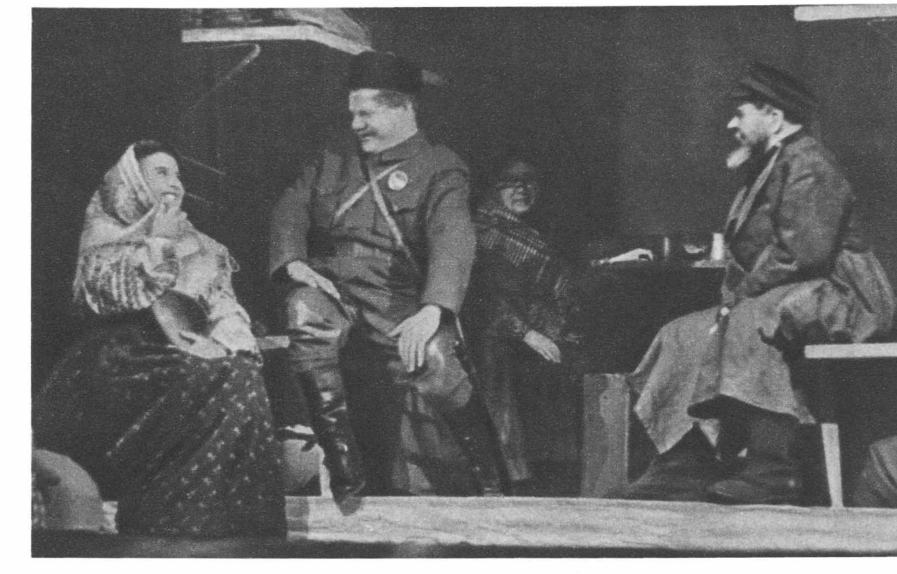
Эпизоды пьесы как бы объединяет Ведущий — «наша совесть, наша память, наше сознание, наше сердце».

Это он от имени бойцов Первой Конной говорит с будущим — с сидящими в зрительном зале людьми. Роль Ведущего играет артист В. Всеволодов. И то, что он, рассказывая о конниках, играет матроса, то, что рядом с их серыми, обожженными шинелями возникает его распахнутый черный бушлат и боевая тельняшка, интересно, убедительно и выразительно. Гневно, торжественно, мужественно звучат слова Ведущего-Всеволодова. Но хотелось бы, чтобы актер крепче держал связь с зрительным залом, наполнил образ бо́льшим волнением, радостью и темпераментом.

Советский зритель уже давно не видел «Первую Конную» Вишневского на сцене, зная ее только по книгам да спектаклям тридцатых годов. А она жива, эта горячая, боевая, умная пьеса! Она зовет в будущее и воспитывает нашу молодежь. «Никто из читателей и зрителей этой пьесы не сможет оставаться спокойным» — эти слова С. Буденного из его предисловия к одному из изданий пьесы пулеметчика В. Вишневского сегодня еще раз воплощаются в жизнь.

Всеволод Вишневский читает пьесу «Первая Конная». Снимок 1929 года.

Сцена в вагоне. Молодка — Н. Надеждина; боец нашего полка — М. Пуговкин; старик в вагоне — Н. Далеков.

Фото А. Гладштейна.

На премьере спектакля «Первая Конная» в Московском театре имени Ленинского комсомола. Маршал Советского Союза С. М. Буденный с исполнителем роли С. М. Буденного в спектакле заслуженным артистом РСФСР А. Г. Вовси.

Фото С. Шингарева.

СТИХИ ДЖО УОЛЛЕСА

Я очень рад, что мне довелось рекомендовать читателям «Огонька» канадского поэта Джо Уоллеса — большого и своеобразного художника, замечательного борца и человека удивительной биографии.

Он родился в 1890 году в городе Торонто. Талантливый, страстный, работоспособный, он еще в юности приобрел большую известность в кругах либеральной молодежи. Ему прочили блистательную политическую карьеру. Это было в те яркие в истории рабочего движения Соединенных Штатов и Канады годы, когда там набирали мощь революционные профсоюзы и в том числе знаменитый союз «Индустриальные рабочие мира», возглавлявшийся Большим Биллом — Биллом Хейвудом, похороненным в Москве у Кремлевской стены. Своими забастовками этот союз наводил страх на некоронованных королей угля и стали.

Юный Джо Уоллес запоем читал социалистическую литературу. Он все больше сближался с рабочим движением, все больше втягивался в дело революционных профсоюзов.

Он отказался от большого преуспевавшего рекламного агентства. Он писал статьи, читал лекции, участвовал в забастовках и был организатором многих из них. В 1933 году Джо Уоллес понял, что коммерческая деятельность не может сочетаться с тем, к чему с юности стремилось его сердце. Он говорил: «Человеку дается лишь одна жизнь, ее надо прожить по-настоящему». Он целиком посвятил себя рабочему движению.

В 1940 году Джо Уоллес, как коммунист, подвергся преследованиям: заключен в концентрационный лагерь, а потом переведен в тюрьму. Но и там он остался революционером, продолжал писать, бороться. Он писал стихи гвоздем на тюремной стене. Его освободили через два года, когда вторая мировая война была уже в разгаре. Ему исполнилось 52 года. Поэт не мог стать солдатом и сражаться с оружием в руках, но Джо Уоллес не мог остаться в стороне от борьбы с фашизмом. Он оканчивает курсы механиков и в 1943 году поступает токарем на военный завод. Трудно работать пожилому человеку, но он работает неутомимо до тех пор, пока завод не закрывается по окончании войны.

Уже много лет Джо Уоллес пишет стихи. Как вы убедитесь, это замечательные стихи, из которых лучше, чем из любого рассказа, вырисовывается образ поэта и человека. Но в Канаде нельзя прожить стихами. За всю свою длинную жизнь поэт издал несколько тоненьких книжек стихов. Они вышли маленьким тиражом. И хотя их тотчас же раскупили, переиздать эти книги уже не удалось: не находилось издателя. И вот в поисках заработка поэт устроился в больницу уборщиком. В этой профессии замечательный поэт работает до сих пор.

Я с удовольствием рекомендую советским читателям этого ветерана рабочего движения, который пронес через долгие годы испытаний свою страстность, мужество, свой светлый и боевой талант, свою веру в будущее человечества.

Борис ПОЛЕВОЙ

ЧУДЕСНЫЙ КРАЙ

Чудесный край — моя земля,
Все в золоте твои поля.
Среди богатств такой земли
Мы все роскошно б жить могли!

Канада, благодатный край,
Манила предков ты, как рай.
Пусть под пятой богатых ты,—
Осуществим отцов мечты!

Чудесный край, где к солнцу ввысь
Вершины гордо вознеслись.
Сверкающим на них огнем
Мы души для борьбы зажжем!

Чудесный край, где ледоход
Крушит в апреле старый лед.
Как вольное теченье рек,
Свободны будем мы навек!

Перевел Мих. ЗЕНКЕВИЧ.

ВСЕ ВМЕСТЕ

По горам, по холмам
Да по острым камням!..
Ни жары не страшимся, ни ветра.
Пусть гора высока
И поклажа тяжка,
Будем вместе считать километры!

Рад я буйным ветрам
И зеленым холмам.
И, ребята, скажу вам по чести:
За дорогу мой тост,
За сияние звезд
И за то, чтоб шагали мы вместе!

Перевел Вл. РУБИН.

АХ, ЖИТЬ ТОГДА!

Их — тысячи, их — море, море!
Они идут, они идут!
Все голоса — в едином хоре,
Все о свободе песнь поют.

Знамена! Все горит от жара
Знамен над радостью людей.
Неудержим, как Ниагара,
Поток творцов судьбы своей.

Седой старик... Глаза в тумане:
Он вспомнил павших за народ.
А рядом, как зари сиянье,
Мальчишка-пионер идет.

Ах, жить тогда! Увидеть это!
Пусть впереди нелегкий труд,
Мы выкуем лучи рассвета!
Так будет! Эти дни придут!

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ.

ПАНИКА

Что за крики!! Что случилось!
Как вся биржа всполошилась!
Чем расстроена она!
Не война ли разразилась!
Нет, окончилась война...

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ.

УБОРКА СЕНА

От сена воз все выше рос...
Казалась даль ясней...
Любовь моя — она, и я,
Увы, не рядом с ней.

Померкнул день, ложилась тень
Все гуще и длинней.
Она — любовь моя, но я,
Увы, не рядом с ней.

И я хотел, да не успел
Ей место рядом дать:
На го́ре нам уселась там
Ее старуха-мать.

Я — впереди, а позади,
За матерью своей,
Она — любовь моя, но я,
Увы, не рядом с ней.

Но вдруг она сказала нам:
— А что, коль грузовик
На нас впотьмах наскочит, ах,
То мать погибнет вмиг!

На сено пересела мать,
Она ж — ко мне скорей...
Она — любовь моя, и я
Так близко рядом с ней.

Перевел Мих. ЗЕНКЕВИЧ.

О́НСЛО

Я торопился в О́нсло, я шел к своей подружке,
Река за мной бежала среди зеленых ив.
Как девушки, красивы, как девушки, пугливы,
Слегка робея, ивы мне кланялись чуть-чуть.
Я торопился в О́нсло, я шел к своей подружке,
Но я красоткам-ивам не мог не подмигнуть,
И, подмигнув красоткам, я продолжал свой путь.

Иду, а на тропинку малиновка спустилась,
Сидит, щебечет что-то. Ну, как ее спугнуть!
Глядит и не боится беспечнейшая птица,
Ну чтоб посторониться и мне дорогу дать!
Ее прогнал легко б я, но золотые копья
Другие птицы стали в меня с ветвей бросать:
Бросать цветы, и песни, и радостные вести
О том, что наступили такие времена,
Когда вокруг все ново, и все цвести готово,
И в сердце у любого любовь кипеть должна!
Тут вспомнил я про О́нсло, и я помчался в О́нсло:
Там ждет меня подружка, там ждет меня весна!

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ.

САМОКРИТИЧЕСКОЕ

Когда этажи штурмовал я без цели,
Под быстрой ногой лишь ступеньки скрипели,
Теперь, когда к звездам стремится мой путь,
На каждом шагу... я хочу отдохнуть.

Перевел Вл. РУБИН.

ВИНО, РОЗА И ПЕСНЯ

Есть на свете вино, дивной силы полно,
Но не знает никто, где сокрыто оно.
Если кубок червленый наполнить вином,
Сразу солнце в крови запылает огнем.

Есть на свете прекрасная роза-цветок,
Словно пламя сверкает ее лепесток.
Но куда мне пойти, чтоб цветок тот найти
И в венок эту алую розу вплести!

Есть на свете прекрасная песня одна,
Но еще до сих пор не пропета она.
Ее пел бы немой, и услышал глухой,
И под звуки той песни плясал бы хромой.

Чтоб искрился бокал, чтоб цветок расцветал,
Чтобы в мире прекрасный напев зазвучал,
Что для этого нужно!
Ответ я узнал:
Чтоб повсюду рабочий хозяином стал.

Перевел Вл. РУБИН.

МОЯ ДОЧКА

Когда она идет, идет с ней вместе ветер,
Запутавшись в ее веселых волосах.
Когда она поет, ей подпевают ветви,
Все в звонких майских птицах и цветах.

Когда она бежит, за нею вслед стремится,
Спеша ее догнать, веселый ручеек.
И вместе с ней, когда смыкает сон ресницы,
Котенок-месяц спит, свернувшийся в клубок.

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ.

К фестивалю!

Около гостиниц ВСХВ...

В. ПОЛЫНИН

Когда входишь в здание, где разместился Подготовительный комитет VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, бросается в глаза огромный календарь. От обычных он отличается не только размерами. Ежедневно сменяемые красные цифры обозначают не дату, а количество оставшихся до фестиваля дней. Сегодня вы увидели бы число «118»: до фестиваля осталось 118 дней.

Здесь же в вестибюле, отгороженном барьером, — справочное бюро. Сегодня дежурит Капа Корнеева. Она отвечает скупо и быстро:

— Открытие фестиваля — 28 июля на Центральном стадионе имени Ленина, в Лужниках. Закрытие—11 августа. Пять пересекающихся кругов на эмблеме фестиваля означают пять континентов. Предыдущие фестивали: в Праге — 1947 год, в Будапеште — 1949, в Берлине — 1951, в Бухаресте — 1953, в Варшаве — 1955. Наш — шестой.

— Мы из восьмого «А» сорок первой школы. Это Нина Соколова, я Иващенко Таня. Мы сделали карту и протягиваем ниточки из Москвы во все страны, откуда приедут гости. Сколько надо ниточек?

— 147. Но вряд ли всех их вы обозначите на карте: ведь в Москву приедут из стран величиной с небольшой наш район.

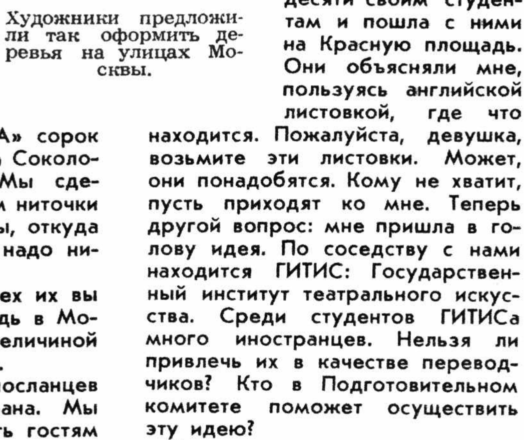
— Мы принимаем посланцев Японии, Индонезии, Ирана. Мы хотим выучить и показать гостям японские, индонезийские и персидские танцы.

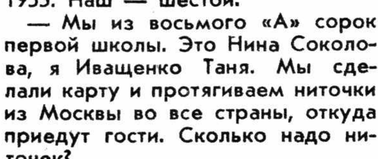
— Лучше покажите им русские.

— А пожалуй, так и вправду будет лучше, — согласились Ира Семенова, Таня Терещенко и Юра Харитонов, восьмиклассники школы № 38.

— Милая девушка, у меня к вам вопрос, так сказать, международного масштаба,— обратилась в справочное бюро немолодая женщина. Она снимает шерстяные варежки, кладет на барьер объемистый портфель и достает из него пачки листовок, отпечатанных на машинке.

— Видите ли, я имею удовольствие знать двенадцать европейских языков. А на двадцати свободно читаю. Я заведую кафедрой в фармацевтическом институте. Профессор Сумарокова Мария Яковлевна. Как будет проходить фестиваль, представляю: я уже была на одном из них, в Праге. Поэтому и составила эти листовки на трех языках. Мы их размножили и роздали студентам. В листовках излагается примерная лексика, которая понадобится при беседе с иностранцами по различным поводам. Например: «Первая встреча», «Разговор в ресторане», «На стадионе», «На Красной площади», «В Третьяковке». Кстати, я даже проделала такой эксперимент: раздала листовки с тематикой «Красная площадь» десяти своим студентам и пошла с ними на Красную площадь. Они объясняли мне, пользуясь английской листовкой, где что находится. Пожалуйста, девушка, возьмите эти листовки. Может, они понадобятся. Кому не хватит, пусть приходят ко мне. Теперь другой вопрос: мне пришла в голову идея. По соседству с нами находится ГИТИС: Государственный институт театрального искусства. Среди студентов ГИТИСа много иностранцев. Нельзя ли привлечь их в качестве переводчиков? Кто в Подготовительном комитете поможет осуществить эту идею?

Художники предложили так оформить деревья на улицах Москвы.

Капа называет фамилию, этаж, комнату, номер телефона. Профессор Сумарокова поблагодарила, ушла.

— Меня зовут Тархова Ксения Александровна. Я домашняя хозяйка и пенсионерка. Очень скучно сидеть дома без дела. А я знаю машинопись, долго работала медицинской сестрой. Могу принести даже свою машинку. Не подумайте, что я пекусь о заработке. Я хочу работать бесплатно. Скучно одной дома...

Мария Васильевна Солодовникова также не претендует на вознаграждение. Она могла бы быть переводчицей с французского языка. Можно ее использовать и как медика: она старший лейтенант медицинской службы запаса. Ей уже шестьдесят, но она не отстанет от молодежи.

Предложения превышают спрос. Но разве откажешь таким энтузиастам!

— Вы написали стихи? Покажите их сначала Льву Ошанину. Он уполномоченный по фестивалю от Союза писателей. У вас песня? Надо подъехать на 3-ю Миусскую, в Дом композиторов. Там выделены специальные консультанты. У вас сувенир? Приятная вещь... Сейчас перейдете дорогу, Кропоткина, 10. Обратитесь к Анне Алексеевне Судакевич. Это главный художник Московского цирка. Сейчас она помогает комитету, ведает сувенирами.

В небольшом кабинете у Анны Алексеевны Судакевич постоянно полно народу.

— Алло! Это министерство? Будьте любезны, Виноградова Константина Александровича. Наконец-то я вас застала! Как раз напротив меня сидит юный скульптор Коля Вечканов. Я прошу вас только об одном: посмотрите на его Пушкина. Больше никаких просьб с моей стороны. Только взгляните. Он из пластилина. Приезжайте и не пожалеете.

Представитель министерства, в системе которого находится знаменитый Каслинский завод, славящийся чугунным художественным литьем, пришел в восторг от Пушкина. Это точная копия опекушинского памятника Пушкину в Москве, но величиной со стакан. Такой небьющийся сувенир украсил бы письменные столы во всех частях света.

— Мы с Раменской фабрики целлулоидных изделий. Предлагаем в качестве сувениров целлулоидные шары, оклеенные ворсистым материалом. Дадим сто тысяч штук.

— Ради бога, не надо! Нам необходимы летающие шары. Но сделайте их со вкусом. Я могу послать к вам консультантов — наших художников. Кстати, не смогли бы вы сделать значки, брошки, фигурки известных московских клоунов: например, маленький Олег Попов, маленький Карандаш? Это нужно ко дню фестиваля, посвященному цирковым коллективам. А ко дню, посвященному девушкам, хорошо бы миниатюрную незабудку. Не умеете? Жаль. А вы? — Анна Алексеевна обращается к очередному посетителю.

— Надо подумать,— говорит представитель Пушкинской фабрики металло-пластмассовых изде-

Неузнаваемой станет площадь Курского вокзала.

Группа молодых художников — выпускников Московского художественного института имени Сурикова и Московского архитектурного института — работает над оформлением фестивального карнавала на Ленинских горах.

лий, которая тоже готовит сувениры к фестивалю.— А пока мы хотим показать вам вот эту штуку.

И действительно, сувенир, предложенный пушкинцами, трудно назвать более определенным словом, чем «штука». Представьте себе стеклянный шар, наполненный водой лазурного цвета. Шар наглухо запаян, и вода вытечь не может. Внутри шара, в воде, небольшое растеньице, с мелкими, овальной формы листиками. Пушкинцы дают гарантию, что в таком состоянии растение будет пребывать если не вечно, то долгие годы. На верхнем полюсе шара — взлетающий ввысь белый голубь.

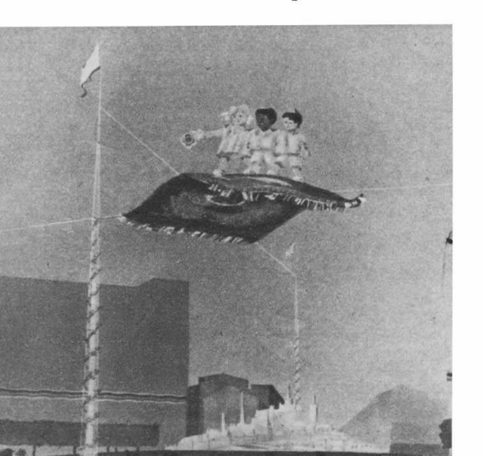
— Красиво и занимательно,— говорит Анна Алексеевна.

Вдруг в комнате оглушительно затрещала трещотка, изготовленная в Звенигороде. Ровно через секунду и художник и гости в один голос признали силу звука вполне достаточной. Вкусы разошлись, когда речь зашла об отделке.

— Мы не можем удорожать игрушку. Ее покрутишь и забросишь.

Как из рога изобилия, посыплются сувениры с широко известной 1-й Московской ситценабивной фабрики. Шестьдесят тысяч платков размером 50 на 50 сантиметров с рисунками двадцати видов. Сто тысяч косынок десяти различных расцветок. Миллион сто тысяч платочков-сувениров в ста вариантах. Сто тысяч «комплектов» тридцати вариантов для девушек. «Комплект» — это полуфабрикат, который станет изящной одеждой без помощи портних. На ситцевой ленте отпечатаны восемь секторов-клиньев и один треугольник. Вы сшиваете клинья в «солнце» — и юбка готова. Вы повязываете треугольником голову, и он превращается

Над площадью Дзержинского взовьется ковер-самолет.

в гармонирующую с юбкой косынку.

Около десяти московских швейных фабрик приступили к шитью по 86 моделям, предложенным художниками Общесоюзного дома моделей. Это будут платья, выражаясь языком модельеров, «выразительные по силуэту», сочетающие в себе «декоративность», «жизнерадостность» и вместе с тем доступные по цене.

В кабинете у Анны Алексеевны знакомятся с русской деревянной точеной игрушкой. Проста, дешева, занимательна и, кажется, рождена быть сувениром. Автор жалуется, что ни одна фабрика не хочет ее изготовлять.

А жаль!

Никто из организаторов не в состоянии назвать общую цифру подарков, предназначенных для участников фестиваля. По всей стране — в школах, домах пионеров, домах творчества, клубах, дворцах культуры — ежедневно нарастает многокрасочная лавина сувениров.

Вот хотя бы столичный Дворец культуры имени Горбунова. У юннатов уже взошла рассада для букетов цветов. Токари выточили и еще выточат немало шахмат и шашек. Фотографы печатают альбомы с фотоочерками о всех самодеятельных кружках. Девочки, девушки, женщины вышивают. Мальчики, юноши, мужчины рисуют, лепят, выпиливают, вырезают, клеят. Платочки и платки, шкатулки, портсигары, даже самолеты и пароходы...

Только в одном судомодельном кружке на миниатюрных верфях заложены и скоро будут спущены на воду действующие модели крейсеров, подводных лодок, яхт, речных катеров, крейсера «Аврора», броненосца «Потемкин», управляемого по радио лайнера «Советский Союз». Вся эта армада примет участие в соревнованиях моделистов в дни фестиваля.

Киоски для улицы Музыки.

А на другом этаже идут репетиции танцевальных коллективов. Пятьсот горбуновцев покажут гостям массовую русскую пляску.

Но успех фестиваля не только в занимательных сувенирах, захватывающих танцах, удивительных встречах, увлекательных играх. Молодежь встречает фестиваль трудовыми успехами. В Сталинграде на судоверфи спущен на воду теплоход «Комсомолец». В честь фестиваля его построили досрочно. В Петрозаводске разгорелось соревнование строителей города. Лучшую бригаду назовут фестивальной, и все ее члены станут гостями Москвы. Комсомольцы московского завода «Динамо» обратились с открытым письмом к своим сверстникам на Уралмашзаводе: мы сверх плана дадим полное электрооборудование для шагающего экскаватора, а вы постарайтесь, чтобы сверхплановый шагающий вышел с завода к открытию фестиваля. Это будет экскаватор «Фестивальный шагающий». На Красной Пресне, на вагоноремонтном заводе, ремонтируют сверх плана четыре железнодорожных вагона.

На московском Автозаводе имени Лихачева висит красочный плакат, сделанный наладчиком прессового корпуса Евгением Сапожниковым. Разумеется, самодеятельному художнику трудно соревноваться в мастерстве с профессиональными представителями боевого изобразительного жанра В. Корецким, Е. Мигуновым, В. Брискиным, К. Ивановым, С. Валуцким и их коллегами, двадцать два лучших плаката которых уже печатаются тиражом свыше двух миллионов экземпляров. Плакат Сапожникова существует в единственном экземпляре. Идея плаката не нова, но убедительна. Пятилепестковая эмблема фестиваля. Из цветка в упор смотрит рабочий и показывает пальцем: «Что ты сделал для фестиваля?».

Автозаводцы взяли на себя в связи с фестивалем особое обязательство: изготовить двести автобусов туристского типа марки «ЗИЛ-158». Их первыми пассажирами станут гости. Широкие окна заходят стеклянными изгибами прямо на крышу; можно смотреть из салона автобуса не только вбок, но и вверх. Комитет комсомола шефствует над ответственным заказом.

Сорок тысяч голубей взлетят 28 июля над трибунами Центрального стадиона имени Ленина в Лужниках. Кстати, выгнать в воздух этакую стаю не совсем просто. Голуби должны подняться над трибунами и обязательно улететь прочь. Даже у людей при виде одновременно взлетающих десятков тысяч птиц голова может пойти кругом, а голубям такой вихрь вовсе непривычен. Клетки с голубями будут розданы двадцати тысячам спортсменов, для которых отведут места на Восточной трибуне.

Любителей голубей, официально — голубеводов, неофициально — голубятников, хоть отбавляй. Стоило лишь обратиться к знатокам этого дела за помощью, как они из голубятников вмиг превратились в голубеводов. На многих московских предприятиях, на самых высоких зданиях были молниеносно возведены по последнему слову техники великолепные голубятни. Кустари голубиного дела с радостью принесли в общественный фонд своих питомцев.

И несть числа таким людям, как, например, электромонтер с московского завода «Манометр» Виктор Шматов. Сейчас он активный комсомолец, производственник, спортсмен, председатель совета ДСО «Торпедо» на заводе, а в прошлом — всего лишь активный голубятник. Его активность в этом деле зашла в свое время так далеко, что он и учиться едва не бросил. Когда на «Манометре» было решено воздвигнуть голубятню, Шматов, как, впрочем, и другие, принес в общий фонд своих недешевых голубей.

Не было недостатка и в проектах сооружений. Короче говоря, к консультантам со стороны прибегать не пришлось. Голубки уже отложили яйца, и к фестивалю стая будет насчитывать не менее ста тридцати штук. С весны тренеры-добровольцы приступят к занятиям, чтобы птицы назубок знали дорогу из Лужников к Курскому вокзалу, в Сыромятники.

К приезду десятков тысяч гостей готовится ускоренными темпами Москва, готовятся и повара, кулинары, кондитеры — все, кому выпала честь принимать гостей за столом.

Загодя подготовлены проекты меню на все дни фестиваля. Меню делятся на четыре категории: европейская, армянская, китайская и мусульманская кухни. Из наших среднеазиатских республик в Москву прибудут повара, которые и приготовят по всем законам Востока супы суюк-ош, шурпу и пити, а в ресторане «Узбекистан» будут приготовлять лепешки оби-нон, с которыми, по мнению многих жителей Востока, не идет ни в какое сравнение европейский хлеб.

Гости не должны тратить на еду много времени — и рядом с гостиницами будут возведены двадцать временных столовых на 500 мест каждая. Заготавливается мебель и посуда. Кондитеры организовали выставку своих изделий: полезно поделиться умением. Обслуживающий персонал изучает иностранные языки: английский, французский, немецкий, испанский.

Надо спешить: ведь до фестиваля осталось только 118 дней!

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и Е. УМНОВА.

Художник Виктор Корецкий получил первую премию на конкурсе фестивальных плакатов.

Свыше двух миллионов — таков тираж фестивальных плакатов.

← Первая образцовая типография имени Жданова печатает плакаты и открытки.

«Огонек».

Танцевальный коллектив Дворца культуры имени Горбунова покажет гостям русскую массовую пляску.

Судомодельный кружок Дворца культуры имени Горбунова построит к международным соревнованиям двадцать девять кораблей. Радиоуправляемый лайнер «Советский Союз» готов к спуску на воду.

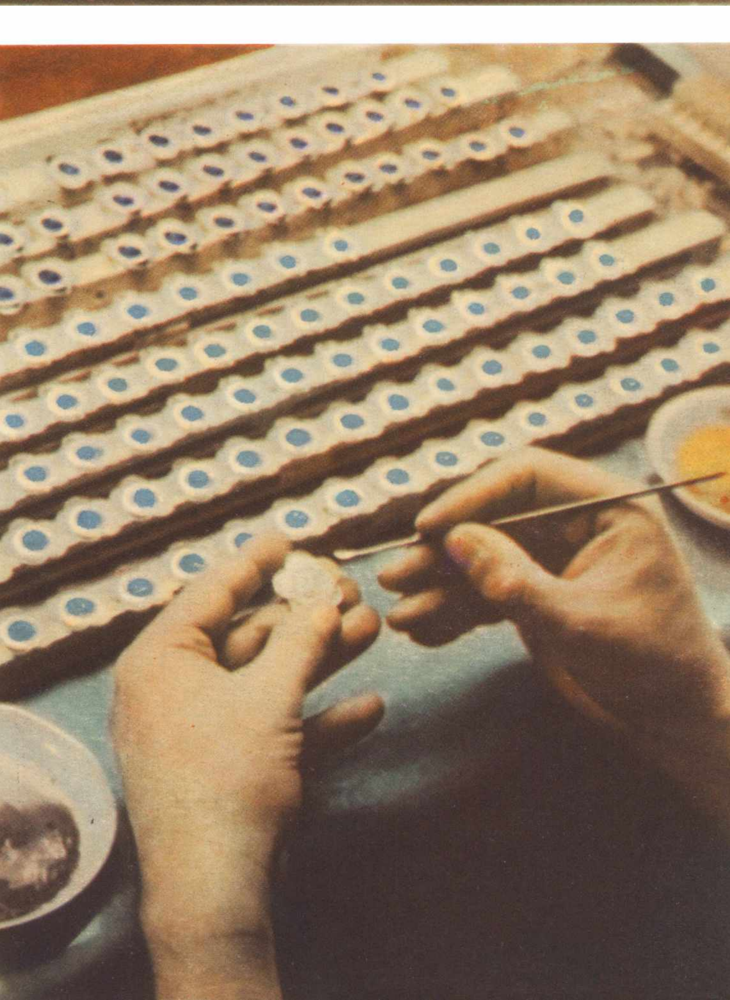

Тысячи рук готовят гостям сувениры: в артелях — деревянные игрушки, на московском монетном дворе — значки.

Чтобы девушки смогли приобрести к празднику изящные недорогие платья, Общесоюзный Дом моделей создал образцы,

а 1-я Московская ситценабивная фабрика, в числе многих других, готовит ткани со специальными рисунками и платки-сувениры.

ЧЕЛОВЕК ДУШЕВНОЙ МОЛОДОСТИ

В эту дату не так-то легко поверить. Многим случалось видеть, как этот высокий, легкий человек, окруженный детворой, шагает бодрой, молодой походкой по аллеям подмосковного дачного поселка; как он свободно взбегает по ступеням крутой деревянной лестницы или на прогулке вдруг затянет озорной долгий-предолгий крик на одной ноте, обнаружив при этом удивительное дыхание... Кто бы подумал в эту минуту, что ему семьдесят пять лет, что за плечами у него без малого 60 лет напряженного труда! И столько душевной молодости, столько жизнелюбия во всем его облике, что вдруг становится ясно, почему так легко проникает он в детский мир и почему так любят его маленькие дети.

Фото О. Кнорринга.

А они действительно очень любят Корнея Ивановича и его книжки; вместе с первыми жизненными впечатлениями входит в сознание маленького человека пестрое и веселое население этих книжек: здесь и прославленная Муха-Цокотуха, и грозный Тараканище, и бессмертный Мойдодыр, и добрый доктор Айболит, и злой разбойник Бармалей, и крохотный, но отважный Бибигон, поселившийся на даче в Переделкине, и целые полчища всяких зверей, больших и малых, от слонов и крокодилов до стрекоз и кузнечиков. И каждый из них чему-нибудь учит читателей.

В самой первой сказке Чуковского, «Крокодил», еще фигурируют гимназисты и городовые; написанная больше 40 лет назад, в 1916 году, эта сказка явилась первым опытом сюжетной стихотворной поэмы для самых маленьких (она, кстати сказать, и проложила дорогу новому жанру). В 20-х годах одна за другой стали появляться новые сказки, и теперь кажется, что без них как будто и невозможна жизнь ребенка. Общий тираж этих сказок уже перевалил за 30 миллионов.

Но не только дети любят Корнея Ивановича. Взрослые читатели знают и любят Чуковского — критика, литературоведа, мемуариста, переводчика. И как невозможно представить себе нашу детскую литературу без его сказок, так невозможно представить советскую историю литературы без его книг о Некрасове, нашу переводную литературу — без его работ о переводах.

Писатель высокой культуры, Чуковский всегда знает и любит то, о чем пишет. У него много «специальностей» в литературе, но в каждой из них он мастер, а не подмастерье, художник, а не ремесленник, ученый, а не дилетант. И вот одно из доказательств этого: чем бы ни занимался Корней Иванович, его интерес к тому или другому предмету никогда не бывает случайным, кратковременным. На протяжении многих десятилетий он постоянно возвращается к каждой из своих «специальностей». И при этом он всегда не только практик, но и теоретик. Его работе над стихами для детей сопутствовало пристальное внимание к детской речи, изучение которой он начал задолго до революции. В результате этого изучения родилась умная и талантливая книга «От двух до пяти», заключающая в себе ценнейшие наблюдения и выводы, важные и для педагога, и для ученого-психолога, и просто для всех родителей.

Обширна работа Чуковского в области художественного перевода. Может быть, не все помнят, сколько сделано им для популяризации у нас англо-американской литературы. А ведь он буквально открыл для русского читателя Уолта Уитмена; первая книга Чуковского о нем вышла в 1914 году под названием «Поэзия грядущей демократии», Чуковский неутомимо переводил его стихи и много писал о великом американце. Чуковский переводил Фильдинга, Шекспира и Дефо, Киплинга и Уайльда, Марка Твена и О. Генри, Шоу и Честертона, английские народные сказки... Но Чуковский не ограничился переводами: накапливая опыт работы в этой области, он стремился теоретически его осмыслить. В результате явилось несколько работ, в том числе книга «Высокое искусство».

Интересно, что еще в 1908 году Чуковский выступил с очень злой статьей «Бальмонт как переводчик Шелли». Эпиграф к ней был взят у гоголевского Хлестакова: «Это топор, зажаренный вместо говядины». А в самой статье говорилось: «...своим переводом Бальмонт исказил у Шелли не отдельные какие-нибудь места, но исковеркал, опошлил, облил цирюльничьим одеколоном всю его нежнейшую и легендарно прекрасную душу».

Корней Иванович начал печататься в 1901 году в газете «Одесские новости». Вскоре он перебрался в Петербург и здесь сразу и навсегда вошел в среду русских литераторов. С кем только ему не приходилось встречаться в последующие годы! Он разговаривал с людьми, близко знавшими Некрасова, и видел на склоне ее лет Ольгу Сократовну Чернышевскую. Он встречался с Короленко и помнит Кропоткина, работал с Горьким и Луначарским, хорошо знал Блока и Брюсова, Бунина и Л. Андреева, Кони и Станиславского. В доме у него бывал Шаляпин. Маяковский в 1915 году был постоянным гостем на даче у Чуковского в Куоккале. Ему посчастливилось долго и близко знать Репина.

Многое видел Корней Иванович, и память его хранит все с такой ясностью, как будто только вчера он встречал людей, о которых рассказывает. Он такой собеседник, что слушать его можно часами, затаив дыхание. Таким собеседником Чуковский остается и в своих мемуарах — его книга «Репин, Горький, Маяковский», воспоминания о Леониде Андрееве, которые скоро будут напечатаны,— это живой и красочный рассказ о прошлом, рассказ тем более интересный, что сам очевидец минувших дел и событий показывает их нам, людям иной эпохи, глазами нынешнего человека. Точность мемуариста сочетается в этих воспоминаниях с зоркостью художника, умеющего создать яркое зрительное впечатление и превосходно владеющего всеми богатствами русского языка — легкого, гибкого, выразительного.

Долгий и сложный путь у писателя. На этом пути могли быть ошибки и заблуждения, но не было и не могло быть равнодушия — качества, несовместимого с искусством. Страстность в отношении к своему делу, как и подвижническое трудолюбие — исконный признак настоящего писателя, — это характерные черты Чуковского. Он не пишет ничего вялого, бесцветного по мысли и по форме. Ранние сборники его критических статей 1908—1914 годов («От Чехова до наших дней», «Критические рассказы», «Лица и маски» и др.) и сейчас читаются с живым интересом: в них с неукротимой сатирической остротой высмеяны декадентские и буржуазно-мещанские писатели; яростный гнев обращен против пошлых творений Вербицкой и Арцыбашева, растлевавших молодежь, против фальшивой детской литературы во главе с Чарской.

Еще в предреволюционные годы Чуковский начал изучать бурную эпоху 60-х годов и демократическую литературу той поры. Некрасов стал главной его страстью, предметом постоянных трудов и раздумий. В указателе литературы по Некрасову отмечены четыре работы Чуковского, опубликованные в 1917 году. Великая революция окрылила ученого, поддержала его интерес к народному поэту. До того времени не существовало ни одной работы о мастерстве Некрасова, считалось, что он был слабым художником. Со всей горячностью взялся Корней Иванович развеять эту неправду. В 1919 году он выступил с публичными лекциями, в 1921 — издал эти лекции отдельной книгой, озаглавив ее «Некрасов, как художник». А вслед за тем — буквально нет конца усердным поискам материалов, архивным публикациям, исследованиям, статьям... Это была неутомимая деятельность по возвращению читателю подлинного Некрасова, по очищению некрасовских текстов от всевозможных искажений, по установлению фактов биографии поэта. Это был научный подвиг.

Итогом многолетних трудов явилась книга «Мастерство Некрасова» (недавно она вышла вторым изданием). Можно сказать без всяких преувеличений: еще ни в одной работе о Некрасове не было с такой ясностью определено его место в русской литературе — после Пушкина и Гоголя; никогда еще не были с такой тщательностью изучены черновые рукописи поэта для освещения его мастерства, процесса творчества; наконец, впервые с такой полнотой раскрыта теснейшая связь некрасовской музы с устной народной поэзией. И, кроме того, книга «Мастерство Некрасова» не сухое, академическое сочинение, предназначенное для специалистов. Нет, эта книга написана человеком, влюбленным в Некрасова, она написана исследователем-поэтом, и потому ее с увлечением прочтет каждый, кто любит поэзию.

За все, что сделал писатель Корней Чуковский для советской культуры, для науки, для воспитания наших детей, хочется сказать ему великое спасибо и пожелать навсегда сохранить прекрасную молодость души, которая нужна для его новых больших трудов.

В. ЖДАНОВ

НА БЕРЕГАХ НИЛА РУКОПЛЕЩУТ

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В Актовом зале Каирского университета четыре тысячи мест. Но на заключительный концерт Государственного ансамбля народного танца СССР сюда пришло по меньшей мере пять тысяч человек. Известная каирская журналистка Инжи Ружди ходит с блокнотом за кулисами и пытается интервьюировать артистов. Закрыв блокнот, она говорит мне:

— Очень трудно это делать, не понимая языка. Зато язык их великолепного искусства понятен всем. Вы слышите?

Под высокими сводами огромного зала бушует овация. Почти каждый танец артисты вынуждены исполнять по два раза. Люди, живущие на берегах Нила, с восторгом рукоплещут мастерскому исполнению танцев, зародившихся на берегах Волги и Днепра, Днестра и Арагви или далекого Амура. Настоящее искусство близко и понятно всем народам.

«В эти волшебные часы, проведенные на концерте ансамбля, зрители как бы жили вместе с советскими артистами, вместе с ними танцевали русские, украинские, грузинские, белорусские народные танцы. На крыльях искусства мы словно облетели различные народы, населяющие Советский Союз, вкусили традиции и наследие этих народов, с любовью и уважением восприняли их прошлое, сверкающее настоящее и еще более лучезарное будущее». Так писал о концерте ансамбля египетский поэт Абдаррахман аль-Хамиси в газете «Аль-Гумхурия».

«Я не знал России раньше,— пишет рецензент газеты «Аш-Шааб».— После концерта ансамбля я словно побывал там. Увидел народ, жизнь, обычаи и быт советских людей, их жизнерадостные танцы...»

«Скажем сразу,— пишет газета «Прогре Эжипсьен»,— что это, несомненно, лучшая труппа, которую мы до сих пор видели. В танцах ансамбля выражены молодость и жизнерадостность. Они навеяны оптимизмом русского человека».

Гастроли ансамбля начались на сцене Каирского оперного театра, где в свое время впервые была поставлена опера Верди «Аида». Нельзя не заглянуть в зал: как принимают танцы египтяне?

В зрительном зале рукоплещут... Выступления ансамбля начались успешно, и этот успех рос с каждым днем. К концу гастролей заявок на билеты оставалось столько, что ансамблю нужно было бы выступать еще по крайней мере месяц, чтобы все желающие попали на концерт.

На одном из концертов ансамбля присутствовал президент республики Гамаль Абдель Насер. Вместе с ним в ложе находились члены правительства и посол СССР в Египте Е. Д. Киселев. Президент просил передать коллективу ансамбля его восхищение мастерством исполнителей.

Художественный руководитель ансамбля И. А. Моисеев преподнес президенту Насеру от советских артистов шкатулку, расписанную палехскими живописцами.

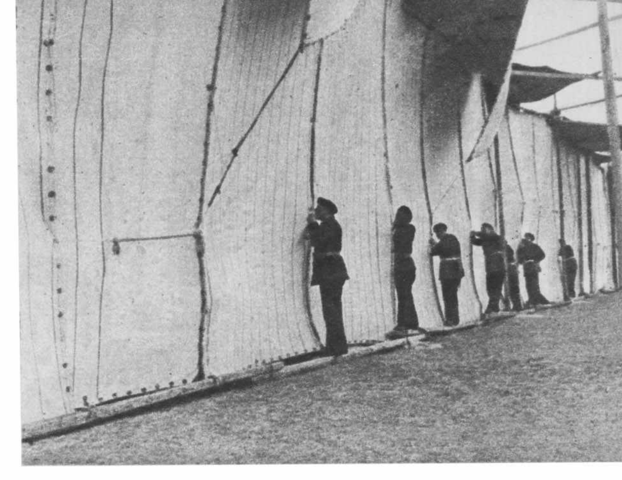
Солистка ансамбля Тамара Зейферт недаром удивлена. Если сам грозный страж кулис пожарный Фавзи Ахмет Исмаил угощает сигаретой танцора Бориса Петрова, значит, гостеприимство здесь не имеет границ!

Большой мусульманский праздник. В течение нескольких дней в древних районах Каира звучит музыка, кружатся карусели, выступают фокусники, заклинатели, акробаты. Артистов ансамбля, разумеется, больше всего заинтересовали народные египетские танцы. Глядя на танец феллахов, Игорь Моисеев задумал новый номер для своего ансамбля.

СОВЕТСКИМ ТАНЦОРАМ

Портсаидовцы заботливо подготовили площадку для выступлений ансамбля. На городском стадионе была специально сооружена сцена и возведен огромный шатер из ковров, укрывший пять тысяч зрителей, расположившихся на трибунах и на поле. Полицейские, которые охраняли порядок вокруг гигантского шатра, ухитрились смотреть программу, не покидая своих постов.

Надолго запомнят все участники ансамбля свои выступления в Порт-Саиде. Вот группа артистов на лесах строящегося дома. Указывая на леса стройки, каменщик Рашид эль-Фавзи говорит: — Этот район города называется эль-Манах. Во время интервенции колонизаторы дотла разрушили его. Сейчас он отстраивается заново.

Коллектив советских артистов дал в один день два концерта в Порт-Саиде, сбор от которых передан на восстановление города. Выступления прошли с огромным успехом.

Государственный ансамбль народного танца Союза ССР дал в Египте 35 концертов. Его выступления стали демонстрацией крепнущей дружбы двух народов, растущего культурного сотрудничества Советского Союза и Египетской Республики. Гастроли закончены, но дружественные связи продолжаются. Студентка Фавзия Амер и Любовь Хрулева обмениваются адресами.

Талантливый коллектив артистов приобрел на берегах Нила верных друзей и горячих поклонников.

Рассказ

Владимир ФОМЕНКО

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Если спросить неискушенного товарища, что такое охотник, он ответит: это человек, который убивает лисиц, зайцев, перепелок.

А это неверно. Охотник ничего не убивает. Или почти ничего. Особенно городской. Он держит дома собаку, ружье, коробки с порохом, холщовые мешочки с дробью, состоит в обществе кровного собаководства, в добровольном обществе охотников, имеет в магазине «Динамо» знакомых, которые достоверно сообщают, когда будут давать просаленные пыжи. Целый год он бегает по утрам на рынок покупать кости; жена варит из этих костей специальный суп, которым по возвращении с работы охотник лично кормит собаку.

Собаку надо кормить обязательно лично, чтоб у нее был контакт с хозяином.

Так готовится он весь год, а когда откроется сезон, привезет за все время, может быть, одного лишь растяпу-куличка.

...Возвращение домой — самые мрачные страницы в охотничьей жизни. Начинаются они в обратном поезде, где все пассажиры спрашивают, улыбаясь, нет ли продажной дичи. Неприятностей в поезде можно избежать, насовав травы в ягдташ и внеся его так, будто он набит птицей и оттягивает плечо. Трех — четырех неопытных пассажиров это надует, но на следующей стадии, когда будешь идти с вокзала по своей улице, подведет обязательно. Каждый сосед, увидав толстую сумку, будет радостно просить, чтоб ему показали уток.

А впереди еще возвращение домой, в собственную квартиру... Там, хоть натолкай в сумку травы, хоть не наталкивай, все равно жена отводит глаза в сторону и говорит, что нормальные люди в воскресенье ходят в кино и хоть немного думают о семье.

И все-таки ездит человек!..

И не от плохого ведь ездит! Хорош в сентябре в Ростове после недели трудов субботний донской наш вечер. Во дворах пьют на воздухе чай, давя в стакане сливы; сидят у ворот на вынесенных стульях, переговариваются через улицу. Облитые из шлангов мостовые сверкают; одетые в белое пары, с загорелыми лицами, с коричневыми открытыми руками, торопятся на набережные, в кино и сады. Каждая скамья под высокими акациями зовет к себе. Можно сесть, откинуться на деревянную выгнутую спинку, расправив складки летних брюк, блаженно положить ногу на ногу. Мимо плывут легкие, точно вздохи, платья, вверху застыла листва, на политых, прохладных теперь клумбах раскрываются сомкнутые днем венчики пахучего табака: всё и вся приготовилось встречать отдых, вечернюю прохладу.

И в этот час одни лишь мы, охотники, сознательно едем маяться в камышах, сутки, скрючась, сидеть на дне кайки, боясь хоть на секунду разогнуть затекшую спину...

Мы лезем в неосвещенный, душный, как консервная банка, загон, где не откупоривается ни одно окно. Пот сразу начинает заливать глаза, капать с ушей. Наши собаки грызутся, ружья в темноте цепляются за верхние полки, мы ничего не убьем, но мы твердо верим, что это какие-то «они» не убьют, а мы — дело другое!

Действительно, еще ведь не скажешь, кто из нас какой стрелок, поэтому каждый может многозначительно улыбаться, когда говорят о «мазилах», что палят в белый свет, как в копеечку. Пока же есть полная возможность солидно осведомляться у соседа, каким полем ходит его собака, по какой дичи он едет.

Едут на утку, другие — на бекаса, третьи предпочитают вальдшнепа, потому называются «вальдшнепятниками», что напоминает таежное «медвежатники».

На днях прошли дожди, и в вагоне говорят, что вальдшнепа после дождя высыплет как грибов. У нас на Дону отродясь грибов не бывало, но звучит это здорово.

— Главное — не горячиться. Взлетел вальдшнеп — спокойно отпусти его метров на двенадцать и только тогда бей. Заметь, куда упал, и следи: сейчас второй поднимется. Они ж парами пасутся. Запросто за одно утро — сумка.

Если бы любой, конечно, не здесь, а дома услыхал, как его сынишка или внук городит хотя бы десятую долю того, что говорит сейчас он сам, он строго сказал бы: «А ну, Борька, хватит! Не задавайся. Где ты только учишься этому?»

Но вот все уже влезли, сели, сваливают с плеч свои конские вьюки, движением лопаток и шеи отлепляют приставшие к спине мокрые гимнастерки. Поезд тронулся, собаки под ногами угомонились — значит, время заводить самое лучшее из всей поездки — охотничьи художественные рассказы, а по-ростовскому — «балачки». Это без промаха. Дело верное, доступное каждому стрелку.

Возмутительно, почему существуют десятки справочников по дичи (хотя ее и в глаза никогда не видишь), по ружью (а ведь его что с собой тащи, что брось дома — толк один) и абсолютно нет справочника по балачкам, без которых практически не бывает охоты?!

Перестукивает поезд на стыках на выходе со станции, полосы света от каких-то далеких фонарей пробегают по окну, тускло освещают потное, точно из ведерка облитое лицо небольшого, сухощавого человека. Судя по галстуку, привычно повязанному даже на охоту, по отдельным словам и конторским белым рукам, это работник аппарата. Поскольку уже двинулись, все струны его охотничьей души поют, настроение у него приподнятое, даже самокритичное. И из уст его, открывая повестку дня, начинает литься балачка, поскольку первая, то

Довольно реалистическая

— Был я в командировке в Степновском районе. Собрались мы на куропатку: завпотребсоюзом, председатель колхоза и агроном. И увязался с нами еще один командировочный — инспектор облсельхозуправления. Я, говорит, бью — ого! У меня, дескать, держись! Добыли ему ружьишко, зарядов, пошли.

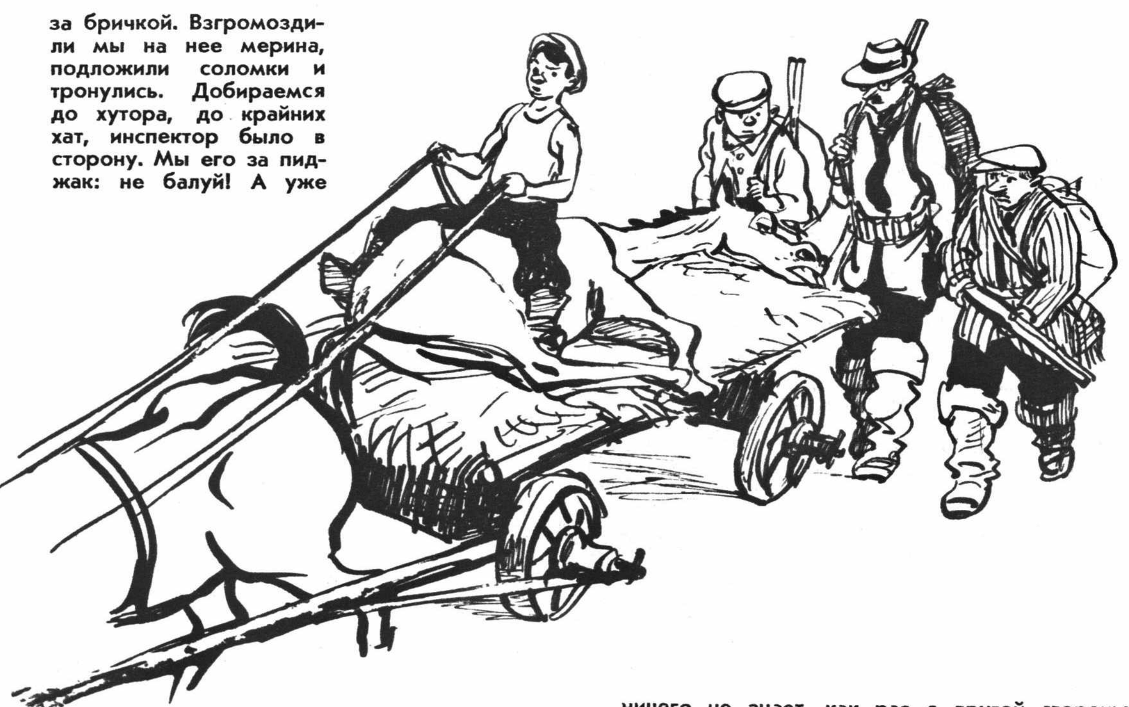
Дело осенью. Иней обмяк на солнышке, роса сверкает, воздух!.. Сели перекусить. Инспектор этот отошел — и прямо на русака. И, оказывается, не знает, что там в ружье нажимать. Мы ему: «Бей! Бей!» Заяц очумел, дует что есть силы по кольцу вокруг инспектора, тот ведет за ним стволами и сам вопит: «Держи его, грызуна, держи!»

А за скирдой малец колхозных коней пас. Какой-то мерин и выгляни из-за скирды на шум. Заяц до него добегает, а инспектор как раз к этому времени попал пальцем на спусковую скобу и, вроде ему во всей степи места другого не было, с перепугу ба-бах! Мерин копытами к небу — и не охнул.

Подбегаем. Мерин-то гладкий, белый, все дробины на нем, как на фанерочке. И хорошо, между прочим, легли, кучно!.. Ясно, поотскакивали: не куропатка, все ж таки лошадь! А лежит... Мы кепками машем перед мордой, чтоб ему воздуху больше; уже и рук не чувствуем, намахались, а у него пульс пропал. Глаза закатились, в глазах облака отражаются, и сам каменеет: инфаркт.

Сели, закурили. Держим совет. Боже мой, теперь же узнает райком!.. Дело ведь накануне районной конференции, сами понимаем, как оно оживит доклад... Но сиди не сиди — расхлебывать надо. Встали, послали мальца

за бричкой. Взгромоздили мы на нее мерина, подложили соломки и тронулись. Добираемся до хутора, до крайних хат, инспектор было в сторону. Мы его за пиджак: не балуй! А уже

совсем в колхоз въезжаем, тут и председатель колхоза не выдержал.

— У меня,— говорит,— срочное дело.

— У всех,— отвечаем,— срочное. Терпеть надо.

У мерина хвост на сторону, губа отвисла, вспрыгивает на колдобинах, а мы следом шагаем с ружьями на плечах, чуть не плачем. Как раз же воскресенье, все на улице, высыпали навстречу нашему катафалку... Спасибо, хоть палками нас не лупят.

— Здрасьте, — говорят ехидно, — Иван Филиппович! Привет, Сергей Петрович! С полем вас!

— Вы на кого,— интересуются,— охотились? На русака чи на рысака?

Улица длинная, объезда нет, вот так и идем... Входим — это уже за хутором — на хоздвор, мерин как заржет, соскочил и метров восемь, что ему до конюшни осталось, галопом. Аж взбрыкивает, сволочь! Мерси, дескать, что подвезли. Оказалось, шок у него был.

Знаете, какой резвый коняка стал после! Воду ли везет колхозникам, тыквы — так и срывается на карьер! Ветеринар объяснял, что встряска организма и, мол, замечательная даже польза для нервной системы.

А все равно райком как узнал, ох и завертелось!.. Хорошо, хоть не записали. Я лично в Ростов когда вернулся, два сезона слушать не мог об охоте. Впервые вот еду.

Машина пущена. Страсти задеты. Пожилой, но могучий, как штангист, скуластый отставной военный перехватывает эстафету. Он не откашливается, не достает задумчивым движением своих толстых, здоровенных пальцев папироску, как полагалось бы серьезному рассказчику. Все это можно потом, когда повествование начнется и никто уж не перебежит дороги. Эмоции в вагоне нарастают, воображение раскрепощено, и поэтому солидным военным излагается, сравнительно с первой, балачка

Более фантастическая

— Подъезжаем мы, товарищи, к Синявке... А знаете, сколько здесь в позапрошлом еще году ходило волка? Как зайца! Скотомогильник тут был, и перед ним ров противотанковый — остаток Южного фронта. Мы и пошли с зятем в засид. Разделились. Он в одиночный окопчик сел, я — в ров.

Звезды, мороз, валенки у меня на меховой стелечке, на коже, шуба теплая. Сижу-сижу и чего-то придремнул, что ли... Проснулся и дай, думаю, посмотрю. А волчище, оказывается, против меня по ту сторону бугорка лежал. У меня колбаса была в сумочке, он, негодяй, подполз на животе и нанюхивает... Я же ничего не знаю, высовываюсь тихонечко, а он тоже ничего не знает, как раз с другой стороны подвигает ко мне голову и — здрасьте! — нос к носу! Аж своей ноздрей в мою так и дыхнул... Я ка-а-к крикну, он развернулся — от меня. А за ним, оказывается, второй подкрадывался; так тот не разобрался да вперед. И они лбами!! Так и присели. Шутите — удар! Я вскочил, смотрю: какого стрелять?.. Оба зубами ляскают, ощерились, у обоих шерсть дыбарем. Глядь, третий! И не разобрал я, что то зять, дочкин муж. Он, понимаете, на мой крик выскочил из окопа да оскользнулся и по инерции пропахивает на четвереньках. Вижу: из троих самый крупный.

«Эх! — решаюсь. — Живьем возьму!»

Знаю, что за уши надо хватать. Схватил и в горячке даже не думаю, почему это уши маленькие?.. Зажал и гну. То он меня одолевает, то я. Верите, уже развидняться стало, машины по шоссе пошли, а я не разжимаю пальцев, давлю. Вдруг слышу, из-под меня волк жалобно-жалобно:

— Папа! Что же вы, с-сукин сын, делаете?

Стучит вагон; махровыми розами цветет разгулявшаяся охотничья фантазия; с треском лопаются бутоны страстей. Теперь уж не обойдешься обычным серcommittees — сереньким рассказиком, как за один раз был сбит всего лишь десяток крыжней, и носатый, жилистый рабочий излагает, соответственно обстановке, свое, что классифицируется как балачка

Без зазрения совести

— Повезли мы в Казахстан, на целину, наши ростсельмашевские комбайны. На всякий случай захватили с собой тулочки, может, удастся стрельнуть...

Урожай чертячий, по тридцать центнеров с гектара убирали без сна, без роздыху. Какая там охота, если и закурить некогда! Через декаду, ровно в полночь, кончили, а назавтра в обед уже ехать домой. Вот тебе и поохотились... Но решили не сдаваться: двигать прямо сейчас, пересидеть темноту где-нибудь под скирдой, а с рассвета, на зорьке, походить. Отошли от совхоза, то есть от наших парусиновых палаток, в степь, поседали на землю; на радостях, что урожай замечательный, выпили по маленькой.

А вокруг, товарищи, все равно как океан, считай, сотни на две километров — стерня и стерня на месте скошенной пшеницы. Красиво до невозможности, широко, простору уйма, но крепко потягивает ночной холодочек. «Дай,— думаем,— разведем огня». И только подгребли соломы, зажгли, слышим в воздухе: «Ш-ш-ш... ш-ш-ш!..»

Подняли мы головы, а то дрофы. Они на стернях разъелись и летят на костер, вроде бабочки на свечу. Огромные, каждая, считай,— баран на крыльях! Мой напарник по ремонту комбайнов (хлопец молодой, неопытный) дернул свою тулку из-под мешка. Курок оттянулся — и тарарах в гору! Только мы ему, напарнику моему, по шее за растяпство. Слышим: свистит сверху. Знаете, такой звук, как если самолет пикирует и ветер свистит в фюзеляже. А то дрофа-подранок; крылья ведь по метру, захват воздуху — во! Как хлопнется на край костра, аж перо зашипело. Оттащили, начали сами канонаду. Мой напарник (чувствует же, что виноват, что дуром бахнул) сам уже не бьет, инструмент готовит, заряжает нам ружья, а мы садим в гору. Тут и целиться не надо: плотно, табуном, идут дрофы, любая — как пара индюков. Дашь вверх — следом тресь на землю! Опять дашь — опять тресь. Бригадир наш кричит:

— Ничего, товарищи, с нами в эшелоне вагон-холодильник, дичь не попортится, бей!

А где ж бить, когда уже и патронов нет? Хоть, понимаешь, камнем пуляй, только и камня нет, гладко ведь кругом — стерня одна. А они, дрофы, как из мешка прут. Казахстан, земли вольные, охотников нету, и дрофа сытая, дурашливая, с жиру вот и взыгралась. Бригадир орет:

— Затаптывай костер к чертовой матери, они на огонь лезут!

И верно: затоптали — чуть схлынуло.

В Ростове уже, когда сгрузили дрофу из холодильника, думаем: куда ее столько? Не из жадности ж стреляешь, а для физкультуры. И по цехам раздавали через завком, и сами, конечно, кто сколько мог, домой перли. С нее ведь что суп, что котлеты. А соус! Если с картошечкой, с чесноком!.. Казахстанская, сытая. Ее, когда шарахнешь дуплетом, поднимешь едва-едва двумя руками за ноги. Это ж вещь!..

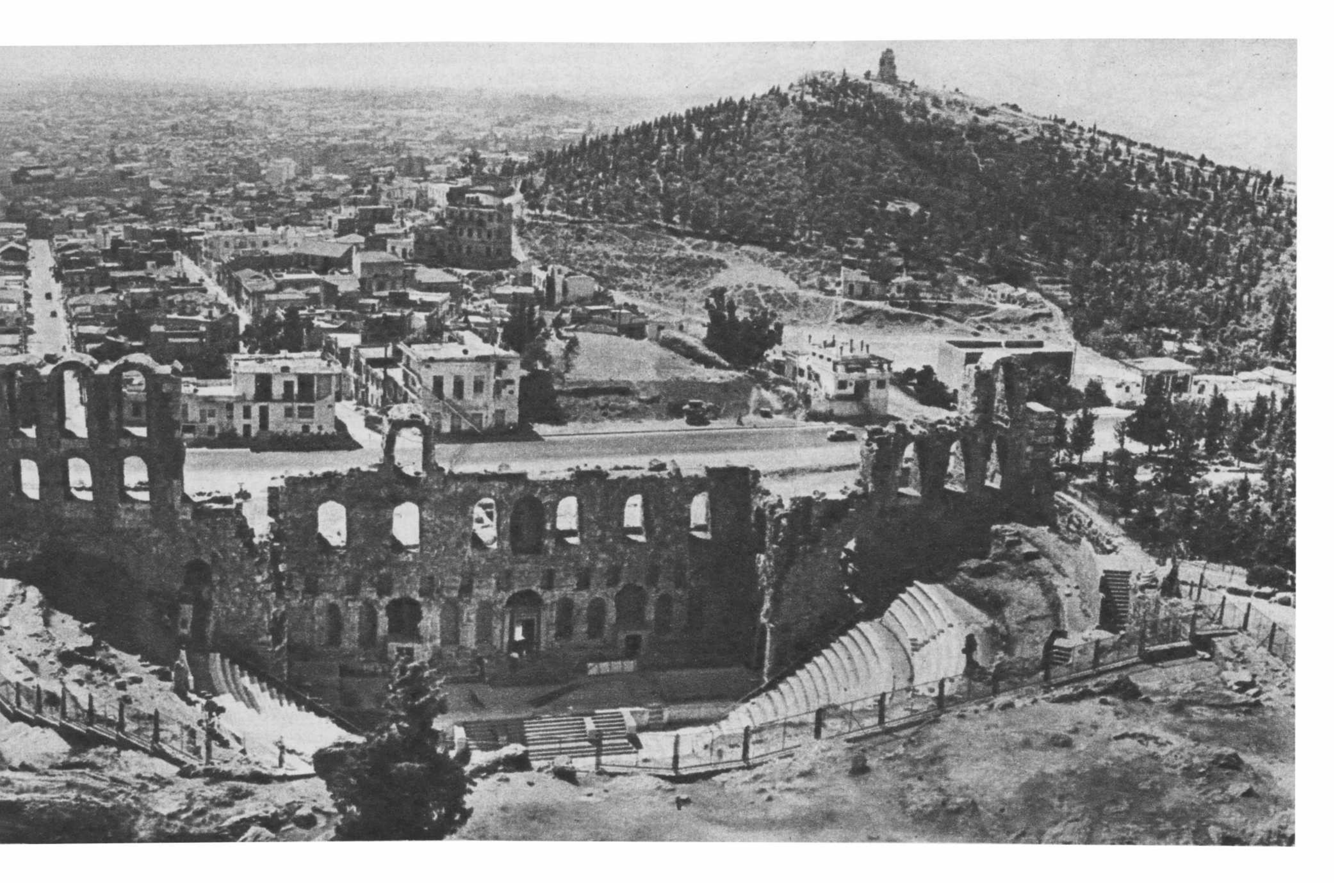
Качаемся в поезде, смеемся. Но психология — дело тончайшее. Заронилось и копошится где-то в глубинах: «Все ж таки счастье людям. Смотри, сколько дрофы налупили!.. Вдруг и у нас сегодня что-нибудь будет!»

А почему и нет? Вот как энергично трется о ногу твоя собака! Пусть на обратном пути она будет еле живой, грустноглазой, с перевалившимся через зубы языком, измазанным в песке, в присохшем иле и в нефти. Сейчас она бодра, как и ты; под локтем у тебя ящик с веселой уточкой-крякушей; вокруг пояса двадцать четыре патрона, и в каждом — живая, трепетная надежда: «Дашь вверх — следом тресь на землю! Опять дашь — опять тресь».

Могучая сила — художественное слово!

Встречи В АФИНАХ

Е. ПОПОВКИН **Фото А. НОВИКОВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

У писателей Греции

Когда-то, в очень давние времена, гласит легенда, семь городов Эллады оспаривали право называть себя родиной великого Гомера. Своей богатейшей историей и античным искусством справедливо гордятся в Греции и сейчас.

Один из греческих литераторов, едва мы познакомились, стал допытываться:

— У вас, в России, издают «Илиаду» и «Одиссею»?

Молодой литератор был удовлетворен, узнав, что в советской стране Гомер и Софокл, Эсхил и Аристофан широко издаются на русском, украинском, азербайджанском, латышском, грузинском, литовском, армянском языках и что тиражи этих бессмертных творений достигают в СССР внушительных цифр.

— А вот современную греческую поэзию вы знаете хуже, чем мы советскую,— сказал наш собеседник с упреком.

В этом следовало разобраться. Вообще хотелось запросто встретиться с греческими писателями и обстоятельно поговорить о современной литературе.

...В небольшом помещении «Греко-советского общества», где была назначена встреча, оказалось полным-полно гостей. Пришли не только литераторы, к ним присоединились актеры, кинематографисты, издатели, даже деятели спортивного движения. Живой интерес греческой интеллигенции к советской стране, к ее культурной жизни не был для нас неожиданностью. Несколько смущал лишь торжественный характер приема. Сделано это было, разумеется, из лучших побуждений, но в парадной обстановке, как известно, трудно вести непринужденную беседу.

Друзья, давно живущие в Афинах, рассказывали нам о виднейших писателях, композиторах, артистах Греции, об их творческих организациях. Мы знали, например, что около трехсот литераторов различных идейных направлений объединены в пяти основных организациях. Наиболее значительная — «Общество греческих писателей» — представляет литераторов демократического направления и с 1955 года издает свой ежемесячник «Эпифеорси технис» («Обозрение искусства»), выходящий солидным для Греции тиражом — пять тысяч экземпляров. В нем широко освещается, в частности, культурная жизнь Советского Союза, стран народной демократии. Возглавляет «Общество греческих писателей» Димитрос Фотиадис. С ним нас познакомили накануне. Деятельный и энергичный, он с живым интересом расспрашивал о советских писателях, с которыми познакомился в Москве.

Есть в Греции «Национальное общество греческих писателей». Его печатный орган — «Неа Эстиа» («Новый очаг»). Меньшие по численности —«Союз греческих писателей», «Союз новых писателей» и «Общество греческих театральных писателей».

Перед отъездом в Грецию я узнал, что скоро в Афинах должно состояться чествование старейшего и популярнейшего писателя страны Никоса Казандзакиса (выступавшего также под псевдонимом Петроса Псилоритиса). Сейчас Никосу Казандзакису, живущему во Франции, 71 год. Это автор известных романов «Христа распинают снова», «Алексис Зорбас» и других. Казандзакис выступает также с лирическими и эпическими стихами, много переводит на родной язык. Ему была присуждена Международная премия мира за 1955 год.

В Греции и за ее пределами широко известны имена пишущих и сейчас прозаиков и поэтов Костаса Варналиса, автора поэмы «Огонь, который жжет», Василиса Ротаса, Стратиса Миривилиса, Ангелоса Терзакиса, Маркоса Авгериса, Янниса Рицоса, Минелаоса Лудемиса, Тасоса Ливадитиса и многих других.

Знакомимся с пришедшими на вечер в «Греко-советском обществе» писателями Варналисом, Лудемисом, председателем «Союза греческих писателей» Агисом Феросом, журналистами Порфирисом и Катифорисом. Рассаживаемся и выслушиваем речь одного из организаторов вечера:

— С радостью приветствуем встречу греческих и советских писателей. В таких встречах «Греко-советское общество» видит залог укрепления дружеских связей двух наших стран, укрепления мира, к которому стремятся наши народы...

Заканчивалась эта небольшая речь очень сердечно:

— Добро пожаловать! Желаем, чтобы советские писатели и журналисты посещали Грецию как можно чаще. Это доставляет нам большую радость!..

Мы сидим за столом, на котором разложены советские и греческие журналы и газеты. Вдоль стола уселось несколько десятков человек, и все складывается как-то так, что беседа завязывается оживленная и откровенная.

Маркос Авгерис интересуется, какие книги по марксистской эстетике изданы в СССР.

— У нас их нет,— добавляет он,— а такая литература крайне нужна для борьбы с идеалистами.

Поэт Тасос Ливадитис просит рассказать, как преодолевают советские писатели в своем творчестве последствия культа личности.

— Какие изменения произошли в жизни писательской организации после Двадцатого съезда партии? — спрашивает кто-то.

Вопросы сыплются один за другим:

— Над чем работает композитор Шостакович? Верно ли, что его произведения в России запрещены?

Удивляться вопросам, подобным последнему, не приходилось. Немало еще клеветнического, смехотворного о жизни в советской стране появляется на страницах греческих газет. А на Салоникской международной ярмарке, буквально рядом с советским павильоном, американская антисоветская организация открыла специальный «русский» книжный киоск, где продавалась грязная стряпня пресловутой «НТС» — шпионской эмигрантской организации.

— Почему советские киноработники отказались в последнее время от фильмов на острые социальные темы и предпочитают любовную и бытовую тематику?

Мы не успеваем возразить, как кто-то из сидящих за столом горячо вмешивается в разговор:

— Это неверно! У нас, в Греции, фильмы отбирают владельцы кинотеатров... А они руководствуются коммерческими соображениями...

— Помогают ли у вас молодым писателям? — раздается чей-то голос.

Мы коротко рассказываем о разнообразных формах помощи, оказываемой у нас начинающим писателям.

— А как помогают молодым писателям в Греции? — спрашиваем, в свою очередь, мы.

Водворяется молчание. Затем кто-то отвечает:

— У нас они предоставлены самим себе... Могут умирать от голода...

Наша беседа становится все более откровенной и дружеской. Говорили о разном: о советском павильоне на международной ярмарке в Салониках; об ансамбле «Березка»; об успешной постановке древнегреческих пьес в афинском Одеоне; о гастролях американского балета...

Однако разговор неизменно сводится к вопросу, наиболее всех интересующему: о сближе-

нии наших народов, о более широком обмене культурными ценностями.

— Очень важно, чтобы греческие и советские писатели знали друг друга не только по имени,— сказал Лудемис. — Многие из нас испытали, что такое тюрьмы, кандалы, оккупация. Но мы не останавливались ни перед чем, чтобы познакомить свой народ с лучшими советскими книгами.

Говоря по совести, всякий раз, когда речь заходила о том, как обстоит дело с изданием греческой художественной литературы у нас, приходилось испытывать чувство неловкости. Перед поездкой в Грецию я попросил в большой библиотеке отобрать современную художественную литературу, переведенную с греческого языка. Получил... три небольшие книжечки, изданные вскоре после войны. Да и то это были переводы с английского.

В то же время греческие издатели, несмотря на серьезные трудности, издают произведения советских авторов куда энергичнее. В перечне книг, переведенных и изданных здесь в последние годы, можно увидеть романы и рассказы А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского, В. Катаева, И. Эренбурга. Изданы многотомные собрания сочинений Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, сборники произведений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова, Горького.

...В распахнутые настежь окна доносится шум ночного города; время довольно позднее.

На столе растет горка книг и журналов — это подарки для советских писателей. На одних — пространные дарственные надписи авторов, на других — лаконично выведено по-русски: «Миру — мир!».

«Люди гор не боятся снега»

Поэт Яннис Рицос недавно вернулся из СССР. Он побывал в Москве, Ленинграде, Риге... Какие же впечатления сложились у него от поездки в нашу страну?

Рицос оказался интересным, вдумчивым собеседником, и несколько часов, проведенных с ним, были не только приятны, но и расширили наше знакомство с жизнью греческих писателей. Час, который сумел уделить Яннис Рицос для встречи с нами, был довольно поздним: поэт вынужден прирабатывать корректурой.

К слову сказать, почти никто из греческих писателей не в состоянии прожить на литературные доходы. Издать книгу здесь — дело нелегкое, для этого автор должен располагать средствами или найти издателя, который пошел бы на риск.

Рицосу приходится вставать очень рано, чтобы до службы успеть хоть что-нибудь написать, а ночами он, тоже ради заработка, занимается переводами.

— Когда же вы успеваете писать? — спросил я.

— За счет отдыха, сна, развлечений, — ответил Рицос и, улыбнувшись, добавил: — И за счет любви...

Рицос — спокойный и корректный, с внимательным взглядом несколько усталых темных глаз человек. Несмотря на суровые испытания, которые выпали на его долю, — четыре года каторги на острове Макронисос,— он выглядит совсем молодо.

Я спросил, сколько им написано книг.

— Около пятидесяти.

— Не так мало!

Тонкое лицо его с коротко подстриженными черными усами тронула еле заметная усмешка.

— Если бы все удалось издать, — сказал он, — мне хватило бы денег примерно... на год... Но свет увидели только одиннадцать из этих книжек.

В заточении на острове Макронисос поэт не прекращал писать. Он прятал рукопись в бутылке, пока кому-либо из его друзей не удавалось вынести исписанные листки из тюрьмы.

— Это подвиг, — сказал мой товарищ.

Рицос пожал плечами.

— Конечно, приходилось трудно... Выжили не все... Некоторые сошли с ума. Меня поддерживали в заточении мысли о мужестве вашего народа...

Некоторые книги Рицоса были запрещены цензурой. Такая участь постигла его сборник «Трактор» с поэмами об СССР и о Карле Марксе, книжки «Пирамиды» и «Эпитафия», поэму, посвященную забастовке рабочих в Салониках.

У Рицоса есть поэма о Белояннисе — «Человек с гвоздикой». Еще одна поэма — «Приветствую Маяковского!», томик стихов «Бдение».

— Обидно, что нам трудно знакомиться с вашей современной поэзией, — посетовал Яннис Рицос.— Твардовского, например, мне удается читать только на французском языке...

Я прошу Рицоса рассказать о его поездке в СССР. Он оживляется:

— Прогресс в вашей стране так велик, что все прочитанное мной до поездки кажется написанным полвека назад... После возвращения депутатов греческого парламента из СССР каждая газета стремится опубликовать интервью с кем-либо из них. И тираж сразу повышается...

Рицос уже опубликовал в газетах двадцать четыре большие корреспонденции об СССР.

— Мне нужно еще столько рассказать!—живо говорит он. — Есть, разумеется, и такое, за что можно критиковать вас... Но даже наши «правые» вынуждены признать успехи Советского Союза... Очень много откликов на мои статьи... Вот, например: «Я плакал, как ребенок». А то просто: «Я вас целую». Или: «Если СССР таков, как Вы пишете, я преклоняюсь перед ним».

— Кое-кому не нравится сближение наших народов, — сказал я. — Не доставят ли вам очерки об СССР неприятности?

Рицос задумчиво посмотрел на кончики своих длинных, тонких пальцев. Потом усмехнулся.

— Возможно... Но у меня все равно репутация прогрессивного... А у нас есть поговорка: «Люди гор не боятся снега».

При свете вечерних ламп

Нам давно хотелось посмотреть, как развлекаются жители Афин. Знакомые посоветовали:

— Поезжайте в какую-нибудь таверну, где показывают «программу»... Или побывайте на празднике вина.

Таверна «Золотая подкова», куда мы по неопытности приехали ранним вечером, оказалась обыкновенным летним ресторанчиком. Между деревьями обнесенные глухой каменной стеной стояли два — три десятка столиков, темнела еще пустая раковина для оркестра, журчали подсвеченные разноцветными лампионами фонтанчики.

Лишь к полуночи, когда таверна стала заполняться изысканно одетой публикой, мы догадались, что посетители здесь постоянные, приезжающие целыми семьями на собственных автомобилях.

В «программе» были выступления балетной пары, маленького джаз-оркестра, певца и трех певиц. Говоря по совести, мы все время испытывали чувство огорчения, что слушаем очень хороших актеров в такой оскорбительной для них обстановке и что репертуар их состоит исключительно из модных джазовых песенок. Но это, по-видимому, вполне устраивало завсегдатаев таверны, — то были преимущественно лысые или начинающие лысеть мужчины и молодые или молодящиеся женщины в модных вечерних платьях, сверкающих драгоценностями. Они принимали все, что происходило на эстраде, с таким же барским равнодушием, как и порцию шашлыка или бутылку мастики, поданную бойким официантом.

Неизмеримо приятнее было смотреть, как веселятся афиняне на празднике вина в Дафни, по соседству со знаменитым храмом XI века.

В разгаре была уборка винограда; по всем дорогам брели к давильням мулы, катили арбы, повозки, грузовики с ящиками и корзинами, наполненными виноградными гроздьями.

Праздник посвящался вину. Есть в этом что-то от древних обычаев виноделов Эллады, уходящих в самую глубь веков — к прославлению бога виноделия Диониса. Устроитель празднества — греческий туристический клуб — выразил эту идею в обещании «дать радость всем, кто посетит праздник вина».

С островов Крит и Родос, из Аттики и Волоса в Дафни доставляют огромные бочки с вином. Каждый желающий, уплатив пятнадцать драхм за вход, имеет право отведать любой из тридцати пяти сортов, затем наполнить графин тем вином, которое пришлось ему по вкусу.

Театр теней Карагези вызывал оглушительный одобрительный свист и хохот зрителей, — в маленьких пьесах едко высмеивались англичане и американцы. Потом выступала группа танцоров — стройные девушки в черных платьях, расшитых алой строчкой, в головных уборах, напоминающих шлемы римских легионеров, юноши в блузах с широкими рукавами, в черных жилетах и шапочках.

Несколькими днями позже мы побывали в пирейской таверне для рабочего люда. Мы глядели на простые, добродушные лица грузчиков и рыбаков, табачников и мукомолов, завернувших сюда, чтобы выпить с приятелями стаканчик вина или пива. Под мелодичные звуки старинного инструмента бузуки старательно выделывал коленца пожилой рабочий. Это была яркая, самобытная музыка. К сожалению, ею пренебрегают в широко распространенном в Греции эстрадном искусстве, где преобладает ультрамодная фокстротная дешевка.

Афинский союз композиторов насчитывает около семидесяти человек. Имена композиторов М. Каломириса, А. Незеритиса, М. Варвоглиса, А. Ксеноса и других очень популярны. Государственный симфонический оркестр активно пропагандирует классическую и лучшую современную музыку; на его концерты, где исполняются произведения Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Шостаковича, не всегда можно приобрести билет.

Советский скрипач Леонид Коган дал в Афинах только один концерт, но покорил сердца всех любителей музыки, переполнивших огромный театр Ирода Аттика. Газета «Вима» на следующий день так отзывалась о концерте Когана:

«Только лавровый венок был бы достойной наградой за его неоценимый вклад в искусство».

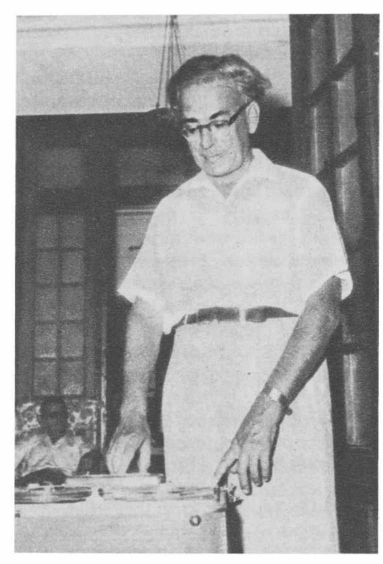
Нетрудно понять, какое чувство мы испытывали, когда несколько тысяч афинян в течение получаса стоя рукоплескали талантливому советскому скрипачу.

Среди тех, кто искренне и крепко жал ему руки, был известный греческий композитор Андреас Незеритис. Он давно ожидал случая встретиться с советскими музыкантами. Незеритис пригласил всех нас — Леонида Когана, композитора Вано Мурадели, представителей советского посольства и журнала «Огонек» — к себе в гости.

Дверь открыл сам хозяин (семья его летом живет на одном из островов). Кряжистый и, несмотря на преклонный возраст, очень подвижной и энергичный, Незеритис, видимо, и минуты не умеет обходиться без какого-нибудь дела. Он тут же принялся с истинно мужской неопытностью расставлять на столе тарелочки с пирожками и фисташками, водрузив в центре большое блюдо с фруктами.

На празднике вина в Дафни.

Композитор А. Незеритис.

На улице стояла нестерпимая жара, а в крохотных комнатках со спущенными на окнах жалюзи было прохладно.

— Я слушал в Москве ваш концерт, — сказал хозяину Вано Мурадели.

Незеритис взглянул на него с острым блеском в глазах. Не кончив наполнять рюмочки вермутом, он стремительно направился в свой рабочий кабинет и вернулся с большой афишей. В ней извещалось об исполнении симфоническим оркестром в Колонном зале Дома союзов «Балетной сюиты» Андреаса Незеритиса. Афиша была датирована октябрем 1955 года.

— Мне прислали из Москвы полную запись концерта на магнитофонной ленте, — сказал Незеритис, бережно складывая афишу.

Мы прослушали его «Балетную сюиту» в исполнении московского оркестра, которым дирижировал Н. Аносов. Незеритис, ревниво наблюдавший за нами, поставил еще одну ленту и снова включил магнитофон.

— Это моя оратория, — пояснил он. — За границей исполнялась, а здесь еще нет...

Этот интересный разговор о музыке с человеком, который отдает ей все силы и пытливо ищет для нее верных путей, произвел на нас глубокое впечатление.

— Откровенно скажу вам, — воскликнул Незеритис, когда разговор зашел о разных путях развития музыкальной культуры, — такие композиторы, как Шостакович, Кабалевский, Хачатурян, создают настоящую музыку!.. Формализм Запада меня отталкивает.

Выражение лица старого композитора менялось каждую минуту, морщинистые щеки его пылали. В его стране, о которой во всех учебниках мира говорится, что это колыбель европейской культуры, более половины композиторов не может сейчас найти работу. Некоторые перебиваются кое-как, рассчитывая лишь на заказы частных эстрадных оркестров и торговых компаний; музыка, рекламирующая по радио товары или развлекающая ресторанную публику, с настоящим искусством имеет мало общего, но за нее хоть платят.

Прощаясь с милым и гостеприимным хозяином, мы желаем ему успехов в творчестве.

На афинской сцене

Туристам, осматривающим афинский Акрополь, гиды показывают античные театры — Диониса и Ирода Аттика. Руины их находятся возле Акрополя, на склонах холма.

Днем, при ярком солнечном освещении, оба сооружения угнетают музейной безжизненностью. Все здесь наводит на мысль о страшной отдаленности от наших дней древнегреческого театра.

В Эпидавре, куда мы съездили, чтобы взглянуть на один из самых больших античных театров Эллады, видишь еще раз, с какой любовью относились в древних Афинах к театру. «Эпидавр», вмещающий восемнадцать тысяч зрителей, расположен, как и все древние театры Эллады, у подножия высоких живописных холмов, под открытым небом. И сейчас дивишься совершенству его архитектурных форм и чудеснейшей акустике: шелест бумаги в одном конце явственно слышен во всех уголках колоссального театра.

Время от времени сюда, в Эпидавр, съезжаются на фестивали древнегреческих трагедий десятки тысяч зрителей из Афин, Коринфа и других городов. Прогрессивные деятели современного греческого театра с увлечением возрождают античный театр. В афинском «Одеоне», построенном Иродом Аттиком более полутора тысяч лет назад, идут произведения великих классиков древности — Софокла, Еврипида, Эсхила, Аристофана.

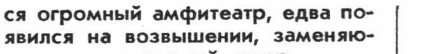
Испытываешь вполне понятное волнение, собираясь посмотреть спектакль, премьера которого, выражаясь современным языком, состоялась двадцать три столетия назад. И посмотреть не где-нибудь, а у акропольских холмов, видавших и моления, и песни в честь Диониса, и пляски под звуки свирелей и тимпанов.

Необычайно празднично и эффектно выглядит «Одеон» вечером. Полуразрушенные стены, словно выписанные рукой искусного декоратора на фоне темного акропольского холма, с огромными, озаренными изнутри окнами; нарядные толпы афинян у входа; ярко освещенные прожекторами Пропилеи и Парфенон — все кажется поистине сказочным. С трудом удалось разыскать место для нашей «Победы». Площадь перед «Одеоном» и все прилегающие к ней переулочки были заставлены машинами.

Вздрагиваем от неожиданной вспышки блиц-аппарата. Молодой человек с черными усиками, в предельно узеньких брючках и пиджачке сверхмодного покроя, с улыбкой протягивает нам картонный билетик. «Вы сфотографированы в оригинальной позе», — читаем мы. Далее следовал адрес, по которому можно за столько-то драхм выкупить фотоснимок.

Театр переполнен. Где-то далеко вверху, за легкой изгородью, окаймляющей амфитеатр, виднеются в полумраке зрители, у которых, видимо, не было двадцати драхм на билет.

Действие продолжается два с лишним часа без антрактов. Можно курить, но соседи неприязненно косятся, как только чиркнешь спичкой. Перешептывание—и вовсе кощунство. Нет, никогда нам не доводилось раньше ощущать такой тишины, в какую погрузил-

ся огромный амфитеатр, едва появился на возвышении, заменяющем сцену, первый актер.

Оркестр скрыт от зрителей, и музыка доносится словно из-под земли... Древние фиванцы с посохами... Разгневанный неповиновением дочери Эдипа, Антигоны, царь Фив Креонт... Женственная и в то же время отважная Антигона...

Какие чувства, казалось бы, могут вызвать у зрителя XX века страдания Антигоны, стремящейся предать земле тело своего брата Полиника? Но на лице девушки, сидящей рядом, я замечаю слезинки. Вижу, как пожилой мужчина смотрит на стражей, ведущих Антигону на казнь, потемневшими, немигающими глазами. Да и мы захвачены тем, что происходит на сцене...

В сентябре прошлого года в Афины приехал американский балет. Видимо, не очень веря в рентабельность этих гастролей, фирма, пригласившая артистов из-за океана, рекламировала их довольно своеобразно. На огромном красочном щите мы прочитали:

«Театральное и кинематографическое общество Критоса, которое с блестящим успехом провело гастроли русского ансамбля «Березка», в ближайшее время приглашает американский балетный ансамбль».

Невинный прием предприимчивого импрессарио раскрывался просто. Русский балет покорил всех греков. Ансамбль «Березка» был приглашен в Афины на восемь концертов, а дал двадцать шесть.

Мы побывали в американском балете. Хорошие танцовщицы и превосходные танцоры. Но было неловко смотреть на талантливую прима-балерину, когда она, выполняя замысел постановщика, долго носилась по сцене в окровавленной одежде, с топором в руках, раскалывая черепа своим родственникам.

Кое-кому из сидевших в зале театра «Рекс», где выступали американцы, это понравилось, и они аплодировали. Большинство зрителей сидели, потупив глаза.

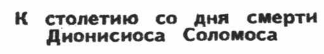
Нас интересовало, какое впечатление произвел американский балет не на снобов, а на большинство афинян.

— Это не «Березка», — лаконично ответил нам один из знакомых греков. — То было настоящее искусство...

Встречаясь с греческими деятелями культуры — писателями, композиторами, артистами, — мы все больше убеждались в том, что среди греческой интеллигенции много пытливых, честных, ищущих людей, подлинных и страстных патриотов своей страны. Они полны раздумий о судьбах многовековой, рожденной народом греческой культуры.

Греция переживает сложное время. Безработица лишает многих актеров, писателей, учителей, врачей, агрономов возможности работать в полную меру своих сил, знаний, способностей. У страны немало острых, неотложных нужд. Как участница НАТО, она львиную долю бюджета тратит на военные нужды.

Прогрессивная греческая интеллигенция стремится сделать все, чтобы и в этих нелегких условиях сохранить огромное и бесценное богатство своего талантливого народа — его великое национальное искусство.

К столетию со дня смерти Дионисиоса Соломоса

ПОЭТ ГРЕЦИИ

Май 1823 года. Остров Закинф. На одном из холмов среди весенней зелени стоит, задумавшись, молодой человек лет двадцати пяти. У него благородное, красивое лицо, высокий лоб, густые вьющиеся волосы. Взгляд его устремлен вдаль. Там, в Месолонгах, сотрясаются горы от грома пушечных залпов.

На древней, легендарной земле, прославленной героями Марафона и Фермопил, народ, почти безоружный, раздетый, босой, голодный, в едином порыве поднялся на борьбу с могущественной Турецкой империей и разбивает цепи четырехсотлетнего рабства. И молодой поэт Дионисиос Соломос, вслушиваясь в далекий гул битвы, слагает в эти майские дни свой «Гимн Свободе».

Напечатанный в 1825 году в осажденных Месолонгах «Гимн» стал национальным гимном Греции.

Говорят, что Виктор Гюго, прочитав французский перевод гимна, сказал: «Молодая поэзия воспевает молодую Свободу». И действительно, с «Гимна Свободе» начинается новая поэзия греческого народа, вскормленная идеалами национальной свободы, независимости и демократии. С этой точки зрения Соломоса можно назвать греческим Пушкиным.

Дионисиос Соломос родился в 1798 году. Отцом его был аристократ, а матерью — простая женщина из народа.

В Италии Соломос учился, и там он впервые познакомился с деятельностью тайных организаций итальянских патриотов. Вернувшись в 1818 году на родной Закинф, молодой поэт сразу попадает в накаленную атмосферу приближающегося национально-освободительного восстания 1821 года, вступает в тайное революционное общество «Филике Гетерия», готовившее восстание. Революция, Свобода, Греция становятся его музами.

И его стихотворение на смерть Байрона, и стихотворение, посвященное герою восстания Маркосу Боцарису, и бессмертные стихи «Разрушение острова Псарры», многие его поэтические и прозаические произведения — это пламенные гимны родине, народу Греции.

Вершина поэзии Соломоса — «Свободные осажденные». Эту вдохновенную поэтическую композицию он начал в 1826 году и работал над ней до самой смерти, так и оставив ее незавершенной.

После освобождения Греции стихотворения Соломоса стали народными песнями.

...В день смерти Соломоса жители острова Корфу, крестьяне окрестных деревень, городской люд, оставив работу, в глубокой печали собрались возле дома своего большого друга, национального поэта Греции.

25 марта 1821 года греческий народ поднялся против турецкого владычества. День 25 марта стал в Греции Днем национальной независимости. Вспоминая борцов за свободу, греческий народ в эти дни чтит память своих лучших сынов. Среди них великий поэт Дионисиос Соломос.

С. ЯННАКОПУЛОС

Дионисиос СОЛОМОС

РАЗРУШЕНИЕ ОСТРОВА ПСАРРЫ

По горам твоим, черным от дыма,
только слава шагает незримо,
на героев глядит легендарных...
И венок на высоком челе —
из немногой травы, что осталась
на пустынной, сожженной земле...

Перевод К. Карвониди.

А. К. Саврасов (1830—1897). ПРОСЕЛОК. 1873 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Крачковский (1854—1914). ВЕСНА В КРЫМУ. 1902 год.

Государственный Русский музей.

Листья падают

Г. ГРИШИН, А. НОРМЕТ

Человек без документов

Сколько Ионас ни пытался перебраться на остров Муху, как ни уговаривал рыбака Альфреда, имевшего собственную лодку, помочь ему, — все попытки оказались тщетными. Он снова побрел в лес, все дальше и дальше от побережья, от родного острова. За каждым кустом ему мерещились чьи-то пристальные глаза.

Уже прошел месяц с той ночи, когда они втроем высадились на берег Эстонии. Оставалось три дня до контрольной встречи на Балтийском вокзале в Таллине... Ионас сошел с поезда, не доезжая Таллина, на станции Саку, и двинулся в город лесом. Когда ему повстречались трое людей, шедших прямо на него, он бросился на землю и притаился. Быстро сунул в рот ампулу с синильной кислотой. Ампула перекатывалась во рту. «Сейчас, когда подойдут, стиснуть зубы, и все». Люди прошли мимо, а Ионас еще долго лежал, слыша, как бешено колотится сердце. Потом он встал, выплюнул ампулу и раздавил ее каблуком. Рука потрогала карман: обручальные кольца на месте. «Пусть шведы сами травятся, — подумал он. — Почему я должен умирать?»

...В Таллине с утра ярко светило солнце. До встречи на Балтийском вокзале оставалось еще время, и Ионас решил побродить по улицам.

Страшно было от сознания, что вот-вот задержат, но еще страшнее думать о том, чтобы идти с повинной. Он посмотрел на окна дома, где помещалось отделение милиции... Так захотелось походить еще немного по городу, будто никогда уже не представится такая возможность!..

В сквере он устало опустился на низкую длинную скамейку. Грело солнце. На скамье напротив человек читал газету. «Этот, — мелькнуло в сознании. — Он только делает вид, что читает». Ионас быстро вышел из скверика.

Из дальнего угла полупустого зала кинотеатра он с любопытством рассматривал мелькавшие на экране комбайны, мартены. Когда стали показывать деревенскую свадьбу — жених под веселые возгласы целовался с невестой, — Ионас не выдержал и стал пробираться к выходу.

Возле кино человек лет пятидесяти попросил у него прикурить. «Этот! Сейчас поведут». Заметив, как дрожат руки у Ионаса, человек усмехнулся... «Пьешь много», — и пошел своей дорогой. «Пронесло! — перевел дыхание Ионас. — Надолго ли?»

«Улица Металли, дом 11, квартира 5, — сказала жена Василия, когда Ионас уходил с хутора Ласма. — Там живут старики Куйвиыги, скажи им только, что ты с Муху, они тебя примут».

Столяр Куйвиыги жил в пригороде Таллина. В маленькой квартирке было чисто и уютно. На стенах висели фотографии родственников, резные полочки, сделанные трудолюбивыми руками хозяина дома; на окне в стеклянной банке плавал в коричневой воде гриб.

Старая Мария возилась у плиты, гремя кастрюлями. Скоро должен был вернуться с работы муж.

В дверь постучали. Вошел незнакомый человек, растерянно глянул на себя в висевшее на стене зеркало, выскочил назад. Испуганная Мария вышла на лестницу. Она столкнулась с незнакомцем, который снова входил в кухоньку...

Не торопясь, поднимался по лестнице Петр Куйвиыги. Войдя в комнату и оглядев незнакомца, он остановил вопросительный взгляд на жене, разговаривавшей с пришельцем.

— Вот земляк с Муху, от Алиде, жены Василия, — сказала Мария.

— Что ж, хорошо. А почему гость не раздевается?

— Нет, спасибо. Я спешу, — пробормотал Ионас. «А куда мне спешить?» — подумал он про себя.

— Остались бы поужинать...

Ионас шагнул к двери, открыл ее и выглянул на лестницу. За дверью никого не было.

— Я хочу оставить у вас вот это. — Ионас положил на кухонный столик пакет и развернул его.

Старики увидели шесть наручных часов, две пятидесятирублевые бумажки, два обручальных кольца.

— Откуда вы? Куда идете?

— Не спрашивайте.

— А зачем вы нам это оставляете?

Ионас секунду подумал.

— Мне все равно это не нужно, — сказал он и исчез за дверью.

Ошеломленные старики не успели как следует разглядеть оставленное незнакомцем, как Ионас опять вбежал в комнату. Отстегнув ремешок своих часов, он бросил их на стол:

— И эти тоже! На черта они мне!

Старики у стола глядели друг на друга в полном недоумении...

Ионас долго стоял на площади, метрах в двухстах от здания вокзала, не решаясь появиться на условленном месте встречи. Потом повернулся и медленно пошел в сторону. «Мне нельзя к ним, — вяло работала мысль. — За мной слежка. Я их провалю».

Безумно захотелось побыть еще в городе. Пойти на Ратушную площадь, где такие же бесцеремонные, как в Стокгольме, голуби разгуливают под ногами у прохожих. Он поднялся к Тоомпеа[1], мимо земляной насыпи. На узенькой улочке смешался с толпой прохожих.

Впереди шла женщина. Из сумки, которую она несла, выглядывал резиновый зеленый крокодил. Шагавший рядом мужчина нес торт. «Вот они сейчас придут домой. Жена накроет на стол. Он пропустит рюмочку, потом будет спокойно сидеть в ночных туфлях у телевизора». Ионас почувствовал, как сильно проголодался и продрог. «Почему этому человеку можно сидеть у себя дома в тепле, а он, Ионас, должен, как собака, бродить по мокрым улицам? Почему?!»

Он подошел к уличному ларьку. Стопка водки обожгла, как огнем. Закусил бутербродом. Сыр был засохший, с завернувшимися кверху краями. Не доев, побрел дальше по темной улице. «Какое днем было чудесное солнышко... Вон идет впереди этот пьяненький... Ему нечего бояться, если даже его заберут в милицию».

Проходя по бульвару, Ионас резко обернулся. Его словно ударил электрический ток: следом за ним шла овчарка. Она что-то вынюхивала на земле, туго натянув поводок; шагавший рядом мужчина еле поспевал за ней. «Этот, — подумал Ионас. — Этот. Теперь уж наверняка...»

Он втянул голову в плечи и ждал. Казалось, нет в мире силы, которая заставила бы его обернуться снова. И все-таки он обернулся: собака, окончив свои дела возле дерева, к которому она тянула хозяина, двинулась обратно... Ионас почувствовал, как к спине липнет рубашка.

«Не могу больше, — решил он. — Черт с ними со всеми!»

Быстро миновав железнодорожный переезд, он очутился на улице Вана Каламая.

Милиционер Яска обратил внимание на человека, который стоял словно загипнотизированный и, не отрываясь, глядел в окно отделения милиции. Он подошел к незнакомцу.

— Документики ваши разрешите? — попросил Яска.

— Нету у меня документов. Нету! — закричал на него незнакомец. — Идите вы к чертовой матери! Для вас самое главное — документы. А у меня их нет! Они были, но плохие, липовые, шведские, я их сжег. Понятно?!

Через несколько минут старшина докладывал дежурному:

— Приметы задержанного схожи с теми, которые нам раздавали, товарищ дежурный. А документов нету. Говорит: шведские были, да пожег...

А потом Ионаса привели в кабинет сотрудника Эстонского комитета госбезопасности. Тот молча глянул на него.

— Вот я и пришел, — проговорил с трудом Ионас.

Сотрудник все молчал и, как показалось Ионасу, улыбался. Потом спокойно сказал:

— А мы вас еще вчера ждали!

...В кабинете Осетрова шло оперативное совещание. На этот раз его проводил генерал Олегов, приехавший несколько дней назад из Москвы.

Докладывал начальник следственного отдела:

— Иоган Мальтис показал, что 17 октября на эстонский берег высадились трое: он, Харри Вимм и третий шпион по кличке «Сузи». Наблюдение за Мальтисом, которое мы вели после того, как он побывал на хуторе Янсена, ничего не дало. Как выяснилось из его показания, он должен был идти на контрольную встречу, но не пошел. Поэтому Сузи, который, видимо, ждал на Балтийском вокзале и не встретил там своих друзей, предположил, что они провалились, и поспешил замести следы.

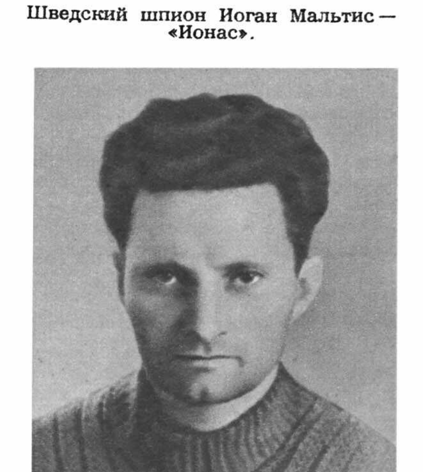
— Товарищ Хейнасте, — обратился Олегов к майору, сидевшему рядом с докладчиком, — что дало наблюдение за явками, о которых сообщил Мальтис?

— Пока ничего, ни на одну из них Сузи не появлялся.

— Никаких других адресов, на которые мог бы явиться Сузи, Мальтис не знает, — продолжал начальник следственного отдела. — Единственно, что ему известно: Сузи должен работать где-то в районе Таллина. Ожидать его на явках, о которых сообщил Мальтис, бесполезно. «Вилли», он же Харри Вимм, находится в госпитале. Врачи сообщают, что шпион останется в живых, но еще некоторое время для него потребуется полный покой и пока допрос невозможен. Государственный преступник Лиллелехт, с которым установил связь Вимм, захвачен, но о Сузи он ничего не знает.

— Так, понятно. А каковы ре-

Шведский шпион Иоган Мальтис — «Ионас».

См. «Огонек» №№ 12 и 13.

[1] Вышгород в Таллине, где расположен старинный замок.

Рация Иогана Мальтиса.

зультаты вскрытия тайников? — спросил генерал.

— Ничего полезного в этом отношении. Взяты две рации и обычное шпионское снаряжение плюс несколько десятков часов. Как известно, советских денежных знаков у шпионов не хватает. Их снабжают часами, которые они потом продают. Тайник, принадлежавший Сузи, оказался пустым. Шпион заблаговременно перенес рацию и снаряжение в другое место, Мальтису оно неизвестно. Собаки след не берут: слишком старый и посыпан специальным порошком.

— Итак, подведем итоги, — начал генерал Олегов. — На территории Эстонии действует агент шведской разведки, снабженный рацией. Причем, как видно из показаний Мальтиса, Сузи был главой группы и, возможно, имел дополнительные задания, неизвестные двум другим шпионам. Сейчас очень многое зависит от показаний Вимма. Во всяком случае, надо продолжать поиски — у нас для этого есть словесный портрет — и не снимать радионаблюдения. Учтите, товарищи, шпион, лишенный явок, обязательно будет искать людей, базу для себя...

В конце совещания Олегов обратился к Виллеру:

— Мне поручено, товарищ капитан, объявить вам благодарность руководства Комитета государственной безопасности Союза ССР за успешное выполнение специального задания по ликвидации банды Саалисте.

— Служу Советскому Союзу! — прозвучал ответ Виллера.

Обращаясь к Осетрову, генерал продолжал:

— Подготовьте ваши предложения о поощрении других участников операции. Не забудьте Салусоо.

Пансион в штате Виргиния

Жаркое африканское солнце так нагрело палубу, что казалось, ходишь по сковороде. Портовые краны двигались как бы нехотя, еле-еле. Крановщик, занятый разгрузкой шведского парохода, не торопился: в Касабланке не принято спешить. Вон один на пароходе поспешил, свалился в трюм, и сейчас его волокут к санитарной машине.

— Как он будет после больницы домой добираться? — крикнул крановщик стоявшему на палубе шведскому матросу.

— Да бог с ним, — ответил равнодушно матрос, — ведь это эстонец!..

По выходе из больницы эстонец Кукк встретил другого эстонца, которого звали Алекс. Впрочем, это была только кличка. Алекс уговорил Кукка бросить службу во флоте. Он рекомендовал ему нечто другое.

Через несколько дней американский разведчик Джон встречал на перроне мюнхенского вокзала «человека от Алекса». У приезжего должен был быть в правой руке портфель, в левой — журнал «Зее». Это все, что знал о нем Джон.

Конспиративная квартира на Кайзельгаст, 42. Джон знакомит Кукка еще с двумя американцами.

Кварцы для настройки рации, находившиеся у Кукка и Тоомлы.

— Премия — семь тысяч долларов. Задание на четыре — пять месяцев! Вопросы есть?

— Есть... У меня дочь в Стокгольме, — сказал Кукк.

— Обеспечим. Находясь на задании, вы будете получать триста пятьдесят долларов в месяц. Да еще командировочные — пять долларов пятнадцать центов в сутки. А пока...

Кукк лежит на диване. От него, как от подопытной собаки в лаборатории ученого, идут провода к четырем приборам. Пневмограф фиксирует изменение дыхания, сфигманометр показывает давление крови, кардиограф регистрирует работу сердца, электротермометр измеряет количество выделяемого пота. Правая рука, выше локтя, обмотана резиновым жгутом. На груди резиновая трубка, как у противогаза. К смоченной раствором соли ладони правой руки прикреплена пористая резиновая подушка.

В большом ящике, похожем на американскую походную радиостанцию, вращается валик с широкой бумажной лентой. Стеклянные капиллярные трубки наполнены красными чернилами. Если он, Кукк, что-либо соврет, на красной линии появится резкий излом — так объяснили ему. Провода идут от Кукка к ящику. В резиновый жгут на правой руке человек в белом халате накачал воздух.

— Отвечать только «да» или «нет»! — говорит он.

Первая серия из десяти вопросов:

— Вы родились в двадцать третьем году? Были добровольцем немецкой армии? Расстреливали русских партизан?..

С шипением вышел из жгута воздух. Еще серия вопросов. Опять накачали воздух. Человек в белом халате, стоящий сзади, спрашивает быстро, почти глотая слова:

— Вы работаете на русскую разведку? У вас одна дочь? Есть ли у вас автомобиль?.. — Он начинает кричать, вопросы сыплются, как пулеметная очередь.

Кукку дают блокнот. «Доктор» просит записать любую цифру от одного до двенадцати.

— Если я вам и назову задуманную вами цифру, все равно говорите «нет». — «Доктор» считает: — Раз, два, три... Вы задумали шесть! — кричит он.

— Нет, — тихим голосом отвечает Кукк. — Три.

— Не может быть. — «Доктор» смотрит в блокнот. — Уж такой-то трюк «лай детектор»[1] проделывает безошибочно...

Незаметно улыбается офицер американской разведки, сопровождающий Кукка. «Доктор» растерян. Он еще и еще раз повторяет прием с цифрами. Опять осечка.

— Может быть, мы это прекратим? — говорит офицер. — Уголовников, очевидно, вы иногда ловите, но это разведчик все-таки.

— Вы сегодня пили? — спрашивает «доктор».

— Сегодня нет. Вчера, — отвечает Кукк.

— Я же просил, — выходит из себя «доктор», — не присылайте мне пьяных, людей с похмелья, алкоголиков, морфинистов и психопатов! Эта машина не для них!..

Кукк на приеме у другого «доктора». Здесь выясняются при помощи серии других вопросов быстрота и точность его реакций.

— Что вы сделаете, если во время сеанса в зале кинотеатра начнется пожар? Как поступите, если встретите свою мать? Стесняетесь ли вы в присутствии женщины? Что бы вы сделали, если бы ваш начальник стал вашим подчиненным? Относились бы к нему хуже, чем к другим подчиненным?

Кукк этого не знает. Он еще не знает, кто его новый начальник. Он еще так мало знаком с этими американцами!

В течение двадцати минут он пишет все о себе. Как ему приказано, бичует все свои недостатки. Не успевает он кончить, как в другом кабинете ему показывают картинки.

Один за другим перед Кукком мелькают на кусках картона намалеванные сюжеты.

Крестьянин без рубашки пашет поле. Рядом жена, она смотрит на его работу. Неподалеку — девочка, дочь.

В мрачной комнате над кроватью бледного юноши странник распростер руки.

Полуголые мужчина и женщина.

Пожилая женщина, с седыми волосами и сморщенными руками, прижимает к своей груди юношу.

Кукк должен сказать, что изображено на картинке, что могло произойти до этого и что произойдет после.

От вчерашней выпивки трещит голова. Картинки и цифры смешались в кашу.

Проходит несколько дней...

Кукк уже в Штатах. В Нью-Йорке его встречает Бек Дейль. В Вашингтоне — Поулсон. Вместе с другим завербованным он поселяется в отеле «Гамильтон». Из окна они видят кусок улицы.

Машина мчится по шоссе. На рекламных щитах мелькают автомобильные шины, сосиски, бутылки кока-кола. Хочется пить.

— Может, остановимся, выпьем воды?

— Потом, потом. Скоро приедем!

Штат Северная Каролина. Военный лагерь десантных войск — «Футбрейк». Стоп!

Кукк и его новый приятель Тоомла выходят. Вокруг лагеря низенькие сосны. Хочется погулять в лесу.

— Потом, потом.

На пробных прыжках с вышки холодеют ноги, останавливается дыхание. Новичков обучает один из лучших парашютистов Америки, Тоом. Двенадцать прыжков с вышки. Довольно! Теперь с самолета... Дни бегут. Еще десять прыжков с самолета.

— Хватит. Для спортсмена-парашютиста, конечно, плохо. Для шпиона сойдет!

Снова Вашингтон. Город шумит где-то там, за окнами отеля «Гамильтон».

— Погулять, посмотреть?

— Потом, потом.

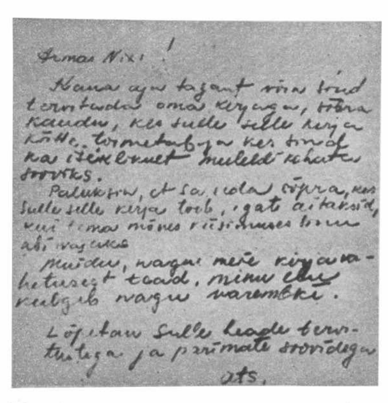
Сорок километров от Вашингтона. Штат Мэриленд. Школа разведчиков в трех километрах от местечка Поулс-Вилл. Спокойный сельский пейзаж. Домик двухэтажный. На первом этаже кухня, столовая, комната для отдыха. Здесь же комнатка, в которой живет негритянка Айли, работающая поваром. По вечерам играет на губной гармошке ее муж, дворник Логен, — разумеется, тоже негр. Второй этаж: две спальни, комната для инструкторов, учебный класс. За домом теннисный корт, волейбольная площадка. Здесь, в классах, приемники, передатчики, блокноты с шифрами и кодами. Калью Кукк, отныне «Карл», и Ханц Тоомла — «Артур» — постигают курс шпионских наук.

Штат Виргиния. Кукк и Тоомла невдалеке от поселка Файфакс, на вилле американской разведки. Дом стоит среди старых деревьев, которые видны из окна. Выйти нельзя: их круглосуточно охраняют. Прохаживается взад-вперед высокий курчавый шатен, лейтенант американской армии Берн.

Его сменяет Джорджи; он родом из Белоруссии, сын генерала царской армии, теперь офицер военно-морских сил; преподает Кукку и Тоомле стрельбу. Караулит их и Дейль — немец, штурман военно-морских сил США. Кроме преподавания подрывного дела, Дейль занимается еще и хозяйственной частью. Это высокий и очень плотный брюнет весом в сто десять килограммов.

Часто на черном «форде» приезжает Пауль Поулсон. Тоже высокий и тоже плотный, но блондин с редеющими волосами. Потрагивая кончики усов, растущих под загнутым носом-крючком, он расспрашивает об успехах «учеников». Не выпуская изо рта сигареты, подробно расспрашивает о каждом воспитаннике «пансиона». Он платит доллары. Он будет платить и впредь, когда они окажутся на территории СССР. Пять долларов в день командировочных.

Через два месяца — снова лагерь «Футбрейк». Занятия: топография, хождение по азимуту, подрывное дело, шлифовка рабо-

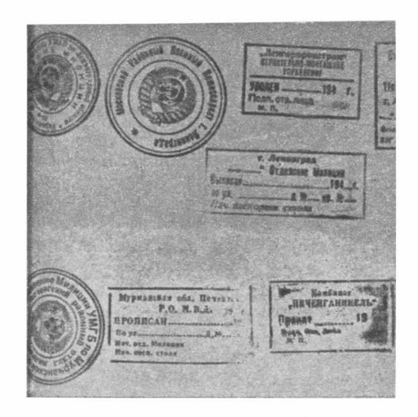
Armas Nixi!

[illegible]

ots.

Парольное письмо, которое написал Аркадий Вальдин к шпиону Никси. С помощью этого письма Тоомла должен был установить с Никси связь.

[1] Детектор лжи.

Фальшивые печати советских учреждений, изъятые у шпионов Кукка и Тоомлы.

ты на передатчике, вождение автомобиля. Лекции «профессоров»: экономика Эстонии, методы работы советской контрразведки. Четыре часа в день — радиодело. Каждый день Кукк и Тоомла занимаются по десять часов.

Предписано вести себя скромно, не шляться по ресторанам, не путаться с женщинами, не сорить деньгами. А главное — не вести никаких записей.

Развлечения? Пожалуйста! Фильмы о работе английской разведки во Франции и Испании в период войны.

Однажды привезли легенды [1]. Они были напечатаны на тридцати страницах каждая.

Кукк вживался в образ Ильмара Талуотса, на имя которого для него уже были выписаны советские документы. Он сын безземельного крестьянина из Тахкуранны.

— В сорок первом году отступал с частями Советской Армии до Ленинграда, — монотонно бубнит Кукк.

— Не Советской, а Красной Армии, — поправляет его Тоомла.

— Работал на заводе в Челябинске, потом Казань, опять фронт, ранен в плечо, — продолжает зубрить Кукк. — Отправлен в тыл.

Шрам на плече действительно есть, но рана получена во время службы в немецкой армии.

— Лечился во Владимире. Остался работать в госпитале санитаром. — Кукк на секунду задумывается. — Слушай, Артур, — спрашивает он, — ты никогда не был в Ленинграде?

— Нет.

— А в Казани, во Владимире?

— И в Челябинске тоже не был. Отстань! У меня своих городов полно!

Как же быть?

— В сорок четвертом вернулся на фронт. Воевал под Нарвой, — продолжает Кукк. В комнате только его ровный голос, шорох переворачиваемых страниц.

— Под Нарвой ранен в левую руку.

Шрам есть?.. Есть, только он от ножевой драки в кабаке. Но это неважно...

Бегут дни, похожие один на другой.

— Кирпичный завод в Пушкине... Потом что? Ах, да! Таллинский рыбокомбинат.— Вот и справка на случай задержания; в ней подтверждается, что он находится в отпуске.

Позади еще четыре месяца. Курс учебы закончен. Теперь подробно разъясняется задание. После выброски им следует разыскать засланного шведами агента по кличке «Никси». По заданию шведов Никси должен создать несколько опорных пунктов, которые надо будет использовать в целях расширения разведывательной деятельности. Для связи с Никси есть ряд адресов и паролей, присланных из Швеции. Поулсон передает Кукку нож для разрезания бумаги. Эта вещь некогда принадлежала Никси, он ее сразу узнает.

У Тоомлы в кармане лежит другой пароль к Никси: половинка фотографии с зигзагообразной линией разреза. У Никси есть вторая половинка, которая должна подойти.

«Выпускники» оставляют здесь все свои личные вещи. Кукк отдает серебряный ножичек, браслет с пластинкой, на которой портрет дочери, автоматическую ручку с монограммой «КК».

Тоомла тоже кончил вытряхивать свои карманы. Они еще раз повторяют задания. Поулсон сидит, полузакрыв глаза, и слушает.

— Разведывать дислокацию войск и аэродромов, собирать сведения о новых видах вооружения и оборудовании портов... Подыскивать площадки для возможной выброски американских десантов... Связаться с Никси.

— Имейте в виду, — добавляет Поулсон, — Никси хорошо работает. Он передает много ценного. Посоветуйтесь с ним, как ему удалось устроиться шофером в районном дорожном отделе. Если Никси на базе нет, ищите его через Хамбурга.

— Одну минутку. — Поулсон достает написанное рукою Вальдина письмо к Никси, которого должны разыскать шпионы. Оно в руках у Тоомлы. Кукк заглядывает через плечо и читает: «Любимый Никси! После долгого перерыва приветствую тебя этим письмом через друга, который тебе его передаст и сам пожелает с тобой встретиться. Прошу оказать всемерную помощь другу, который доставит тебе это письмо, если она ему потребуется... Кончаю, с наилучшими пожеланиями к тебе. Атс».

Длинный путь проделало это письмо — от Швеции до Соединенных Штатов — вместе с вещественными паролями для связи с Никси.

Неприятная заминка: надо обусловить сигнал на случай провала... И еще — живыми не сдаваться!

У разведчиков в карманах не только советские документы, но и американские офицерские удостоверения на полет в Западную Германию: в пути может случиться вынужденная посадка.

Возвращение назад только с разрешения центра: Кукк — через Мурманск и советско-норвежскую границу, Тоомла — через Финляндию. Без разрешения центра не покидать территории СССР.

...И вот оба уже в Западной Германии. Все готово. Поулсон, Папп, Дейль со специалистами парашютного дела выехали на учебный военный аэродром в Мюнхене, оттуда предстоит путь во Франкфурт.

Блестит мокрый бетон на Франкфуртском аэродроме. По углам летного поля расставлены самолеты с американскими опознавательными знаками.

Машины подъезжают к четырехмоторному самолету, на нем опознавательных знаков нет. За влезшими в кабину шпионами захлопывается дверь. Ревут моторы. Кукк, желая лишний раз напомнить Поулсону о дочери, изображает в иллюминаторе жестами маленькое дитя. Он показывает пальцем на север и раздельно шевелит губами: «До... чь... Сто... кго... льм».

Поулсон понимающе кивает головой. Кукк отчетливо улавливает, как губы американца произносят слова: «Потом, потом». Но самолет уже рулит на старт.

Прошло шесть часов полета. Кругом черная свинцовая ночь. В огромной темной пустыне неба одинокая двигающаяся точка — самолет. Слабый свет на приборах.

«Приготовиться к прыжку. Мы над Эстонией, в районе Вильянди», — передают шпионам.

Час ночи. Открывается боковая дверь фюзеляжа. Первым прыгает Тоомла, за ним Кукк. Две маленькие точки устремляются вниз, к эстонской земле.

...Быстро закопав свой парашют, Тоомла идет искать Кукка. Он бродит по лесу, отрывисто свистя, пока не слышит сигнала — писк суслика. Вглядывается в кусты, приседает. Суслик пищит совсем рядом, но Тоомла его не видит. Вдруг раздается голос с неба.

— Да здесь я, чего ты приседаешь! — раздраженно говорит Кукк. На верхушках сосен, словно огромный шатер, растянут купол парашюта. На стропах, запутавшись в них, висит Кукк.

«Вот так сосны! — мелькает в голове Тоомлы. — Это не те карлики, что были возле Футбрейка, где мы тренировались...»

— Ну, что стоишь? Помоги, — хрипит сверху Кукк.

Тоомла соображает: забраться на сосну не просто, а облазить все верхушки, освобождая купол парашюта, — это заняло бы целую ночь.

— Дурак! Не можешь обрезать стропы? — говорит он.

— Ножик вывалился. Кинь мне свой!

Тоомла, отстегнув нож, бросает его вверх. Лезвие ножа мелькает возле лица Кукка, он едва успевает уклониться, рукоятка громко ударяется о пластмассовый шлем, надетый на голову шпиона.

— Куда ты кидаешь?! — Кукк задыхается, что-то клокочет у него в горле.

— А ты не ртом лови, а руками!

Тоомла несколько раз кидал нож. Наконец Кукк поймал его и обрезал одну стропу.

— Теперь не перевернись, а то полетишь вниз башкой...

— Знаю без тебя!

Наконец он грохнулся на землю и громко выругался.

— Чего орешь на весь лес!

— Я, кажется, повредил ногу, да и рука что-то болит... Надо бы сделать перевязку.

— Некогда, — шипит Тоомла, — и так почти час возимся.

Снять парашют не было никакой возможности. Шпионы быстро удалялись в сторону от Ауксааре.

Парольная фотография для связи с Никси, выданная шпиону Тоомле американской разведкой.

В поисках Никси

Вот уже пять дней Кукк и Тоомла плутают по лесу. За это время с превеликими трудностями они прошли лишь сорок пять километров. Коварное болото Мырдимараба чуть не засосало их вместе с примусом, на котором они разогревали консервы. Каждый раз тщательно зарывая пустые банки, они тащатся дальше. Наконец добираются до Пярну. Идя по улице, Тоомла ворчит:

— Идиоты! Столько брешут об Эстонии, что сами начали в это верить.

— О чем ты? — спросил Кукк.

— Да ведь нас одели, как оборванцев. В таком виде, того и гляди, угодишь в милицию.

Пришлось экипироваться в магазине, заодно купили два велосипеда. Это позволит им быть маневреннее. Временно спрятав велосипеды, решили перебираться в Таллин. Там через Хамбурга можно будет связаться с Никси. На условленной базе Никси не оказалось.

...Улица Коллане, дом пять. Тоомла прохаживается по тротуару. Кукк что-то застрял в доме. Наконец открывается ветхая, тронутая плесенью дверь, и Кукк выходит.

— Ну как? Все в порядке?

— Не совсем. Никси был у него месяц назад. С тех пор не появлялся.

— Ну, а еще?

— Я дал ему пятнадцать тысяч на машину. Рацию будем питать от автомобильного аккумулятора. Подвижность будет какая!

Поздним вечером Кукк и Тоомла приближались к кладбищу. Перемахнув через ограду, пошли по освещенной луной дорожке. У могил стояли маленькие скамеечки, серебрились иглы еловых веток, тускло поблескивал полированный мрамор надгробий.

— Здесь, что ли? — спросил Кукк.

— Давай здесь. Тут подальше от дороги.

— Эта могилка ничего, с цветами, — сказал Кукк. — Я, пожалуй, тут и лягу...

— Плохо, что под голову ничего нет, — сказал Тоомла.

— А ты возьми вон с той мо-

[1] Описание вымышленной, «второй жизни» разведчика.

Судебное заседание военного трибунала, на котором рассматривалось дело американского шпиона Кукка.

гилы венок да накрой пиджаком. Спи первым, я подежурю.

Тоомла долго ворочался. Где-то вдалеке протяжно выла собака...

— А не продаст ли нас Хамбург? — спросил Тоомла.

— Не бойся, я перед уходом объяснил, что в случае чего советским органам безопасности будет интересно узнать, какими делами он занимался во время оккупации.

Тоомла помолчал.

— Слушай! А расписку ты у него взял? — спросил он вдруг.

— Нет, просто так подарил деньги! Конечно, взял... Спи. Завтра рано уйдем отсюда, в центр надо кое-что передать... Где же может быть этот чертов Никси?..

...Вторую неделю шпионы жили на хуторе матери Тоомлы, Лизы. Сестра Тоомлы, Хельги, сразу же стала им помогать. Принесла для пересъемки телефонную книгу, рассказывала шпионам о всех прибывающих в деревню Кергу, узнала, как переправлять письма за границу. Делать ей все это было несложно: в Кергу она работала почтальоном.

Зато старая Лиза горько переживала новую «профессию» сына. Сначала она поверила, что Ханц с приятелем действительно бежали из лагеря, но уже на второй день она поняла, кто они на самом деле, и потеряла сон и покой. Ее еще раздражала Хельги. Старуха давно заметила, что она ходит с этим Кукком в кусты, что-то прячет в расщелинах старого забора, а потом уследила и кое за чем другим. Последние дни Хельги уже не стеснялась, спала с Кукком в одной кровати. Как-то утром, глядя на отекшее от пьянства лицо Хельги, мать сказала ей:

— Меня ты в грош не ставишь. Но хоть бы брата постеснялась!

— Плевала я на вас всех! — буркнула Хельги. Она поправила на руке ремешок золотых, с черным циферблатом, заграничных часов, подаренных Кукком, и, обдав старуху винным перегаром, вышла из дому.

— За детьми присмотрела бы, потаскуха! — бросила ей вслед мать.

К вечеру явился на хутор муж Хельги — Ноорма. Он вот уже два года, как сбежал от семьи на соседний хутор к какой-то женщине, но раз в две недели считал своим долгом зайти к Тоомле и отдубасить свою бывшую супругу. Вот и сейчас он без долгих слов приступил к делу, но из дверей вышел Кукк.

— А! — закричал Ноорма.— Ты тут любовничка пригрела. Тогда получай еще!

— Перестань! — угрожающе сказал Кукк, загораживая Хельги.

— Пошел вон! Думаешь, я тебя боюсь?! — закричал на Кукка разошедшийся Ноорма.

Он долго еще ругался, уходя с хутора. Кукку и Хельги, присевшим на бревнышке, были слышны все эпитеты, которые отпускал пьяный.

— Успокойся,— говорил Кукк, поглаживая тронутые сединой сальные волосы Хельги. Потом вытер ладонь о брюки и продолжал: — Все наладится. Завтра получишь двести рублей на платье...

Хельги бормотала сквозь слезы:

— Ты один меня понимаешь. Все такие злые, все меня ненавидят! Ты один... Только скоро ли сможем пожениться? — спросила она, заглядывая в глаза Кукка.

— Потом, потом,— отвечал он, вставая.

...Несколькими днями позже в Комитет госбезопасности Эстонской ССР пришло сообщение. Радиопеленгаторные установки в ряде городов засекли радиопередатчик. Пересечение линий пеленга образовало треугольник, расположенный на территории Эстонии. На следующий же день к углам этого треугольника выехали три автомашины с радиопеленгаторными установками. Через две недели они запеленговали выход в эфир радиооператора с тем же «почерком», что и предыдущий. Теперь треугольник сократился — его стороны равнялись нескольким километрам. В северную часть треугольника вторгался густой лесной массив. Выехавшая на место розыскная группа с тремя переносными радиопеленгаторными установками стала наблюдать за районом. Долго шпионы не выходили в эфир.

...Капитан Лукин, вошедший в кабинет полковника Кикаса, застал его читающим бумаги. Капитан остановился у двери, наблюдая за полковником. Немолодой человек внимательно изучал какой-то документ. Капитану показалось, что перед ним школьный учитель, проверяющий тетрадки.

— Ты что? — спросил капитана Кикас, снимая с кончика носа очки.— Садись! Докладывай!

— Возле деревни Ауксааре в лесу на деревьях найден парашют,— начал докладывать капитан. — Нам, кроме того, известно, что самолет с неверной системой опознания нарушил границу и проходил в этом районе.

— Плюс пеленгация,— сказал Кикас.

— Точно, товарищ полковник! Я продумал план поисков.

— Есть и у меня кое-какие предложения на этот счет. Пойдем-ка доложим начальству. Им в Москву надо звонить.

...Ранним утром Кукк и Тоомла ехали на велосипедах по лесной узенькой дорожке. У каждого за поясом было по пистолету, в пиджаке — по второму. За плечами рюкзаки с частями рации. Моросил дождь. Кукк и Тоомла углубились в лес. Велосипеды спрятали в кустах. Полетел на верхушку ели камень, потянувший за собой веревку, к которой была привязана антенна. Теперь надо забросить другой конец на верхушку второй елки. Высота подходящая: десять метров. Тоомла ходил поодаль, всматриваясь в кусты, вслушиваясь, не идет ли кто. Настроили антенну в сторону Франкфурта-на-Майне, там радиооператоры разведывательного центра готовились к приему. Провод заземления лежал на траве параллельно антенне, индикатор светился на полную мощность. Все в порядке. До начала сеанса оставалось две минуты...

Три минуты Кукк передает позывные. Слышимость в центре оказалась хорошая — «на четыре». Можно давать текст. Количество шифрованных групп в телеграмме он сообщил в самом начале передачи. Передал первую часть текста. Это было сообщение о том, что завербована для работы Ноорма Хельги... Кукк прервал передачу, запросил правильность приема...

В это время по лесу двигаются люди. В каждой группе радист. Они слышат работающий передатчик Кукка, вот он здесь, где-то совсем рядом.

— Вашей группе двигаться на север, — диктует Кикас своему радисту.

— Вам принять чуть западнее,— указывает Кикас командиру другой группы.

— Шпион работает уже пять с половиной минут, — замечает радист.

— Товарищ полковник! Автомашины готовы,— докладывает Лукин.

— Хорошо, пока еще рано. Мы поедем навстречу; брать будем тогда, когда кольцо окончательно сомкнется.

...«Никси найти не удалось,— передает Кукк.— На явке он не показывался...»

Быстро стучит ключ в руках Кукка... «Во Франкфурте сейчас радиооператор проверяет по магнитофонной записи мой радиопочерк», — думает он.

— Вашей группе продолжать идти старым направлением,— диктует Кикас.— Возможно, выйдут на вас; старайтесь взять живьем.

«На аэродроме видели девять реактивных истребителей,— выстукивает Кукк.— Дела идут хорошо».

— Возьмите в сторону от аэродрома,— приказывает одной из групп Кикас,— двигайтесь восточнее.

— Товарищ полковник,— докладывает радист, — шпион кончил передачу!

— По машинам! — командует Кикас. — Лукин, садись в мою.

Кукк стаскивает антенну. Он весело насвистывает: Тоомле будет приятно узнать, что их сегодня поблагодарили за работу. Рация сложена. Кукк выводит из кустов велосипед. Подоспевший Тоомла спрашивает, как дела.

— Потом, потом, — говорит Кукк,— дома расскажу, есть кое-что приятное.

Тоомла садится на велосипед и уезжает. Переждав немного, двигается и Кукк, их разделяют каких-нибудь двадцать пять метров. Слышно, как Тоомла бубнит под нос песенку. Ему и в голову не приходит, что одна из оперативных групп, уже заметившая шпиона, передала по радио его приметы. Кроме словесного портрета, сообщены данные об одежде, данные о том, что на куртке не хватает одной пуговицы.

...Навстречу Тоомле движется машина. Рядом с шофером сидит полковник Кикас. Вглядываясь в лесную чащу, он вздыхает.

— Что так тяжело? — спрашивает один из сидящих сзади.

— Тут тетеревов чертова уйма... Хотя ты, Лукин, не охотник, где тебе понять!

— Я сейчас о другом думаю, товарищ полковник.

— А я, ты полагаешь, о тетеревах?.. Стоп! Здесь! — вдруг обрывает беседу Кикас. — Машину замаскируйте в ельнике. Лукин со мной. Остальные в кустах по другую сторону дороги.

— След велосипеда видишь? — спросил Кикас.

— Точно! Тут даже два, — говорит Лукин.

— Наблюдающая группа передала, что двигаются на нас, — шепчет на ухо Кикасу радист.

...Тоомла едет по узенькой лесной дорожке. Вот он уже возле места, где сидят в засаде Кикас и Лукин. Зашевелились кусты.

— Стой! Руки вверх!

Тоомла выхватывает «Кольт». Сейчас он выпустит всю обойму. Стреляет, хочет нажать курок еще раз, но из кустов гремит выстрел Кикаса, и Тоомла валится в придорожную канаву.

Выхвативший пистолет Кукк чувствует, как стальные тиски сдавили запястье. Еще мгновение — и рот Кукка полон жидкой грязи. Он лежит в холодной жиже, на спину давит что-то очень тяжелое. Кукку разрешают подняться. Впереди он видит людей, склонившихся над Тоомлой. Полковник Кикас щупает его пульс.

— Жив. Скорее в машину! — приказывает Кикас. — Лукин! Что с тобой?

Капитан с окровавленным лицом сидит в машине.

— Кажется, ранен, — отвечает он.

...Допрос Кукка шел к концу. Полковник Кикас переспросил:

— Вы показываете, что шли на связь с Никси? А Тоомла?

— Он тоже.

— Кто такой этот Никси?

— Ничего о нем не знаю. Только пароль. Роберт Хамбург должен был связать.

«Новое дело! — думает полковник про себя.—Оказывается, есть еще никому не известный Никси».

Вечером он докладывает об этом Осетрову.

— А может быть, Никси и Сузи — одно и то же лицо, — говорит Осетров.

Продолжение следует.

Нож для разрезания бумаг — вещественный пароль, которым должен был воспользоваться Кукк для связи с Никси.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

Народный артист РСФСР П. П. Гайдебуров.

Исполнилось 80 лет со дня рождения и шестидесятилетие творческой деятельности народного артиста РСФСР Павла Павловича Гайдебурова.

В 1903 году Гайдебуров создает Общедоступный театр, работавший в Петрограде, в Лиговском народном доме, и в 1905 — Передвижной, исколесивший всю Россию. Эти театры, объединенные в 1914 году, просуществовали до 1928 года. О деятельности Общедоступного театра широко и сочувственно писала дооктябрьская «Правда». Творческий труд Гайдебурова заслужил высокую оценку со стороны одного из создателей и руководителей Московского Художественного театра — К. С. Станиславского.

Лучшие постановки Передвижного и Общедоступного театра принадлежали Гайдебурову. Выдающийся мастер сценического перевоплощения, Гайдебуров-актер создал в те годы образы Гамлета и Подколесина, чеховского Иванова, Тартюфа, Кузовкина («Нахлебник»), Хлестакова, Счастливцева («Лес»), Петра из «Власти тьмы»... Каждый из этих образов отмечен печатью художественного своеобразия, демократическими устремлениями Гайдебурова.

Им поставлены значительные по идейному содержанию и художественности спектакли и в других театрах: «Власть тьмы», «Борис Годунов», «Уриэль Акоста», «Вишневый сад», «Нашествие», «Русские люди», «Старик».

Вернувшись в 1940 году к актерской деятельности, Гайдебуров создает замечательные образы Габу в пьесе Мдивани «Люди доброй воли», Уриэля Акосты, Мамлока в пьесе немецкого драматурга Ф. Вольфа и другие. Постановка пьесы М. Горького «Старик» и исполнение в ней главной роли Гайдебуровым были событием в жизни нашего сценического искусства. Он сумел глубоко раскрыть общественный конфликт, лежащий в основе пьесы, создал образ сильного, умного, злобного человека — врага всего передового.

Творческая жизнь Гайдебурова представляет собой замечательный пример для всех работников нашего искусства.

Ю. ЗУБКОВ

„Соперницы"

Спектакль Саратовского драматического театра имени Карла Маркса в Москве

На сцене картины жизни колхоза, правдивые, впечатляющие безыскусственной простотой. Посмотришь на все это со стороны — идет обыденная, будничная жизнь. А давайте подойдем поближе, послушаем разговор колхозников, и судьба каждого человека взволнует вас, заставит многое пережить.

Две девушки-соперницы, Ксения (Г. Лунина) и Тося (Л. Шутова), заняли по праву главное место в спектакле. К сожалению, у автора Е. Бондаревой не очень внятно выписано все, что касается столкновений этих двух звеньевых на работе в бригаде. Сказано только, что звено Ксении трудится лучше, чем звено Тоси. Но зато их личная лирическая тема, раскрытая в пьесе, дала возможность актрисам создать живые образы.

Мы видим на сцене молодых русских женщин с разными характерами, темпераментом, отношением к жизни. Тося и Ксения — совсем юные, наивные девушки и вместе с тем взрослые люди, полные гражданского достоинства строители жизни. На небольшом, весьма ограниченном материале ролей артистки Г. Лунина и Л. Шутова сумели живо показать ласковую, обходительную и в то же время твердую и решительную Ксению и гордую, вспыльчивую, порой даже несправедливую, но отходчивую Тосю.

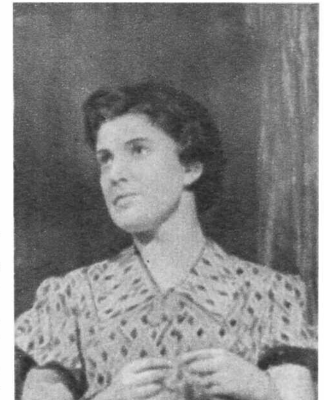
Ксения-Лунина никогда не бывает одна: возле нее всегда подруги. Для каждой она находит теплое слово. Она и пошутит и споет веселую песню.

А Тося-Шутова держится особняком. В звене ее пожилые женщины, у каждой хозяйство, дети, домашние заботы. Трудно с ними работать. Но Тося не просит помощи: она может работать не хуже Ксении. И любить она умеет так же горячо, как и ее соперница. Но не нашла Тося ключа к сердцу женщин, и это обозлило ее. Поддержать ее оказалось некому, не понял ее и Андрей — резкая и колючая Тося потеряла его любовь. Л. Шутова играет роль Тоси тонко, выразительно. Она показывает, как глубока женская обида в душе ее героини, как все меньше стала она интересоваться работой, весь свой пылкий темперамент вкладывая в борьбу за любимого.

В спектакле есть недостатки, и они тем более досадны, что изобретательность режиссера Н. Бондарева давала возможность избежать явных художественных просчетов.

...Мы уходим со спектакля, унося в памяти улыбку радости Ксении и глаза Тоси, полные грусти и слез.

В. ПИМЕНОВ

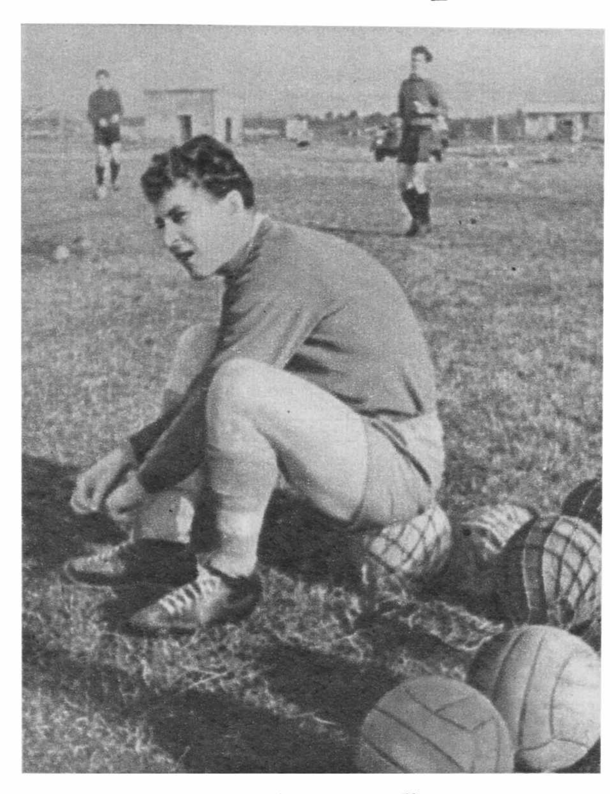

Ксения — Г. Лунина.

Тося — Л. Шутова.
Фото А. Гладштейна.

Мяч в игре!

В. Емышев, нападающий команды Центрального спортивного клуба Министерства обороны на сухумском стадионе.

На футбольном поле в Сухуми состоялась первая в нынешнем сезоне товарищеская встреча армейцев Москвы и сухумских динамовцев. В Сухуми тренировались также и спартаковцы Москвы. В часы занятий на стадионе было особенно много зрителей. А в Гагре тренировались динамовцы Москвы и Киева, спартаковцы Еревана. Сильнейшие команды страны использовали каждый день, каждый час для подготовки к большому и напряженному сезону. Он, как известно, начинается сегодня, 31 марта, и, как всегда, на южных стадионах страны.

В. БОБКОВСКИЙ
Фото автора.

Звезда абстрактного искусства

На американском небосклоне абстрактного искусства появилась новая звезда — шестилетняя обезьяна из балтиморского зоопарка. Ее картина «Капустные черви» вызвала восхищение знатоков модернистской живописи. После этого за один день 10 марта было продано двадцать ее полотен. Посыпались заказы на новые картины и в их числе заказ на монументальное произведение «Зима в Виннипеге». Коллекционеры, представители рекламных контор, фоторепортеры и операторы кинохроники осаждают зоопарк Балтиморы.

«Карьера» молодой шимпанзе в области изящных искусств началась сравнительно недавно. Месяца два назад балтиморская газета «Ньюс-пост» шутки ради напечатала рядом репродукции трех произведений: работу взрослого и довольно известного художника-модерниста, рисунок шестилетнего ребенка и мазню обезьяны Бетси. Читателям предлагалось определить, кому принадлежит каждый из трех шедевров. Читатели — поклонники абстрактного искусства — сочли работу Бетси наиболее оригинальной и приписали ее известному мастеру.

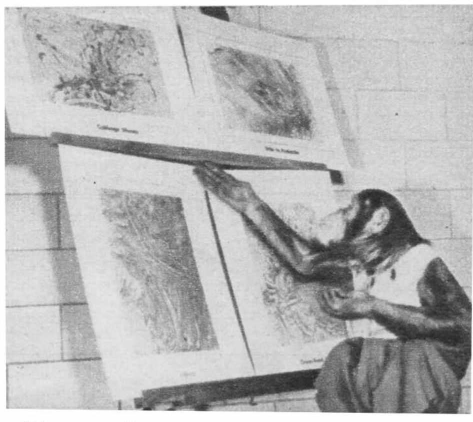
У Бетси действительно своя, индивидуальная манера живописи, что объясняется, правда, не столько особенностями ее вкуса, сколько спецификой технических приемов. В отличие от других модернистов Бетси совершенно не пользуется кистью. Она работает преимущественно пальцами, но часто для большей экспрессии действует локтями, языком, задними конечностями и другими частями тела.

После бурного успеха картин Бетси в Балтиморе в мире искусства стали говорить о новой школе — «школе Бетси», а меценаты предложили устроить выставку ее картин в Нью-Йорке. Но против этого запротестовали двуногие модернисты. Газета «Нью-Йорк пост» высказала подозрение, что протесты нью-йоркских художников-модернистов вызваны завистью к успеху своего четверорукого собрата из балтиморского зоопарка.

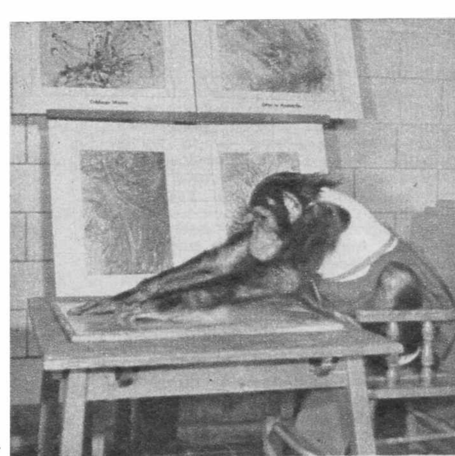
Возможно, впрочем, что это подозрение несправедливо. Другая газета считает, что выставка обезьяньих картин показала бы, что «все модернистское искусство — на десять процентов чистый идиотизм и на девяносто процентов — жульничество».

Л. ГРИГОРЬЕВ

Нью-Йорк.

Обезьяна Бетси «демонстрирует» свои «картины». Верхняя картина слева называется «Капустные черви».

За работой.

Лахти — город лыжный

В. ВИКТОРОВ, Б. СВЕТЛАНОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

«Молодой бойкий город Лахти зовет вас» — такими словами начинается туристский проспект, врученный нам представителями фирмы «Финляндское бюро путешествий». В нем сообщалось, что городу Лахти всего пятьдесят лет и что он самый молодой город в Финляндии.

Лахти называют «городом столяров», потому что в нем расположены крупные предприятия деревообделывающей промышленности, но его с таким же успехом можно было бы назвать «городом лыжников». Вот уже 34 года каждую зиму в Лахти устраиваются «Салпауссельке» — лыжные гонки, на которые съезжаются сильнейшие спортсмены многих стран. На прекрасном снежном стадионе Лахти будет проведено и первенство мира 1958 года. Поэтому традиционные гонки нынешней зимы привлекли к себе особое внимание. Эта своеобразная афиша в форме огромной лыжи извещает зрителей о программе лыжных соревнований в Лахти.

Люди разных стран съехались в Лахти. Побывали там и советские туристы. Вот трое из них рассматривают в витрине флажки тех стран, чьи спортсмены выйдут на старт.

Флаги девяти стран — ГДР, Норвегии, Польши, СССР, США, Финляндии, Франции, Чехословакии и Швеции — были вывешены над отелем, где поселились многие спортсмены и зрители. О том, кто живет в этом отеле, говорят не только флаги, но и занесенные снегом автомобили. Их владельцы явно предпочли в эти дни другое средство передвижения — лыжи.

Впрочем, так же поступили и многие коренные жители этого города.

Им лыжи купят только будущей зимой.

70 тысяч любителей и знатоков лыжного спорта, среди которых был президент Финляндской Республики Урхо Кекконен, имели возможность наблюдать весь ход борьбы.

Жители Лахти умеют ценить победу на лыжне. Об этом убедительно повествуют два снимка: юные болельщики не хотят отпустить советского спортсмена П. Колчина — победителя гонки на 15 километров,— пока он не даст им автографа. Победитель на дистанции 50 километров, сорокалетний крестьянин Э. Колехмайнен, был подхвачен на руки, как только его лыжи пересекли линию финиша.

Вечером весь город снова устремился на стадион: там на иллюминованном трамплине демонстрировали свое искусство прыгуны, а затем в честь спортсменов и гостей над Лахти вспыхнул праздничный фейерверк.

Почему мы так говорим

Протокол

Прежде всего переведем буквально это греческое слово. «Протос» — значит «первый»; «коллао» — «клею». Первоначально протоколом и называли первый лист, подклеенный к свитку с рукописью. На нем надписывали имя владельца, дату.

Быстро просмотреть свиток было невозможно: это не книга, которую легко перелистать. Длинный свиток надо было разматывать. Поэтому для удобства пользования свитком на этом листе, «приклеенном впереди», протоколе, выписывали краткое содержание рукописи.

Отсюда понятен переход к теперешнему значению слова «протокол»: сначала краткий перечень, а потом и краткая запись того, что было на собрании, документ, отмечающий какой-либо факт.

Монета

Вряд ли можно припомнить имена всех богов древних римлян. Особая богиня учила детей ходить. Другая — Нумерия — помогала детям одолеть счисление. Была богиня, так сказать, узкой специализации — Кардея, ведавшая дверными петлями. Само собой разумеется, был и бог дверей. Существовала даже «богиня ассенизации» — Клоацина охраняла клоаки.

Почти каждый храм почитал те свойства богов, которые ему особенно приглянулись. Получалось так, что были как бы разные Юпитеры или Венеры. Например, Юнона-Популония покровительствовала плодородию, а Юнона-Пронуба занималась сватовством.

В сердце Рима, на Капитолии, возвышался храм Юноны-Монеты. «Монета» значило «советчица», от «монео» — «советую».

Почти за триста лет до начала нашего летосчисления шла война Рима с Пирром—царем Эпира. Рим был скован из-за отсутствия денег. Тогда римляне обратились к Юноне. По римским сказаниям, Юнона якобы посоветовала воевать справедливо и при соблюдении этого условия обещала деньги.

Рим одолел Пирра, Юнона сдержала обещание. Поэтому, говорит предание, римляне перенесли денежный двор под покровительство Юноны-Монеты в посвященный ей храм.

Деньги, которые выпускал этот двор, называли по месту их производства монетами.

От этого слова во многих языках и образовалось название для обозначения металлических денег (в французском, немецком, английском и других).

И. УРАЗОВ

Шахта, которой пять тысяч лет

К югу от Каира, в песках пустыни, между древними египетскими Фивами и Красным морем, лежит небольшое местечко Фавахир. Здесь находится старейшая в мире шахта по добыче золота. Уже пять тысяч лет назад властители древнего Египта добывали из ее недр драгоценный желтый металл. Пробивая длинные подземные ходы, рабы искали золотоносные кварцевые жилы. Найдя жилу, они раскаляли огнем породу, поливали ее водой, а отвалившиеся куски минерала подымали на поверхность, где другие рабы размалывали кварц на больших жерновах из порфира. Полученная пыль просеивалась на бараньих шкурах, в шерсти которых задерживались крупинки золота. Добыча была очень скудной. Из тонны кварца получали всего несколько граммов золота.

Последние полторы тысячи лет шахта лежала заброшенная, всеми забытая. Одни только голодные шакалы заглядывали в нее. Но недавно она и другие старинные шахты возвращены к жизни. Правительство Египта приступило к их эксплуатации. Оснащенные современной техникой, шахты уже дали изрядное количество золота.

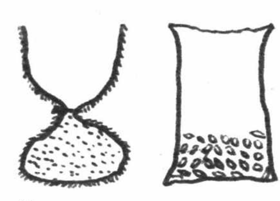
На снимке: штрек в шахте.

Из польского журнала «Панорама».

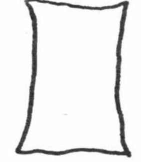
Ответ на задачу «Как пересыпать бобы?»

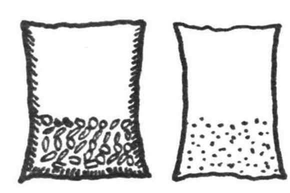
Мешок Вана. Мешок Ли.

1. Пересыпать все зерно в мешок Вана и перевязать середину веревкой.

2. Свободную верхнюю половину мешка Вана вывернуть наизнанку и пересыпать туда все бобы.

3. Развязать середину мешка Вана и высыпать обратно зерно в мешок Ли.

4. Пересыпать все бобы в верхнюю часть мешка Ли. Вывернуть снова мешок Вана.

5. Пересыпать все бобы в мешок Вана.

В этом номере на вкладках: репродукции картин П. П. Соколова-Скаля «Под вечер», А. М. Грицая «Молодая зелень», А. К. Саврасова «Проселок», И. Е. Крачковского «Весна в Крыму» и четыре страницы цветных фотографий.

«Огоньку» отвечают

«О ТЕХ, КОМУ НЕ ПОВЕЗЛО»

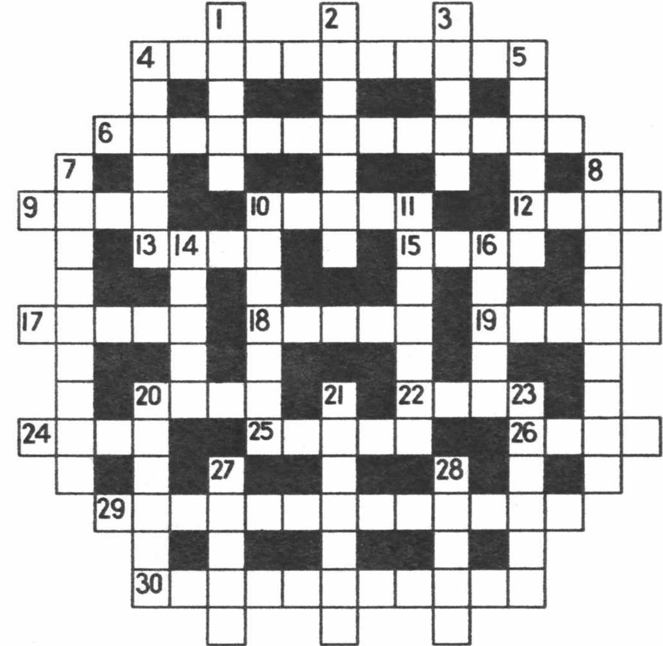
В связи с фельетоном Н. Викентьева «О тех, кому не повезло» («Огонек» № 52 за 1956 год) редакция получает письма-отклики от шоферов-любителей, а также и от профессионалов. Читатели отмечают, что вопросы, поднятые в фельетоне, имеют непосредственное отношение ко многим городам страны. Читатели выражают пожелание, чтобы эти вопросы подверглись на местах обсуждению на совещаниях работников ОРУДа и автотранспортных организаций с участием общественности и в первую очередь шоферов.

Редакция получила письмо от заместителя начальника ОРУД УМВД исполкома Моссовета тов. Познухова, в котором он пишет: «...Н. Викентьев правильно затрагивает ряд наболевших вопросов. Прежде всего следует сказать о недостаточно развитой сети автомобильных школ и клубов, где начинающий автомобилист мог бы пополнить свои скромные знания. Совершенно недостаточно налажен выпуск популярной автомобильно-технической литературы. У многих автомобилистов-любителей квалификация крайне низка, именно по этой причине они являются виновниками многочисленных происшествий.

Правильно также поставлен вопрос о пересмотре существующих правил движения. Правила движения по городу Москве, значительно упрощенные, после длительного всестороннего обсуждения с широкими кругами автомобильной общественности подготовлены и в ближайшее время будут представлены на утверждение исполкома Моссовета.

Фельетон товарища Викентьева обсуждался на совещании руководящих работников ОРУДа».

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Измерительный прибор. 6. Преимущество. 9. Государство в Южной Америке. 10. Город в Нидерландах. 12. Русский живописец-баталист. 13. Дипломатическое обращение. 15. Хищное животное. 17. Тропическое растение. 18. Потухший вулкан на Камчатке. 19. Музыкальный инструмент. 20. Обобщенное название подвижного состава. 22. Герой греческой мифологии. 24. Углубление в стене. 25. Вооруженные силы государства. 26. Часть света. 29. Русский мореплаватель. 30. Самодвижущаяся повозка.

По вертикали:

1. Единица речи. 2. Углевод. 3. Написанное произведение или часть его. 4. Хищная птица. 5. Оборотная сторона медали, монеты. 7. Точка орбиты планеты. 8. Искажение изображения, даваемого оптическим инструментом. 10. Морская птица. 11. Автономная республика. 14. Тесто в процессе брожения. 16. Персонаж из рассказа «Макар Чудра» М. Горького. 20. Пчеловодное хозяйство. 21. Советский шахматист. 23. Летательный аппарат. 27. Подъемное устройство в шахтах. 28. Город в Италии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. Штурм. 6. Багратион. 9. Соната. 10. Руслан. 13. Аргус. 14. Гичка. 15. Тавры. 20. «Трембита». 21. Провизор. 22. Котлован. 24. Линкольн. 28. Ангар. 29. Мегом. 30. Спица. 33. Диктор. 34. Енисей. 35. Максакова. 36. Кварц.

По вертикали:

2. Терразит. 3. Риторика. 4. «Манас». 5. Томск. 7. Колумб. 8. Чапаев. 11. Аргентина. 12. Бразильцы. 16. Итака. 17. Страз. 18. Ирбит. 19. Грань. 23. Овация. 25. Кипрей. 26. Некрасов. 27. Коленкор. 31. Отвал. 32. Литва.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00760. Подписано к печати 27/III 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 299. Заказ № 649.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На Ленинских горах в Москве. Прыжок с трамплина.

Фото Н. Сударикова.

Цена номера 3 руб.

